

СОЛНЕЧНОЕ ПЕРО

ОСВОБОДИТЬ
ТЬМУ,
ЧТОБЫ
СПАСТИ
СВЕТ

АННА
МИРОВИЧ

Annotation

Великий Кит пришел в движение. Галлерия разрушена, и королева Антия понимает: в Ашх-Анорне тоже случилась беда. Чтобы спасти оба мира, ей снова предстоит пройти знакомым путем в пирамиде Ауйле и сразиться с невиданными прежде силами. А еще Антия чувствует что-то странное: кажется, тот, кто был погребен в северных льдах, все-таки жив – жив и зовет ее.

Заключительная часть дилогии «Птица между мирами». Продолжение книги «Филин с железным крылом».

Бесстрашная героиня вновь отправляется в загадочный мир Ашх-Анора, окутанный тьмой и охваченный пламенем войны.

Авторская мифология, долгожданная и неожиданная любовная линия.

Атмосфера темной сказки и эпичность старинных легенд, в которых герои преодолевают трудности в поисках истинного света для мира, разума и сердца, надолго запомнятся всем читателям!

- [Анна Мирович](#)

-

- [I](#)

- [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- [V](#)

- [VI](#)

- [VII](#)

- [VIII](#)

- [IX](#)

Анна Минович

Солнечное перо

© Минович А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

I

Кит плывет

Антия Корр вин Фалан, королева Таллерии, проснулась от того, что спальню наполнил тихий тонкий звук, похожий на тот, который приходит с неба в безмолвные осенние дни и предвещает скорый снег.

Она села в постели, слепо дотронулась пальцами до лица. Звук угас. Кругом царила теплая летняя ночь: в дворцовом саду пищала какая-то птица, маленькая лампа на столе озаряла спальню золотым светом – Антия не любила просыпаться в темноте. Надо же, когда-то эти комнаты – серебристо-жемчужные, обставленные дорогой мебелью в восточном духе, с причудливой инкрустацией и плавными завитками – принадлежали ее матери, а теперь Антия занимает их по праву владычицы. Она вернулась домой и забрала свое – себе.

В груди возникло странное чувство, похожее на тревогу. Антия выскользнула из-под одеяла, набросила на плечи легкий халат с вышитыми журавлями, подошла к окну – парк был пуст, дворец спал. Откуда тогда взялось это ощущение, словно кто-то окликнул ее издалека?

Шевельнулись листья каштана – птичка перепорхнула с ветки на ветку, разразилась новыми трелями. Незачем стоять у окна и тарашиться во тьму, лучше вернуться в постель и попробовать уснуть.

Завтра у Антии большой и долгий день. Завтра в столице соберутся представители всех стран – принесут традиционную дань благодарности и уважения Таллерии, которая отправляет своих дев к Великому Китаю – и Эдвиг Данвигонский тоже приедет, привезет дары своей родины, жемчуг и серебро, а советники начнут убеждать королеву не тратить время даром и объявить о помолвке. Раньше Антия отговаривалась тем, что еще не достигла совершеннолетия и о свадьбе думать пока рано, но весной ей исполнилось восемнадцать, и оправдания кончились.

– Короли не заключают браки по любви, – говорил Лефер, верховный жрец Ауиле. – Ваш семейный союз объединит Таллерию и Данвигон, и мы перестанем волноваться по поводу того, что

чарнский принц бряцает оружием возле наших границ. Данвигон принесет вам своих драконов, это утихомирят Чарн. Навсегда.

Он делал паузу и добавлял:

– Антия, все видят, что вы достойная наследница своего отца. При вас Таллерия расцветает, так позвольте ей и дальше расти и крепнуть. Я понимаю, что вы его не любите, и в вашем юном возрасте это имеет значение. Но вы, к сожалению, не принадлежите себе. И хорошо, что понимаете это.

Антия соглашалась с ним. Да, королева должна думать о мире для своего народа, а не о собственном душевном комфорте. Да, Эдвиг Данвигонский – неплохой молодой человек: светловолос, умен, добр, много читает. Они встречались несколько раз, и их общение оставило самое приятное впечатление: Эдвиг обладал удивительной деликатностью, которая сочеталась с внутренней силой и твердостью характера. Он, правда, охромел после несчастного случая на охоте, но Антия понимала, что это пустяки, если смотреть на них с государственной точки зрения. Короли и королевы не обращают внимания на костыли своих супругов, они интересуются только выгодами для государства, и брак с Эдвигом был выгоден. Поэтому...

Звук повторился – торжественный и глубокий, он наполнил комнату, и Антия прижала руку к груди.

Нет. Невозможно.

Она открыла окно, надеясь, что воздух летней ночи, наполненный ароматами цветов, поможет ей опомниться. Но прикосновение ветра к щекам оказалось неожиданно холодным, и, словно наяву, она увидела хрусткую зимнюю ночь в недостижимых северных краях, колючие россыпи звезд над сверкающим черным мрамором пирамиды, занесенной снегом, и червоточины коридоров в ее глубине. Там, в непроницаемом мраке, что-то ждало.

То, что никогда не рождалось и не было сотворено, то, что не жило и не умирало.

То, что пугало ее почти до обморока.

Антия нашла в себе силы, чтобы прогнать видение и захлопнуть окно. Отшатнувшись в глубину комнаты, она почти без чувств опустилась в маленькое кресло, повторяя: «Нет, это невозможно, этого просто не может быть».

Звук, который разбудил ее, был зовом, но тот, кто стоял с другой стороны мира, не мог никого позвать.

– Ты же умер, – прошептала Антия так, словно владыка Ардион, сын Солнечного кормчего и хозяин Ашх-Анорна, мог ее услышать. – Ты же умер, тебя больше нет...

Когда-то заклинание Лефера соединило их – жрец был уверен, что если Антия сможет привести Ардиона в Таллерию, то у него хватит сил, чтобы остановить Великого Кита навсегда. Больше никаких землетрясений, никаких невинных девушек, которые спускаются в подземелья под пирамидой Ауйле – просто тихая жизнь на земле, что никогда не уйдет из-под ног. Антия помнила, как лопнула нитка, которая их связывала, когда Ардиона не стало, – тогда ей было больно и горько, и эти два года она жила, чувствуя горечь потери, нечастую, но прожигающую до глубины души.

Протянув руку, Антия взяла со стола серебряный колокольчик, позвонила. Тотчас же пришла служанка, энергичная и бодрая, несмотря на глубокую ночь. Приказав принести кофе, Антия придвинула к себе листок бумаги, взяла карандаш и написала:

«Верн, твой брат жив».

Нет. Невозможно.

Полное безумие.

Когда служанка принесла свежий кофе, Антия разорвала записку на клочки.

Солнце никогда еще не погружалось так глубоко.

Отец оставил свою ладью на краю снежного поля и к пирамидам шел пешком вместе с охранным отрядом. Ардиону казалось, что ему нужно было о чем-то подумать, и на какой-то миг у него даже промелькнула отчаянная надежда о помиловании. Может быть, его не казнят, а изгонят. Может быть, все не так страшно.

Нет.

То, что он еще жив, а не рассыпан жирным пеплом над болотами – уже помилование. Незачем рассчитывать на большее.

Пирамиды спали под звездным небом. Ветер скользил рядом с идущими, замечая следы. Ардион хотел было окликнуть Солнечного кормчего, заговорить с ним, но молчал. Молчание – золото: такое же, как узор доспехов великого божества.

Вместе с охранным отрядом и преступником-сыном отец вошел в пирамиду. Ардиону не было страшно – так, немного не по себе. Здесь царила непроглядная тьма, которую не могло развеять даже сияние доспехов Солнечного кормчего, и в этой тьме ему предстояло умереть и быть погребенным.

Он ненавидел мрак. Все в его душе сейчас восставало и хотело бороться, но Ардион знал, что борьба бесполезна. Охранники смотрели на него с нескрываемым страхом – понимали, что он может сопротивляться, и знали, что не смогут причинить ему вреда.

Зачем вообще Солнечный кормчий позвал их? В качестве почетного караула?

– Ты подвел меня, – равнодушно произнес отец, и тогда Ардион откликнулся:

– А ты меня простил.

Ему не было больно – чуть тоскливо, вот и все. Он понимал, что виноват, и знал, что уже ничего не сможет исправить. Демоница ушла в свой мир, а он так и не сумел остановить ее. Не глядя в лицо сына, Солнечный кормчий мягко провел ладонью по воздуху, как учитель, который стирает с доски написанное. Ардион хотел спросить, кто теперь займет его место владыки Ашх-Анорна, но не успел. Весь свет, который наполнял душу, и все солнечное величие, которое в нем заключалось, моментально иссякли. Последним, что он почувствовал, был удар – он рухнул на мрамор пола, как отброшенная марионетка.

Солнечный кормчий смотрел с привычным спокойствием.

Иногда его взгляд приходил к Ардиону в туманных видениях, которые возникали в голове. Он не умер до конца, но и живым он не был тоже. Это странное бытие показалось бы ему раздражающим, но холод посмертия стирал любые чувства. Пирамида была создана из некоего подобия черного стекла – лежа на дне, Ардион смотрел, как над ним кружат звездные россыпи и двуглавые птицы раскрывают крылья, пробуждая северное сияние.

«Спи! – слышал он их мелодичное пение. – Спать – это тоже милость. Сон – это тоже прощение!»

Он не знал, сколько времени прошло в этой нежизни, но внезапно почувствовал боль в груди и услышал далекий звон. Ардион прикоснулся разумом к миру, и бесконечная зимняя ночь вдруг соскользнула – он увидел яркое летнее утро, высокое стрельчатое окно и пышный зеленый сад. Все было настолько свежо и ярко, что Ардион невольно ощутил тоску. Ему хотелось дотронуться до зелени, ощутить на лице тепло солнечных лучей – ему хотелось жить, а не каменеть в подземелье!

Он наконец-то почувствовал и гнев, и досаду, и горечь. Он знал, что его отец был равнодушным и безжалостным, но сейчас это задело душу слишком глубоко, прошло через лед, который окутывал тело хрустальной глазурью.

– Прекрасно, ваше величество! Изумительно!

Беспечный девичий щебет, запах духов и пудры, предвкушение праздника. Ардион отвел взгляд от окна и сада и вдруг увидел себя – мертвеца с темным заледеневшим лицом, которое мелькнуло в глубине зеркала и растаяло. На парадных доспехах, в которые его облачили, лежали снежинки, руки сжимали черен бесполезного меча. Видение растворилось почти сразу же, но девушка в белом платье сдавленно вскрикнула и отшатнулась от зеркала.

Антия. Иномирная демоница, которая упала с неба и разрушила его жизнь. Однажды она пыталась зарезать его ножом для очинки карандашей – сейчас Ардион вспомнил об этом с неожиданным теплом.

– Ваше величество, что с вами?

К ней тотчас же бросились служанки – Антия прижала пальцы к губам и отрицательно мотнула головой.

– Ничего не нужно. Уходите.

Когда ее оставили в одиночестве, она снова заглянула в зеркальную глубину, словно хотела снова найти в ней его мертвое лицо. Убедиться, что старый враг больше не способен причинить ей вред. Ардион видел ее отражение – юное нежное лицо, испуганный взгляд карих глаз, каштановые волосы, уложенные в сложную прическу, вычурное белое платье.

Свадьба?

Он снова ощутил досаду. Антия вернулась домой и получила все, что хотела. А ему наградой была даже не смерть – небытие. Наверняка

где-то рядом отирается и брат, но Ардион сейчас меньше всего хотел увидеть Верна. Младший всегда умудрялся все разрушить и испортить.

– Ты там? – спросила Антия, и в ее голосе звучали надежда и страх. – Ты меня видишь?

«Вижу, – подумал Ардион. Он смотрел на нее как на жизнь, к которой никогда не сможет прикоснуться. Здесь, среди льдов, в заснеженной пустыне, о которой забыли люди, это было похоже на глоток воды. Его умертвили, но он мог смотреть. Он мог чувствовать. – Да, я тебя вижу».

Антия не услышала его ответа. Дотронулась до зеркала и закрыла глаза.

Звон в груди медленно рассеялся во мраке.

Столица звонила в колокола. Город кипел, выплескивая вареву пестрых цветов и разноцветных флагов, людских лиц и радостных голосов. Сегодня был праздник – иногда казалось, что его любят больше Нового года. Все жители высыпали на улицы, чтобы ничего не пропустить. Когда еще увидишь белоснежных слонов из княжества Фарешан, которые несут на себе целые башни с людьми, или гигантских орлов Чарнского королевства, величаво раскрывающих посеребренные крылья? Когда еще полюбишься на причудливые наряды данвигонцев, которые похожи на паутину, унизанную разноцветной росой, или стройные ряды веранских рыцарей, которые движутся настолько согласованно и ровно, что кажутся единым организмом?

Антия стояла в центре площади, встречая тех, кто принес Таллерии традиционную дань благодарности. Плотный шелк праздничного белого платья, которое открывало плечи и часть груди, казался ей холодным. Глядя на веселых горожан, она думала о том, что несколько лет назад так же любовалась на слонов и орлов, которые заходят на посадку чуть в стороне, а теперь все это кажется ей рутиной, и довольно скучной.

К неприятному тянущему чувству в груди с утра прибавился озноб. Антия дала себе слово, что обязательно вызовет лейб-медика

после того, как все закончится. Но перед ее глазами то и дело поднималась прозрачная пирамида из черного льда под хрустящим от мороза звездным небом, и тогда она мысленно усмехалась: чем тут поможет лейб-медик? Разве она расскажет ему о торжественно-скорбном лице мертвеца, которое вдруг проплыло в отражении?

Безумная королева на троне Таллерии? Вот уж нет.

Чарнский принц Фил-о-фил, разумеется, не приехал – отправил послов, и Антия с вежливым любопытством смотрела, как смуглые люди, укутанные в изумрудные полупрозрачные покрывала, несут ей дары своей земли – пряности и фрукты в сундуках из розового дерева. Кин-о-кен, чарнский посол, который возглавлял шествие, надел столько золотых украшений, что Антия невольно задалась вопросом, как же он еще не упал под их тяжестью. Сундуки поставили справа от нее, посол снял темно-синюю чалму, украшенную россыпью бриллиантовых бабочек, и, поклонившись королеве в ноги, громко сказал скрипучим голосом с акцентом:

– Прими, владычица Таллерийская, нашу дань. Чарн благодарит тебя и твоих дев, которые хранят сон Великого Кита.

Антия с достоинством кивнула. Географически сложилось так, что именно на территории Таллерии располагался и вход к Великому Кита, и выход от него в горах у Белых ворот, поэтому таллерийские девушки спускались во мрак под пирамидой Ауйле, а остальные страны щедро платили за это, сохраняя жизнь своих дочерей. Содержимое сундуков было во многом церемониальным, а вот регулярные поставки пряностей, угля и железа имели уже совсем другое значение. Слуги подхватили эти сундуки и оттащили в сторону: когда церемония завершится, все их содержимое будет отдано горожанам.

Следующими были представители Данвигона – свита Эдвиг казалась светящимся облаком мотыльков, которое опустилось на площадь. Принц шел первым, опираясь на свою трость, и Антия почувствовала жгучий укол стыда и неудобства. Наверняка ему тоже говорят о том, что нужно жениться, что брак с Антией Таллерийской принесет его стране сплошные выгоды, но Эдвиг был слишком тонок, чтобы не понимать, какие именно чувства испытывает Антия, и слишком умен, чтобы закрывать на это глаза.

Он подошел, поклонился – Антия доброжелательно улыбнулась в ответ. Повинуясь жесту принца, его спутники открыли сундуки,

и Антия увидела жемчужные россыпи и витые серебряные стержни, которые выглядели так, словно их сняли со лбов единорогов. Данвигон лежит на самом краю мира – его жители настолько отважны, что их корабли отплывают на десять дней хода от суши в поисках рыбных косяков и синих кальмаров с жемчужинами в животах. В Таллерии говорили, что данвигонцы способны проплыть под брюхом у Великого Кита.

– Данвигон смиренно благодарит Антию Таллерийскую и ее народ, – произнес Эдвиг. По невозмутимому выражению его лица нельзя было понять, о чем он думает на самом деле. – Прими, владычица, скромные дары нашей земли и нашу вечную признательность.

Антия кивнула. Надо было что-то решать, почему бы и не сегодня... Она протянула руку и, когда Эдвиг осторожно пожал ее пальцы, негромко сказала:

– Мне нужно поговорить с вами наедине, ваше высочество. После церемонии.

Эдвиг понимающе кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то очень живое, не предусмотренное церемониальным протоколом. На площадь уже входили слоновьи башни, двигаясь с величавой размеренностью, и, еще раз кивнув, Эдвиг отошел со своими людьми в сторону.

«Есть такое слово «надо», – напомнила себе Антия ту фразу, которую частенько повторял Верн. После возвращения из Ашх-Аорна Верн занял место зрителя королевской библиотеки – иногда Антия заходила к нему и видела, как он сидит на диванчике в своем кабинете, вытянув ноги, читает какую-нибудь старинную книгу, и от него так и веет спокойствием и умиротворением.

«Я тебе завидую, – однажды призналась Антия. – Ты можешь просто сидеть и читать книгу».

Тогда Верн только улыбнулся, и...

Антия вдруг поняла, что земля плывет под ногами.

Фарешанские слоны взревели от ужаса, и это словно послужило сигналом: на столицу обрушились крики людей, звон рассыпающихся окон, далекий низкий гул, который был почти не слышен, но наполнял все тело вязкой слабостью и таким страхом, что Антия будто прилипла к мостовой. Она не могла двигаться и говорить, мозг захлебывался в

панических воплях, приказывая ей со всех ног мчаться к спасательному дирижаблю, но тело не могло сделать и шага.

Она окаменела.

Анття смотрела: чарнские орлы взлетали с нервным громким клетотом, и кто-то из горожан вцепился в одну из лап, пытаясь спастись. Его втянули на птичью спину, в алый треугольник палатки, и орлы стали подниматься еще выше.

Анття видела: падают сундуки, раскалываясь и рассыпая уже никому не нужные пряности, жемчуг и серебро. Кто-то из помощников пробежал мимо, оставив отпечаток ботинка на розовой мякоти драконьего яблока. Земля с издевательской неспешностью плыла под ногами, и кто-то орал во всю глотку:

– Кит! Кит проснулся!

Одна из дворцовых башенок вдруг качнулась и неторопливо стала рассыпать кирпичи в зелень сада – невидимая рука схватила ее и отломил ради забавы, так ребенок ломает сахарные фигурки на торте. Кругом бежали, кричали, ревели, а Кит плыл по океану, и в мире не было той силы, которая сейчас сумела бы удержать его.

Все это заняло несколько мгновений, но Антии казалось, что она превратилась в муху в янтаре, и перед ней прошли тысячелетия. Потом ее подхватила королевская охрана, и Антия опомнилась – вместе со всеми рванулась к спасательным дирижаблям, которые нависали над столицей разноцветными рыбинами, почувствовала под ногами не текучую землю, а перекладины веревочной лестницы, и тело ожило – сработало так, как учили с раннего детства.

Наш мир – Великий Кит. Когда он проснется и поплывет, то нужно спастись – бежать к дирижаблям, забираться в их животы и ждать. Час, день, три дня – Кит успокоится, и тогда можно будет спуститься на развалины своего мира.

– ...аше ...еличе...

В дирижабль набился народ. Когда надо было спастись, никто не обращал внимания на сословные различия. Охрана провела Антию в королевский спасательный отсек – ее тотчас же принял лейб-медик, усадил в кресло и, протянув серебряную рюмку с лекарством, заметил:

– Магический удар. Очень сильный. Вас им накрыло.

Анття осушила рюмку и не почувствовала вкуса, лишь едва уловила мятный запах. Издалека вновь донесся гул и грохот – Кит

плыл через океан, разрушая все, что надоедливые насекомые возвели на его спине. В королевском спасательном отсеке воцарилась тишина. Антия откинулась на спинку кресла, скользнула невидящим взглядом по собравшимся – здесь были и таллерийские сановники в темно-синих мундирах, и данвигонцы, даже затесался какой-то чарнец в золотой мантии и такой же золотой чалме, он сейчас стоял у круглого окошка, посеревший от страха, и беззвучно молился, стуча пальцами по виску и призывая на помощь своего великого Сокола.

Кто-то осторожно сжал руку Антии. Она обернулась – Эдвиг сидел рядом и выглядел пусть и испуганным, но очень собранным – и почему-то ей сделалось легче.

– Антия, вы меня слышите? – спросил он. – Лейб-медик говорит, что был магический удар. От Кита. Вас задело.

Она кивнула. Можно было посмотреть в окно и увидеть, как столица разрушается словно кукольный городок, который надоел своему маленькому хозяину. Люди карабкались по веревочным лестницам спасательных дирижаблей и падали в дым и огненную тьму. Кит плыл через океан, и все заполнялось мраком.

Их мир рухнул.

Перед окном что-то мелькнуло, и чарнец, который бормотал молитву, вдруг воскликнул с испуганным удивлением:

– Смотрите! Там сова! Здоровущая!

Антия закрыла глаза и улыбнулась.

Она знала, что там не просто сова, а филин. Крупный растрепанный филин с железным крылом.

– Таллерия в руинах. Данвигон полностью разрушен. Чарнской королевской династии больше нет. По самым скромным подсчетам, погибла треть населения мира.

Эдвиг едва слышно вздохнул. Провел по лицу ладонями, словно пытался стряхнуть страшный сон. Сгустился вечер – темно-синий, тревожный, подсвеченный пожарами. Дирижабли летели над горящими останками их мира, и Антия видела, что Кит продолжает плыть, охваченный пламенем и смертью. Министр обороны Келлеван

опустил лист с докладом – к нему поступали данные со всего мира, с каждого командного пункта каждого дирижабля, и сейчас он, кажется, впервые в жизни не знал, что делать дальше.

Келлеван выглядел опустошенным, и Антия не знала, как будет справляться со всем этим.

– Он остановится, – сказала она так, словно хотела убедить не окружающих, а себя. – Какой запас хода в наших дирижаблях?

– Десять дней, ваше величество, – отрапортовал капитан. Келлеван кивнул.

– Потом нам предстоит очень много работы, – проговорила Антия. Люди вокруг казались акварельными набросками на стене. Плеснешь морской воды – и их не станет. – Пожары. Разруха. Голод. Кит никогда так долго не плыл.

Если бы здесь был Лефер, то он обязательно сказал бы о конце света. Словно прочитав ее мысли, Келлеван заглянул в свой лист и сообщил:

– Столичная пирамида Ауйле устояла. Как и все пирамиды по стране, даже удивительно. Ваш советник Верн год назад велел разместить в них неприкосновенные запасы государственного резерва, так что у нас есть надежда.

– Хотя какие-то хорошие новости, – вздохнула Антия. Обернувшись к Эдвигу – тот выглядел совершенно спокойным, просто непробиваемо спокойным, но за этой стеклянной гладью Антии чувствовалась буря. Принц все потерял. Теперь у него осталась только его трость, и Антия ощутила острую жалость.

На стенах лежал тревожный отблеск пожаров. Привычный мир внизу был объят пламенем, и Антия вдруг с ужасом подумала: а что, если Кит нырнет и уйдет на глубину? И десять дней они будут лететь над океаном, утопая в своем безнадежном ужасе, а потом все кончится...

– Кит остановится, – уверенно сказала она. Королеве надо всем своим видом выражать уверенность и стабильность, даже когда мир летит к еврам в пасть. – И когда он остановится, мы все должны держаться вместе. Восстанавливать наш мир. Помогать друг другу. Сейчас не имеют значения ни расы, ни границы, ни сословия. Иначе мы не выживем.

Ее слушали затаив дыхание, и Антия видела, что ее слова дают людям ту надежду, которая почти иссякла в ней самой. Она протянула руку Эдвигу и сказала, понимая, что навсегда переступает что-то очень важное в себе:

– Я знаю, что сейчас не самый лучший момент, чтобы объявить о моем согласии, но не могу не сказать. Таллерия и Данвигон дальше пойдут рука об руку. Мы поднимем наши державы из руин и поможем остальным. Пусть наш союз станет надеждой и новой основой мира.

Некоторое время люди в отсеке молчали, а потом захлопали в ладоши, заговорили хором, поздравляя, и Антия поняла, что все сделала правильно. Королева не принадлежит себе. Королева должна поступать так, как будет лучше для страны – особенно когда от этой страны остались только дым и развалины. Эдвиг прикоснулся губами к ее пальцам и с улыбкой произнес:

– У меня теперь нет ни жемчугов, ни серебра. Но я сделаю все, чтобы вы никогда не пожалели о своем согласии, Антия. Мы...

Он не договорил. Капитан бросил взгляд в окно и с растерянной надеждой выдохнул:

– Ваше величество! Кит остановился!

Антия кинулась к окну. Кругом царила ночь – рыжая, огненная, мертвая. Стаи разноцветных дирижаблей, которые плыли рядом, замедляли движение – все сейчас видели то же, что и королева. Внизу лежал незнакомый город, окутанный пламенем, и Антия увидела, что он неподвижен. Гул, который наполнял все вокруг, оборвался. Траурные ленты дыма поднимались в небо, но Кит больше не плыл.

«Верн, – подумала Антия. – Кит пришел в движение, но Верн остановил его».

Кто еще мог бы это сделать?

Она обернулась. Чарнец, забившийся в угол, не переставал молиться. Эдвиг поднялся, опираясь на трость, подошел к окну и, прищурившись, посмотрел не на горящий город, а куда-то в сторону.

– Что это? – спросил он. – Вот там, справа. Видите сияние?

Антия посмотрела туда, куда показывал принц, и увидела, что во мраке медленно струится серебристое свечение. Вот в нем мелькнули мазки зеленого и розового, и она вспомнила, как когда-то, бесконечно давно, летела на спине двуглавой птицы, и от ее перьев разливалось

зареву, которое поднималось на полнеба. В отсек заглянул один из офицеров и сбивчиво сообщил:

– Господин капитан... там... кажется, там магический провал. Наши приборы просто с ума посходили!

Капитан выбежал из отсека. Некоторое время Антия молчала, собираясь с духом, а потом сказала:

– Мне надо туда. Кажется, я знаю, что там.

– Ваше величество, – оторопело выдохнул один из офицеров ее личной охраны. – Давайте отправим отряд. Вам лучше оставаться здесь.

Он был прав. Место полководца не впереди на лихом коне, а в благоразумном отдалении, чтобы видеть все поле битвы, но Антия лишь повторила тем тоном, который советует не спорить:

– Мне. Надо. Туда.

Эдвиг посмотрел на нее так, что Антия испугалась, что сейчас он начнет спорить и велит ей оставаться на месте. Но он, к ее удивлению, не стал – просто кивнул и произнес:

– Пообещайте, что будете осторожны. Хорошо? – И, обернувшись к ее встревоженным офицерам, добавил: – Вряд ли мы сможем остановить девушку, которая однажды спустилась к Киту и вернулась живой и невредимой.

Антия дотронулась до его руки. Ведь неплохой же человек, и они станут настоящими соратниками, а что еще надо для того, чтобы восстановить мир после конца света? Тогда почему ее снова начинает знобить и в груди вновь дергает невидимый крючок, который вошел под плоть и кости, и сейчас тянет, тянет?..

– Обещаю. – Антия нашла в себе силы улыбнуться и повторила: – Я знаю, кто там.

В личной каюте нашлась запасная одежда. Антия с удовольствием избавилась от церемониального платья – сейчас оно напоминало ей саван. Переодевшись в светло-серую рубашку, темные куртку и штаны, Антия выскользнула из каюты, и офицеры охраны повели ее к выходу. Маленькие лампы едва развеивали сумрак, и Антии казалось, что она движется через подземелье или внутренности огромной рыбы.

Дядя Бриннен летел в одном из дирижаблей, он спасся, и Антии доложили об этом почти сразу же. Она кивнула, просто отметив информацию, но поняла и приняла ее только сейчас, когда шла и

вспоминала, как старый инвалид спасал ее много лет назад, уводя сквозь подземелья королевского дворца от тех, кто убивал ее родителей и брата.

Ей стало легче. Сейчас она словно возвращалась к себе – не к королеве Таллерии, а к Антии, которая однажды спустилась в подземелья пирамиды Ауйле, прошла дорогами Ашх-Анорна и вернулась домой.

Открылась дверь, и на мгновение Антия задохнулась – настолько отвратителен был воздух снаружи. В голове зашумело, но Антия шагнула вперед и, схватившись за перила, развернулась и поставила ногу на первую ступеньку веревочной лестницы. Дирижабль опустился так низко, как только мог, – нить лестницы убежала в ночь. Порыв ветра вдруг прогнал запах гари и крови и принес с собой легкий травяной. Антия поняла, что сейчас они в Заполье, среди его цветущих лугов.

Лестница качнулась, и Антия продолжила спуск. Зарево, которое разливалось справа от нее, пульсировало, то разгораясь так ярко, что Антия видела каждую нить в толстых веревках, то угасая – тогда она начинала чувствовать себя слепой, и в ней против воли поднималась волна паники. Но наконец сияние сделалось спокойным и ровным, и, когда ноги уткнулись в траву, Антия наконец-то смогла выдохнуть.

«Верн, – подумала она. – Верн».

Она обернулась. Зарево поднималось до небес, и трава казалась белой. Верн лежал на спине, раскинув руки и погрузив пальцы в почву. Антии вдруг почудилось, что он дрожит и рассыпается на пестрые клочки, но потом они стекаются, прилипают друг к другу, и Верн вновь впивается в землю. Повязка была снята, оба глаза, наполненные жидким золотом, слепо смотрели в небо. Верн что-то бормотал, его лицо было искажено нестерпимой болью и безумием, но, когда Антия сделала несколько шагов вперед, он улыбнулся и проговорил:

– Ты здесь... я видел твой дирижабль.

Антия нырнула в зарево, и ее сразу же будто отрезало от мира. Ушла вонь сгоревших городов, отпрянул страх и горе потерь – рядом с Верном было очень тихо. Он дрожал, словно через него пропускали электричество, но Антия почему-то знала: с миром все будет в порядке. Пока будет.

– Верн, что случилось? – спросила она. – Что нам делать?

– Кит пришел в движение, – ответил Верн, и на его губах выступил и лопнул пузырь крови. – Я его держу, но надолго меня не хватит. Неделя, не больше. Он испуган до смерти. Он пытается уплыть от своего страха...

Хотя Антия ожидала услышать что-то в этом роде, ее все равно окатило ледяной волной. Неделя. У их мира всего неделя – они успеют сделать вдох, и весь кошмар начнется заново.

Она смогла взять себя в руки. Сдержала слезы, сжала зубы.

Найти способ спастись. Он должен быть.

– Верн, что я должна делать?

Глаза Верна снова залило расплавленным золотом, и Антия услышала полухрип-полуклекот:

– Что-то случилось в Ашх-Анорне. Исправишь все там, и мы спасемся здесь. Миры...

Верн закашлялся, кровь выплеснулась из его рта, потекла по лицу и шее. Антия сдернула жилет, свернула, подложила ему под голову – Верну удалось слабо улыбнуться. Он держал их мир, оттаскивал от пропасти – это было страшное, призрачное ощущение.

– Миры связаны, – выдохнул Верн. – Если погибнет Ашх-Анорн, то и от нас ничего не останется. Спускайся вниз, Антия. Найди моего брата. Я не знаю, что там произошло, но... Он жив. И он тебе поможет.

Он снова содрогнулся всем телом, рассыпаясь разноцветными брызгами. Вскрикнув, Антия шарахнулась в сторону. Пятна света слились в знакомый силуэт, и две руки вновь погрузились в землю – одна живая, вторая механическая.

Антия поднялась и побрела в сторону дирижабля. Все качалось и плыло перед глазами, но мир стоял на месте.

Мир был неподвижен. Пока еще был.

Столица была полностью разрушена.

Мобиль Антии с трудом пробирался по бывшему Морскому проспекту. Развалины зданий, люди, похожие на тени, которые пытались отыскать своих близких, уцелевшие полицейские, пытавшиеся хоть как-то регулировать движение и наводить порядок –

Анття смотрела, и ей казалось, что она видит долгий тягостный сон. Здание Первого королевского банка уцелело, в нем даже стекла не вылетели – зато от почты напротив осталась лишь статуя Вестника, который поднимал к небу то, что осталось от его руки. Когда-то в ней было письмо. Город наполняло сладковатым запахом – под развалинами было слишком много мертвецов, отчего Антию наполнял даже не страх, а липкая тоска.

У нее есть неделя. Всего неделя. Где-то там, в Заполье, на траве лежал Верн, удерживая Кита. Когда Антия думала о нем, ее охватывала тревога.

Полицейский в разорванной форменной рубашке дунул в свисток, махнул рукой – мобиль миновал перекресток, и Антия увидела ручеек очереди: возле пирамиды Ауиле шла раздача еды. Они объехали знакомую ограду, мобиль остановился возле бокового входа, где сейчас не было никого, кроме служки в оранжевой мантии, и Эдвиг, который до этого молчал, негромко произнес:

– Мы все исправим. Ты будешь там, внизу. Я все сделаю здесь.

Анття удивлялась тому, насколько он спокоен. Просто непробываемо спокоен. Появилась задача, трудная, очень важная, и он готов был взяться за решение. Данвигонский принц аккуратно, но уверенно взял все дела в свои руки еще до приземления: распорядился организовать раздачу еды возле всех пирамид Ауиле, собрать все дирижабли, которые были на ходу, устроить лагеря для беженцев и всех, кто остался без крова, спасти все, что можно было спасти. А ведь были еще и мародеры, и прочие любители ловить рыбку в мутной воде, с которыми даже на пороге конца света надо было сражаться. Глядя на Эдвига, Антия думала: вот он, человек на своем месте.

– Спасибо тебе, – с искренней благодарностью сказала она. Водитель вышел, открыл дверцу. Эдвиг отказался от помощи, выбрался сам и, протянув руку Антии, прищурился на низкое облачное небо.

– Погода меняется, – сообщил он, когда Антия вышла, и поправил лямку ее рюкзака, наполненного всем, что могло бы понадобиться в Ашх-Анорне. – Скоро выйдет солнце. Чувствуешь, как пахнут пионы?

Возле пирамиды Ауиле всегда было много цветов. Сейчас их густой сладкий аромат перекрывал смертную вонь разрушения. Если

смотреть прямо на пирамиду, то можно поверить, что ничего плохого не случилось. С миром все в порядке, а они просто идут к Леферу, чтобы обсудить брачную церемонию.

Служка узнал их. Поклонился, открывая ворота, и с улыбкой доложил:

– Ваше величество, ваше высочество, приветствую вас в доме Ауйле. Вас уже ждут.

– Ну еще бы нас не ждали, – пробормотала Антия. Иногда ей казалось, что Лефер способен видеть будущее. Два года назад, привязывая Антию к владыке Ардиону и отправляя ее в пирамиду, главный жрец, возможно, знал, что нечто напугает Кита настолько, что он проснется и поплывет.

– Надо же, все пирамиды устояли. – Эдвиг оценивающе взглянул на темную громаду, которая нависала над разрушенным городом и будто бы говорила: я цела, и вы все тоже уцелеете. – Ауйле их бережет или это особенность конструкции?

– Ауйле и себя не уберег. – Антия кивнула в сторону статуи божества, которая лишилась головы и трех из своих шести рук. Эдвиг усмехнулся и ничего не ответил.

Служка провел их в зал Неба: входя, Антия почувствовала нечто, похожее на разряд тока. Два года назад она вошла сюда, и зал был точно так же озарен светом бесчисленных ламп, и ее охватило точно таким же холодом, когда она увидела лестницу, уходящую во мрак. Сегодня зал не был пуст: вдоль стен выстроились ящики и мешки, служки подхватывали их и выносили, спеша к пункту раздачи продовольствия. Лефер, угрюмый, с перевязанной головой, делал какие-то пометки в растрепанной тетради. Когда они обменялись приветствиями, главный жрец угрюмо заметил:

– Я иногда начинаю думать, что лучше нам всем прятаться не на дирижаблях, а здесь. Но потом понимаю, что ничего не получится.

– Почему? – спросила Антия. Ее охватывало волнение. Крючок, который засел у нее в груди, принялся тревожно тянуть и дрожать. То, что было внизу, узнало ее и теперь звало к себе.

– Лестница разрушена ниже сотой ступени. В Ашх-Анорне случилось что-то очень страшное. – Лефер закрыл тетрадь, передал ее одному из служек и сказал: – Вижу, вы готовы отправляться в путь, ваше величество.

Антия кивнула.

– Перед этим мы бы хотели заключить брак, – произнес Эдвиг. – Чтобы я мог официально действовать на благо Таллерии и Данвигона, объединенных под короной нашей семьи, пока Антия будет внизу.

Антия вновь качнула головой. Еще вчера утром она старательно отталкивала от себя мысль о том, что надо выйти замуж за Эдвигу Данвигонского – и вот они стоят в пирамиде рядом с главным жрецом. Это свадьба по законам военного времени.

Крючок снова дрогнул в груди. На мгновение зал Неба растаял. Антия увидела заснеженную равнину под звездным небом, черную гладь пирамиды, розовые, синие и золотые полотнища света, которые разворачивались над ней с величавой торжественностью. Там, внизу, в пыльной густой тьме, ее ждали.

Ее качнуло. Эдвиг поддержал Антию под локоть, не давая упасть, и, очнувшись, она вновь напомнила себе о том, что он хороший человек. Сильный, несмотря на свое увечье. Энергичный. Такой, который будет восстанавливать Таллерию, пока Антия не вернется.

«Если я не вернусь, – подумала она, – нам уже никто не поможет. Поэтому я вернусь».

Лефер вздохнул. Взял Антию и Эдвигу за запястья, подержал и выпустил – прикосновение его горячей сухой руки заставило ее поежиться, будто до нее дотронулся дракон.

– Будьте супругами перед всемогущим и всеблагим Ауиле, пока вас не разлучит смерть, – коротко произнес жрец. – Надеюсь, это случится совсем не скоро.

Они поцеловались – быстро, едва коснувшись губами, и Антия вдруг вспомнила, как мечтала о том, что встретит любовь – огромную, бескрайнюю, как океан.

А теперь надо просто суметь выжить. Вернуться и спасти. Какая уж тут любовь...

Ей вдруг стало смешно. Эдвиг ободряюще улыбнулся, его пальцы сжались и разжались на трости. Вот они стоят на обломках своего мира и пробуют что-то делать... Антия тоже улыбнулась и сказала, обещая даже не новоиспеченному мужу, а себе:

– Я вернусь.

– Я буду ждать, – с искренним теплом произнес Эдвиг. – И позабочусь о твоём дяде... и обо всех остальных.

Лефер поманил одного из служек. Тот подбежал, Антия увидела в его руке фонарь.

– В прошлый раз у вас его не было, – улыбнулся жрец, и Антия кивнула.

– Да. Пригодится. Говорите, ниже сотой ступени?

Лефер утвердительно качнул головой.

– Мои люди не отважились пробираться дальше. Зеркала, которые перебрасывали девушек к выходу у Белых ворот, разрушены, так что путь свободен.

Антия постояла, чувствуя, как ее наполняет странное чувство, от которого поднимается звон в голове, а живот начинает ныть. Откуда-то издали доносились голоса. Служки суетились, вынося новые ящики, запах крови и смерти пробивался сквозь аромат пионов.

Надо было идти.

На десятой ступеньке она обернулась. Эдвиг поднял руку, помахал, улыбнулся. Антия подумала о нем с неожиданным теплом. Когда она вернется, у них начнется хорошая семейная жизнь – пусть без любви, зато с взаимопониманием и дружбой. Лефер стоял молча и смотрел с угрюмой усталостью, Антии вдруг показалось, что он знает намного больше, чем готов рассказать.

Не стоило медлить. Она вздохнула и продолжила спуск. Постепенно свет зала Неба остался позади. Ступеньки утонули во мраке, и, подняв фонарь, Антия вспомнила, как когда-то спускалась здесь среди двенадцати избранных дев и кругом не было ничего, кроме тьмы и ужаса, который тогда захлестывал ее с головой.

На девяностой ступеньке она увидела осколки зеркала. Раньше это казалось им прекрасной идеей: разместить здесь зеркало перемещения из Ашх-Анора, которое отправляло избранных дев к выходу у Белых ворот. Ход ритуала не был нарушен – девушки спускались к Кита и возвращались целыми и невредимыми, но сейчас, обходя разбитое мертвое зеркало, Антия вдруг подумала, что они совершили ошибку. Если иномирянкам, проникавшим в Ашх-Анорн, каким-то образом удавалось успокоить Кита, то, может, им с Верном и не стоило вмешиваться в заведенный порядок вещей?

Кто теперь скажет... Крючок в груди наполнялся звоном. Сейчас он почти пел – влек Антию вперед, приказывал идти быстрее, потому что там, внизу...

Лефер был прав: лестница уцелела только до сотой ступени. Антия увидела груды обломков и невольно обрадовалась тому, что сейчас на ней удобная одежда и нормальная обувь на устойчивой подошве, а не те тряпочки, которые надевали на избранных дев. Она перебралась через один камень, потом через другой, потом спустилась по уцелевшей дюжине ступеней и принялась штурмовать очередной завал.

Огонек в ее фонаре уменьшился и задрожал, когда Антия сумела перелезть через пыльные обломки ступенек и увидела другую лестницу – из черного камня, сверкающую в свете фонаря, с острыми ребрами ступеней. Поскользнешься на ней, свалишься, и они изрежут тебя на кусочки, Антия даже поежилась от предчувствия боли.

Фонарь мигнул и погас, словно на него дунул невидимка, но света теперь было достаточно. Лестницу заливало бледное серо-голубое сияние – неживое, давящее.

«Я уже в Ашх-Анорне», – подумала Антия и пошла вниз.

II

Человек в подземелье

Она спускалась примерно полчаса – в сумраке подземелья Антия почти утратила ощущение времени. Скользкие ступеньки так и норовили уплыть из-под ног, и в конце концов ей стало казаться, что она идет по острым позвонкам, которые выпирают на спине живого существа, и оно только и ждет подходящего момента, чтобы сбросить незваную гостью вниз. Когда спуск завершился, то Антия какое-то время стояла, пытаясь перевести дыхание и справиться с дрожью в коленках.

Все. Пришла. Теперь надо было понять, куда именно.

Она оказалась в огромном зале – подняв голову и пытаясь определить его размеры, Антия поняла, что находится на дне громадной пирамиды из прозрачного черного стекла – той самой, которая приходила к ней в видениях. Тогда ей казалось, что стены здесь мраморные, но сейчас Антия могла видеть, как в невыразимой высоте летят птицы и от их хвостов раскрываются розовые и голубые полотнища северного сияния. Пирамиду, сложенную из некоего подобия толстого стекла, наполнял тусклый безжизненный свет, в углах клубились тени, и Антия готова была поклясться, что слышит жалобы и плач.

Здесь было холодно. Очень холодно.

В центре зала Антия увидела постамент – на нем лежало то, что она сперва приняла за статую. Антия сделала несколько шагов и замерла, узнав Ардиона.

Ее укололи жалость и горечь. Крючок дрогнул, и невидимые нити в душе Антии пришли в движение, повлекли ее к постаменту и мертвецу на нем. Темно-синие волны плаща, украшенного понизу серебряным шитьем, стекали на мраморный пол, на острых гранях доспехов лежали сверкающие мазки серебряного света, белые тяжелые руки сжимали рукоять меча – необычного, похожего на угасшую молнию. Наверное, таким Ардион когда-то должен был расправиться с демоницей, которая свалилась ему на голову из другого мира, с

девчонкой, которая боялась его до дрожи в коленях, пока ее страх не сменился тем, о чем она сама не смела и думать.

Антия подошла, с тоской заглянула в безжизненное серое лицо. Ардион выглядел спокойным и умиротворенным, таким, каким никогда не был при жизни. Он словно бы прекратил свой вечный бег к идеалу, который хотел видеть его отец – великое и безжалостное солнечное божество, и наконец стал собой – художником и мечтателем.

Жаль, что для этого ему пришлось умереть. Жаль, что теперь свет, который когда-то наполнял его, полностью иссяк.

Путь между мирами сместился, чтобы привести их друг к другу. Вот только Антия понятия не имела, что теперь нужно делать. Она стояла перед мертвецом, и его было невозможно оживить. Пирамиду наполнял холод, по окаменевшему лицу Ардиона скользили тени, и она не видела выхода отсюда. Он был раньше, до того, как Кит поплыл и разрушил весь ее мир, но сейчас...

Хотелось плакать. Она погладила Ардиона по щеке – казалось, после смерти он превратился в статую, выточенную из хрустала. Твердая ледяная кожа обожгла руку. Антия смотрела на темные тени вокруг его закрытых глаз, и ее переполняли тоска и знобкое чувство невозвратной потери.

«Найди моего брата, он жив», – вспомнила она слова Верна. Верн сейчас был в другом мире – погружал руки в изрытую землю, останавливая Кита, – а она пришла сюда и стояла перед замурованным в пирамиде мертвецом, не в силах пошевелиться. Всклипнув, Антия погладила Ардиона по волосам и призналась:

– Я не знаю, что делать. Я правда не знаю.

Ее беспомощный голос рассыпался в хрустальном сумраке пирамиды. Антия подняла голову: там, на вершине, где сходились прозрачные грани, плыли густые звездные россыпи. Веер северного сияния раскрылся и спрятал их – пирамиду вновь наполнил свет всех оттенков розового и синего.

«Ты знаешь, Антия, – негромко рассмеялась тьма, что клубилась в углах. – Ты знаешь».

Она вздохнула, собираясь с духом и вспоминая старые сказки. Там был способ разбудить того, кто спит мертвым сном, но все в душе Антии кипело, восставая против него. Внутри поднималось отторжение на грани липкого ужаса; Антия зажмурилась, и в голове

зазвенели слова дяди Бриннена: «Если нужно сделать что-то неприятное, то не стоит с этим затягивать».

В конце концов, у нее не было ни выхода, ни выбора.

«Ты прав, дядя Бриннен, но вряд ли ты думал, что мне когда-нибудь придется целовать покойника», – подумала Антия. Переступив через себя, склонилась над лежащим Ардионом и, зажмурившись, прикоснулась губами к его губам.

Ее тотчас же окутало холодом – настолько густым, что перед глазами мелькнула завеса обморока, а уши наполнило звоном бесчисленных серебряных колокольчиков. В глаза будто бросили щедрую пригоршню жгучего песка. Заливаясь слезами, Антия отпрянула, вскинула руку, словно пыталась защититься, и запоздало поняла, что мертвые губы Ардиона шевельнулись, откликнувшись на ее поцелуй.

Антия нервно отерла лицо, словно хотела избавиться даже от памяти об этом поцелуе. Веки Ардиона дрогнули, поднялись – в его глазах клубился серый туман, и Антия запоздало подумала: а что, если он сейчас снесет ее голову с плеч этим мечом? Но туман развеялся, по лицу Ардиона пробежала судорога, сминая черты и наполняя их жизнью, и пальцы сжались и разжались на рукояти меча.

Владыка Ашх-Анорна вернулся к жизни.

Антия шагнула к нему; Ардион шевельнулся на своем каменном ложе, повернул голову и встретился с ней взглядом: в этот миг все в ней содрогнулось – от корней волос и до сжавшихся пальцев на ногах. Антия застыла и вдруг вспомнила, как когда-то они сидели в туманном сыром саду, он рисовал цветущий жасмин, а она ударила его ножом для заточки карандашей. Она готова была поклясться, что пирамиду на мгновение наполнил тонкий цветочный аромат.

– Снова ты, – едва слышно произнес Ардион. В его глазах сейчас плескался огонь – и это парализовало, заставило замереть на месте почти без чувств. Уголок тонких губ дрогнул в улыбке, и Антия поежилась.

– Вставай, – сказала она, пытаясь преодолеть все, что окутало ее, словно полотнища паутины. – Тут все улетело к евграм в пасть. Надо все исправить.

Ардион понимающе хмыкнул, словно не ожидал ничего другого. Взгляд по-прежнему был обжигающим, тяжелым и злым – он казался

морской волной, которая замерла перед тем, как обрушиться на голову и похоронить под собой. «Интересно, – подумала Антия, – у него сейчас так же ноет в груди, как у меня?» Он попытался подняться; Антия поддержала его, и когда ледяные складки плаща скользнули по ее пальцам, ей вдруг стало очень легко. Ее будто бы отпустило, и на смену вязкой покорности зайца перед хищником пришла свобода – воздушная, искрящаяся, словно южное шипучее в хрустальном бокале.

Они справятся. Что бы ни случилось в Ашх-Анорне, они сумеют все изменить.

– Как ты сюда попал? – спросила Антия. Ардион устало провел ладонями по лицу, словно пытался стереть остатки пыльного сна.

– Отец замуровал меня здесь до скончания времен, – ответил он. – Я не оправдал его высокого доверия. – Ардион обернулся к своей неожиданной спасительнице, смерил ее оценивающим веселым взглядом, в котором больше не было подавляющей властности, и добавил: – Судя по тому, что ты здесь, а я проснулся, конец света уже наступил.

Она коротко рассказала ему о том, что вчера случилось в ее мире. Ардион слушал, хмурился, а когда рассказ подошел к концу, расстегнул серебряную фибулу, которая удерживала плащ у горла, и набросил его на плечи Антии.

– Там не слишком-то тепло, полагаю, – произнес Ардион. – Ладно, пойдем посмотрим, что случилось снаружи, раз уж ты здесь.

Он спрыгнул с постамента и быстрым упругим шагом двинулся к одной из стен – Антия невольно подумала, что он соскучился по делам, и напомнила себе, что не стоит обольщаться. Тот Ардион, которого она успела узнать, всегда был жесток и безжалостен, и было бы слишком наивно предполагать, что он успел измениться, проведя два года погребенным заживо. Когда они приблизились к стене, Антия увидела снег – ровную белую гладь, похожую на нетронутый лист бумаги. Ардион дотронулся до прозрачной стены, и от его пальцев стал разливаться тихий синий свет.

– Встань у меня за спиной, – дружелюбно посоветовал он. – Чтобы не задело.

Он попробовал оживить то золото, которое наполняло его душу – выпустить, развеять мрак, расколоть пирамиду и освободиться. Антия послушно встала там, где было велено. Ардион подумал, что когда-то она была упрямой девчонкой.

На губах все еще чувствовалась яблочная нотка ее поцелуя. Ардион усмехнулся: смелая девочка. Не каждая осмелится поцеловать мертвеца даже ради великой цели.

А она вот осмелилась. Она всегда была такой – ничего не боялась и шла вперед.

Золотой туман заструился вокруг пальцев и иссяк. В груди сразу же проснулся звон – что-то невидимое дергалось там, пыталось отдавать невнятные приказы и, покосившись в сторону Антии, Ардион понял, что она сейчас испытывает похожие чувства. Ей было не по себе – не от страха перед мертвецами, пирамидами и ледяной пустыней, а от чего-то внутреннего, давящего. Ей было жутко смотреть по сторонам, но по-настоящему она боялась не того, что ее окружало, а чего-то прораставшего из глубины души.

И все-таки он был рад ее видеть. Очень рад.

– Не получается? – спросила Антия. Ардион отошел от стены и предложил:

– Давай попробуем поискать другой выход.

– Все-таки не получается. – Да, она не изменилась. Всегда была юной язвой. Впрочем, ладно, он готов был ей это простить.

Ардион прошел к ступеням. Розового и зеленого зарева от полярного сияния, которое наполняло пирамиду пульсирующими волнами, хватало для того, чтобы понять: этой лестницы здесь раньше не было. Он снова поднял руку, и на этот раз сияние вокруг его пальцев задержалось подольше. Лестница уходила во мрак, она была неправильной, словно где-то исказились пропорции, и Ардион подумал: вот то, что разбудило меня на самом деле. Не видения, не тоска, не девушка в зеркале, которая смотрела на меня с сочувствием и теплом, а потом пришла из своего мира, чтобы разбудить тем неприятным образом, о котором рассказывают старые сказки.

Мир изменился. Мир испортился.

Все полетело к еврам в пасть.

– Ты спустилась здесь? – уточнил он. – По этой лестнице?

Анття кивнула. Она не подходила – благоразумно держалась возле постамента, и Ардион подумал, что ей, должно быть, холодно в этих дикарских тряпочках. Он оценивающе посмотрел на ступеньки, и вдруг одна из них дрогнула и потекла, сливаясь с соседней. Лестница в другой мир менялась, и сейчас от нее веяло чем-то живым и хищным, он даже уловил острый запах крови. Кто-то смотрел на него с изнанки мира, и этот взгляд был голодным. Кто-то протягивал руку, чтобы впитаться в плоть, и оскаливал зубы, чтобы алчно рвать живое на части.

«Поднимись повыше, – услышал Ардион странный, едва различимый голос, полный треска и щелчков, голос, которого никогда не было в Ашх-Анорне. – Поднимись, и мы познакомимся».

Голос был наполнен такой замогильной жутью, что Ардион выбросил руку вперед, оживляя боевое заклинание, и с пальцев сорвались огненные шары, утонув в черном мраморе лестницы, и пирамида сотряслась. Искаженная лестница задрожала и на какое-то мгновение сделалась нормальной – просто ступеньки, ни следа измененных пропорций, ни капли порчи, но ощущение чужого взгляда осталось.

Мир изменился. Из него словно выдернули что-то очень важное. Лестница снова дрогнула и рассыпалась ворохом белых искр – Ардион едва успел спрыгнуть с последней ступеньки. Анттия испуганно вскрикнула; обернувшись, Ардион увидел, что она уже успела вооружиться его мечом и теперь выставила его вперед с таким видом, словно собиралась отбиваться от чудовищ.

– Он церемониальный, – снисходительно объяснил Ардион. – Им разве что сыр нарезать.

Анттия смущенно опустила меч, и Ардион вновь подумал, что рад ее видеть. В этой девчонке – нет, в ее величестве королеве Антии Таллерийской – было что-то очень важное; он пока не мог понять, что именно, но...

Ему хотелось смотреть на нее. Ему хотелось чувствовать жизнь. Окончательно стряхнуть с себя ледяной панцирь, в который его погрузил отец, и жить.

Вкус яблока по-прежнему ощущался на губах. В другом мире над их головами тоже были яблоки, надо же.

А она изменилась, эта демоница, которая однажды пришла и разрушила его жизнь, и осталась прежней. Сейчас Анттия не имела

почти ничего общего с той королевой, которая мелькнула в его видении: она словно стряхнула с себя что-то наносное, церемониальное и тоже стала живой.

Она вернулась туда, где ей было по-настоящему хорошо, будто это Ашх-Анорн был ее истинной родиной, а не Таллерия.

Золото ожило, потекло в венах, наполняя полузабытой мощью. Все возвращалось. Все становилось на свои места. В голове зашумело, как после бокала крепкого красного вина, которое отец хранил в своих погребах. Ардион прошел к стене и быстрым движением начертал на стекле руну освобождения. Завитки и точки налились огнем – Антия смотрела завороченно, словно ребенок, который увидел ярмарочного фокусника и застыл от восторга.

«Это не фокусы, – подумал Ардион, чувствуя, как к нему возвращаются силы. Все, что отец умертвил в нем, оживало и приходило в движение. – Это моя суть».

– Отойди в сторонку, – с неожиданной для себя мягкостью предложил он. – Заденет.

Антия шагнула вправо, и в ту же минуту пирамиду наполнил стеклянный звон. Взвизгнув и пригнувшись, она закрыла голову руками: хрустальное крошево летело и пело, вместе с ним пришел обжигающий морозный воздух и хрустящая зимняя тьма.

Ардион обернулся. Церемонно протянул Антии руку, словно пригласил танцевать.

– Дыши, дыши!

Антию хлопнули по щеке, потом еще раз.

– Дыши, говорю!

Холод, окутавший ее после того, как она сделала первый шаг по снегу, был настолько густым, что дыхание оборвалось. Каждая клетка ее тела наполнилась льдом, затвердела, кровь сделалась такой густой, что не могла больше течь. Все расплывалось и дрожало перед глазами, и последним, что Антия увидела перед тем, как рухнуть в белое безмолвие, было далекое золотое зарево, которое разгоняло мрак на горизонте.

– Вот, хорошо. Умница.

Антия не сразу поняла, что дышит и даже идет. Под подошвами ее ботинок разливалось синеватое свечение, и она скользила по снежной глади, словно призрак, не проваливаясь и не оставляя следов. Холод отступил – теперь Антия чувствовала только легкую свежесть, словно выбежала ранним осенним утром на улицу, не набросив плаща. Ардион шел рядом и выглядел так, будто выполнил совершенно ненужную и неинтересную работу, но выполнил хорошо.

– Спасибо, – сказала Антия. – Я не ожидала, что тут настолько холодно.

– Это Северный полюс, – сообщил Ардион. – Разумеется, тут холодно.

Антия обернулась и увидела три пирамиды – торжественные, величавые, подавляющие. В стене самой близкой красовалась пробитая дыра, чернела разинутой беззубой пастью. Пирамиды выглядели угрюмыми, вызывая невольный страх. Даже думать не хотелось о том, кто мог лежать в оставшихся двух. Почему-то Антии представились змеящиеся гибкие тела со сверкающей чешуей – они спали точно так же, как спал Ардион, и больше не надеялись на освобождение. Те, кто мог вернуть их к жизни, умерли в те времена, когда люди жили в глинобитных хижинах и охотились на шерстистых носорогов.

Она понятия не имела, откуда взялись эти змеи и носороги, но картинка, которая проплыла перед ее глазами, была яркой и пугающей.

– Я думала, что ты умер, – призналась Антия и тотчас же спросила: – А почему больше не холодно?

– Я окутал нас обогревающим заклинанием, – объяснил Ардион. – Мы слишком легко одеты для этого места.

Антия снова вспомнила Верна, который рассыпался веером пестрых осколков и собирался вновь. Удерживать Великого Кита было таким же великим трудом, и ей пришло на память, как Лефер когда-то говорил, что соединил ее с Ардионом потому, что тот способен остановить Кита.

– Ты смог бы остановить нашего Великого Кита? – спросила Антия и уточнила: – Навсегда остановить.

– Никогда не пробовал, – проронил Ардион. – Но могу попытаться. Потом, когда разберусь с тем, что здесь произошло и что

так сияет вон там.

Они по-прежнему не оставляли следов, и почему-то Антия этому обрадовалась. Значит, те, кто, может быть, решит их преследовать, не поймут, куда они направились. Золотое сияние становилось все ближе, и сейчас она видела его едва заметную пульсацию – оно то наполнялось силой, то начинало таять. Там, среди льдов и снега, было что-то живое, и сейчас оно медленно угасало. Жизнь утекала из него капля за каплей.

Антии сделалось не по себе. То, что испугало Великого Кита до смерти, сейчас было впереди – и они шли к нему, становясь все ближе и ближе.

– Наш главный жрец считает, что смог бы, – сказала она, пытаясь развеять страх. – Я иногда задаюсь вопросом, почему он не выбрал Верна.

Взгляд Ардиона сделался снисходительным – так родитель смотрит на ребенка, который лепечет глупости с серьезным видом.

– Он такой же сын твоего отца, как и ты, – продолжала Антия. – Он – король Ашх-Анорна по праву. И характер у него намного приятнее твоего.

Ардион устало рассмеялся.

– Он слабее меня. У него нет руки, – снизошел он до ответа. – А в таких делах, которые нужны «насовсем», как ты говоришь, лучше полагаться на сильных и двуруких. Ваш главный жрец сделал правильный выбор.

Антия со вздохом признала его правоту. Инвалиды не будут соревноваться в беге со здоровыми.

– И да, никакой он не король, – добавил Ардион. – Возможно, ему приятно об этом думать, но это далеко не так. Отец тогда просто хотел сравнить нас между собой, и у него это получилось, но Верн от этого не делается королем. Он просто примерил корону.

Сияние вновь вздрогнуло, и в его глубине проступило что-то изогнутое, массивное. Ардион остановился, прищурился, разглядывая золотой туман, и в груди Антии снова дрогнул знакомый крючок. Она неожиданно поняла, что владыка испуган. Он стоял и смотрел так, словно весь его мир рухнул, и он застыл на развалинах, понимая: этого уже не исправить.

– Что? – прошептала Антия, осторожно дотронувшись до его руки. Ардион вздрогнул, будто только сейчас очнулся и понял, что они вдвоем находятся среди полярных снегов.

– Пойдем, – негромко откликнулся он. – Пойдем быстрее.

Чем ближе они подходили, тем яснее становилось, что именно находится впереди. Лед, который занесло снегом, должно быть, еще до появления людей, раскололся – из него торчал изогнутый нос ладьи, и Антия ощутила неожиданно тонкий древесный аромат, сладковатый и грустный. Дерево украшал изящный рисунок – золотые цветы и птицы. Внезапная боль остро уколола сердце, и Антия как-то сразу поняла, что здесь произошло.

Солнечный кормчий плывет по небу, лик его ясен. Рука поражает демонов, сбрасывает на землю – так говорили в Ашх-Анорне, вот только кто-то другой оказался настолько силен, что смог его остановить.

– Это ладья твоего отца? – спросила она. Ардион лишь кивнул – сейчас он напоминал мертвеца сильнее, чем когда лежал в пирамиде на постаменте. Казалось, его покинули и жизнь, и надежда. Как марионетка, у которой отстригли часть нитей, он медленно, словно преодолевая самого себя, двинулся к торчащей из-под льда ладье. Сияние печально дрогнуло – пройдет совсем немного времени, и оно окончательно угаснет.

Что будет, если божество одного из миров умрет?

И кто вообще способен убивать богов?

Помедлив, Антия протянула руку и сжала пальцы своего спутника. Тот посмотрел так, словно она разбудила его, и под ледяным крошевом ненависти и тоски в его взгляде проступила боль – густая, невыразимая. Они подошли к иззубренному ледяному краю – вода была прозрачной, и можно было заглянуть почти до самого дна.

Ладья Солнечного кормчего медленно погружалась во тьму. Сейчас, когда они стояли совсем рядом, Антия видела, что она иссечена и исцарапана, словно ее рубили мечи и топоры, словно по ней выпускали целые тучи стрел. Запах дерева, густой и сильный, теперь сделался похож на запах крови.

Сияние снова дрогнуло. Ардион протянул руку и указал куда-то под лед. Слеза прочертила его правую щеку, и это было настолько жутко, что Антия едва сдержала крик.

– Смотри. Там отец.

Анття заглянула, куда он показывал, и все-таки вскрикнула. Солнечный кормчий висел в водной глубине. Золотые волосы стояли вокруг головы сверкающей короной, лицо, идеально красивое даже в смерти, было торжественным и скорбным. Бог раскинул руки, словно хотел обнять кого-то на прощанье или проклясть. Алый плащ застыл в воде, раздуваясь и пузырясь, будто его подхватил порыв невидимого ветра.

В груди Солнечного кормчего чернела рана – такая, что можно было просунуть руку. Серебряная броня была иссечена и покрыта темными пятнами: перед тем как погибнуть, Кормчий сражался. «Кто-то бросил копьё, – подумала Анттия. – Такое, которое способно сокрушать богов».

Вот почему Великий Кит проснулся и в ужасе бросился через океан. Он почувствовал смерть солнечного бога и понял: те, кто сделал это, способны добраться и до него.

Она снова сжала руку Ардиона – тот вдруг издал короткий всхлип, и от этого в мертвом ледяном краю что-то вздрогнуло и пришло в движение. Развернулись ленты северного сияния, захлопали крылья невидимых птиц. Солнечный кормчий был повержен – он погружался в темную глубину вод, и оба мира умирали вместе с ним.

– Пойдем отсюда, – попросила Анттия. Заклинание защищало ее от мороза, но холод здешнего звездного неба давил на плечи, словно изгонял прочь. – Пожалуйста, пойдем отсюда. Мы ему уже не поможем.

Ардион кивнул. Выпрямился. Анттия видела, что он сокрушен и раздавлен даже не горем своей потери, а непониманием того, какая сила могла совершить подобное. Они отошли от тонущей ладьи, и, обернувшись, Анттия подумала, что в этом есть определенная ирония. Солнечный кормчий замуровал сына в пирамиде на Северном полюсе и умер совсем рядом с ним.

– В Ашх-Аорне появились те, кто смог убить твоего отца, – сказала она. – Бог умер, и это смертельно ранило оба наших мира. Поэтому наш Кит и поплыл.

Ардион вновь качнул головой. Осторожно привлек Антию к себе, и, уткнувшись щекой в теплую пластину его брони, она вдруг почувствовала странное спокойствие, словно ничего этого не было –

ни Кита, который в ужасе разрубал своим телом океан, ни мертвого бога в ледяной глубине, ни медленной гибели обоих миров, от которой вряд ли можно было спастись.

– Держись, – прошелестел безжизненный голос над ее головой. – Я попробую нас переместить.

Все вдруг закружилось в снежном вихре с ароматом кедра и крови, но темный хоровод унялся так же быстро, как наступил. Антия увидела, что они стоят уже не на снегу под звездным небом, а на пыльном каменном полу в какой-то башне. Сквозь высокие стрельчатые окна проникал серый сумеречный свет, тоскливый и больной, разбитые стекла скалились щербатыми пастями, ветер гонял пожухлую листву по плитам пола, покрытого густым слоем пыли. Все краски и звуки будто бы поблекли, от накотившей тоски Антии захотелось завывать в голос.

Все было неправильным. Все было искаженным, будто неизвестная мощь сместила и изменила пропорции, сделав мир неустойчивым и зыбким. Она не могла объяснить, что именно здесь не так, но у нее кружилась голова от этой неправильности. Антия чувствовала себя больной и, посмотрев на Ардиона, осознала: он испытывает то же знобящее ощущение.

– Что случилось? – спросила она.

Ардион подошел к разбитому окну, выглянул наружу и коротко бросил:

– Все умирает.

За окном лежал парк – бурый, угрюмый, похожий на зверя, свернувшегося в норе. С деревьев медленно падали листья – летняя зелень казалась зернистой, зараженной какой-то болезнью. Антия скривилась от отвращения, посмотрела на Ардиона и удивленно подумала: наверное, я единственный человек, который когда-либо видел его таким потрясенным и почти беспомощным.

Все было не так. Антия смотрела на деревья, и ей казалось, что это не клены, а что-то другое, натянувшее на себя маску и умершее под ней.

– Чувствуешь запах? – спросил Ардион. Антия повела носом: в воздухе были сладковатые нотки, от которых волосы начинали шевелиться на голове. Ее спутник присел на корточки, провел по полу и, поднеся запыленные пальцы к лицу, сказал:

– Это не пыль. Это прах. Здесь были люди, их испепелили, и это заклинание мне незнакомо.

Невидимый ледяной палец скользнул по позвоночнику Антии, заставив ее содрогнуться всем телом. Прах... У этого места были защитники и обитатели, и вот они с Ардионом стоят на том, что от них осталось.

– Что случилось? – спросила Антия и не узнала своего голоса.

Ардион вздохнул. Выпрямился, отряхнул руку, обернулся:

– То, что убило моего отца, произошло по всему Ашх-Анорну. Ладно, что здесь стоять... пойдём посмотрим, что снаружи.

Антия вышла за ним на лестницу, с трудом подавив желание схватить Ардиона за руку. В мире, который изменился окончательно и жестоко, ей хотелось почувствовать опору. Ступеньки, которые вели из башни вниз, были покрыты такой же серой пылью, как и пол в башне, и Антия увидела человеческие тени на камне стен. Они были похожи на рисунки, набросанные буквально в несколько штрихов, но их наполняло таким страданием, что хотелось кричать.

Те, кто был здесь, приняли мучительную смерть. Антия чувствовала ее дымный запах.

Вместо двери на улицу в стене красовалась дыра. Они вышли в парк, и здесь Антии сделалось еще хуже. Воздух был наполнен запахом гари, под которой вились знакомые сладковатые нотки гниения. Сыпалась листва – мертвая листва с мертвых деревьев. Кругом царил прозрачная тишина – казалось, на сотни миль вокруг никого нет.

– Где мы? – спросила Антия. Они прошли по дорожке среди деревьев, и она никак не могла избавиться от неприятного жжения между лопаток, словно кто-то оценивающе смотрел ей в спину и прикидывал, для чего она может пригодиться.

– Это Тахшет-Такхеван, – ответил Ардион. Его голос прозвучал спокойно и ровно: так мог бы говорить оживший механизм, и Антии не хотелось думать о том, что сейчас на душе у ее спутника. – Последний оплот людей на севере. Когда-то я тут жил, но мне это место никогда не нравилось. Вот оно и умерло.

Дорожка вывела их к изящной лестнице, сбегавшей к маленькому пруду, и здесь Антия снова увидела прах и тени. Вот отпечаток на ступеньках, вот тающий оттиск на неровных камнях дорожки. От воды

тянуло тухлятиной – круглые листья водяных лилий почернели, их головки напоминали крошечные сжатые кулаки. Мелькнуло белое брюхо мертвой рыбины. Они остановились возле маленькой скамьи, Ардион устало сел и спросил:

– Что ты чувствуешь?

– Гниение, – ответила Антия. – Смерть. Здесь все испорчено. Все умерло.

Он кивнул, соглашаясь. На дорожку перед Антией бесшумно опустился коричневый лист – кленовый, изъеденный чернотой, загнувший зубцы, словно пальцы. Она с трудом подавила в себе желание оттолкнуть его.

– Я никогда такого не встречал, – признался Ардион. – Но оно здесь повсюду. Давящая злая сила... Ты можешь как угодно относиться ко мне и к моему отцу, но мы никогда не хотели просто разрушать и делать живое неживым. А то, что сюда пришло, как раз этого и хочет.

От башни донесся шелест, словно по траве двигалось гибкое змеиное тело. Ардион поднялся, рванул Антию за руку в сторону деревьев и, прижав к себе, выдохнул:

– Не шевелись. Замри.

Перед глазами Антии мелькнула полупрозрачная завеса, и она вдруг почувствовала себя такой же – размазанной, стертой, невидимой. От брони Ардиона веяло холодом, и Антии показалось, что она слышит, как в глубине бьется его сердце.

Ардион закрыл глаза. Они слились с растрескавшейся корой и пожухлой травой, стали тенями, превратились в невидимок. А невидимки не вопят от ужаса – когда Антия увидела, что именно вышло к пруду, то закусила губу, чтобы не заорать.

Существо было высоким – пожалуй, выше Ардиона – и настолько худым, что казалось двумерным. Тонкие руки спускались ниже колен, такие же тощие ноги с грубыми нитями мышц под серой кожей оканчивались мясистыми раздвоенными ступнями. Бугристое брюхо охватывал тяжелый золотой пояс с круглыми бляшками – насколько могла видеть Антия, они были покрыты какими-то значками. Но самым жутким была голова: серая, безволосая, шишковатая, с узкими прорезями глаз, она словно покоилась на трех толстых жгутах, которые утекали в шею и плечи, – и голова эта крутилась, дергалась, тряслась, словно ее обладатель пытался взять след.

«Учуял! – заорала паника. – Он вас учуял, он знает, что вы здесь!»

Антя стиснула руку Ардиона так, что пальцы хрустнули. Он обнял ее крепче, и Антия с облегчением поняла, что Ардион спокоен, просто непробиваемо спокоен, и серый урод уйдет ни с чем. В Ашх-Анорне было много странных и необычных созданий, но от того, кто сейчас остановился возле пруда, так и веяло ненормальностью. Он был чужд этому миру, но хотел лишь одного – присвоить и изменить его.

Голова снова дрогнула, прорези глаз налились оранжевым. Чужак издал прерывистый щелкающий звук, и из-за деревьев к нему присоединилось еще трое таких же. Обменявшись щелканьем, вся компания двинулась обратно в сторону башни, и Антия подумала, что им страшно повезло добраться сюда незамеченными. А ведь шли-то, как на прогулке, говорили, не таились...

– Все как будто в дымке, ты заметила? – негромко сказал Ардион. – Небо в тучах, солнце не проглядывает. Они не любят солнечный свет.

– Наверное, – откликнулась Антия. – Что нам делать?

Ноги занули – хотелось бежать, спастись, скрыться от тех, кто смог сокрушить Солнечного кормчего и оставил от людей только прах.

– Пойдем дальше, – откликнулся Ардион. – Я должен понять, сколько их... и сколько нас.

Захотелось вернуться в пирамиду. Обжигающе, остро захотелось. Вернуться, лечь на постамент и погрузиться в прежний сон – сил на это хватит.

Ардион отогнал эту мысль с негодованием и злобой. Его отца убили. Его мир разрушали. Он никогда не оставался в стороне.

Запах Дохлого моря появился прежде, чем они вынырнули из норы в пространстве. Море погибло много веков назад, но вокруг него всегда была жизнь – правда, она носила криминальный характер. В водах Дохлого моря хорошо было прятать мертвецов, а на берегах обстрепывать мутные делишки вроде варки наркотических зелий – иногда полиция близлежащих земель совершала рейды на поселки и

хутора, которые лепились к берегу, но от этого не было особенного толку.

Анття схватила его за руку, чтобы не упасть. Они стояли на берегу, бурая вода набегала на белый песок, и тишина была настолько густой, что Ардиону на мгновение показалось, что он слышит шум крови в ушах.

Налетел ветер – скользнул сальными пальцами по лицу. Анття всхлипнула, но не заплакала.

– Это Дохлое море? – спросила она.

– Оно самое. Вон там поселок. – Ардион указал на запад и побрел по едва заметной тропинке среди мертвой травы. Грязно-серые стебельки покачивались на ветру, тучи висели низко-низко, и на всем лежал зернистый отпечаток безжизненного сумрака.

Эти уроды были явными иномирянами. В Ашх-Анорне не было никого похожего; шагая по тропинке, Ардион пытался понять, откуда они взялись, и не находил ответа. От иномирян веяло голодом и смертью – он и сейчас чувствовал их тяжкий замогильный дух, хотя кругом была тишина и пустота. Ни души.

Отец убит. Ашх-Анорн захвачен и разрушается.

«Долго же я спал», – угрюмо подумал Ардион, и Анття тотчас же спросила:

– А кто там живет? Я думала, возле Дохлого моря нет жизни.

Он усмехнулся:

– Ее здесь очень много. В этом поселке, например, обитают джайпсы. Народ-изгнанник, который славен в основном наркоторговлей.

Анття нахмурилась. Ардион вдруг уловил какой-то далекий шум, похожий на пульсацию, которая зарождается в чаше с водой, если рядом с ней размеренно стучать ладонью.

– Я, кажется, понимаю, почему их не арестовывают, – откликнулась девчонка. – Делят доход с полицией и здешней властью.

– Верно. Иногда устраивают показательные рейды, кого-нибудь не слишком расторопного сажают за железную дверь, на этом дело и кончается. А вон там, дальше, есть дорога в Хан-Шекен и Антувар. Посмотрим, кто сейчас по ней ходит.

Поселок джайпсов встретил их безмолвием, и это было неправильно. Не брехали лохматые рыжие собачонки, которые всегда

заливались лаем, стоило постороннему появиться в этих краях, не квохтали бесчисленные куры – единственное мясо, которое джайпсам позволяли есть древние традиции, не голосили чумазые дети, которых тут всегда было больше, чем кур. От тят-ляп построенных домишек не поднимался печной дым, не пахло едой, не слышно было разговоров. Они медленно побрели по улочке – ветер трепал пестрые лохмотья, развешанные на веревках, за грязными растрескавшимися оконными стеклами царил сумрак, и Ардиону все время казалось, что кто-то смотрит ему в спину – он ощущал чужой взгляд, словно огненную точку между лопаток.

– Не нравится мне это, – едва слышно сказала Антия. – Очень тихо.

– Тихо, – прошептал Ардион. – Вот и ты не шуми.

Они вышли на импровизированную площадь – место, где джайпсы ставили свои разноцветные кибитки. Случись что, люди с визгом срывались с места, прыгали в повозки и рассыпались во все стороны – не найти, не поймать. И здесь Ардион окончательно понял, что гул, который он слышал все это время, был согласным гудением мясных мух.

Антия сдавленно ойкнула, и ее вырвало. Среди кибиток возвышались груды знакомого праха, и Ардион подумал, что это была легкая смерть, которой удостоились не все обитатели поселка. Подхватив Антию под локоть и не позволив ей упасть, он медленно и осторожно повлек свою спутницу в сторону – подальше от пепла, подальше от сваленных в кучу убитых джайпсов, подальше от мух, которые гудели над освежеванными трупами, подальше...

Когда они отошли от поселка, то Антию стало трясти. Она не заплакала, не закричала – она дрожала всем телом, словно в лихорадке. Ардион обнял ее за плечи, осторожно прижал к себе, и крючок в груди тотчас же шевельнулся, а уши вновь наполнило мелодичным звоном.

– Как... – выдохнула она. – Как же это... За что?

– Думаю, это знак. – Ардион старался говорить как можно спокойнее, хотя все в нем сейчас поднималось и кипело, опалая душу горечью и болью. Он никогда не испытывал к джайпсам любви, но видит Ауйле, они такого не заслужили.

Впрочем, нет. Ауйле никогда и ничего не видит.

– Знак для тех, кто здесь появится. Вот что они сделают с теми, кто посмеет им сопротивляться.

Антя отстранилась от него. В ее глазах плескался ужас на грани безумия – Ардион подумал, что она видела слишком много для девушки своих лет, но такая жестокость открылась перед ней в первый раз.

– Мы посмеем, – твердо произнес Ардион. – Держись.

Очередной прыжок выбросил их в изящный дворик какого-то дворца, и Антя снова ощутила туманное прикосновение к лицу: Ардион вновь укутал их заклинанием, скрывая от посторонних глаз. Все здесь было таким же сумрачным и серым, как и в поселке джайпсов, и перед глазами Антии вновь встала гора трупов.

Она зажала рот ладонью, приказывая себе опомниться.

Хватит. Перестань. Если раскиснуть, как желе, то ничего хорошего из этого не выйдет.

– Дыши глубже, – с искренним сочувствием посоветовал Ардион, и Антя почувствовала, как ее ужас отступает, словно владыка Ашх-Анорна укрощает его и заставляет растаять. – Вот так, умница. Легче?

– Легче...

Это место было обитаемым. В фонтанчике бойко журчала вода, за круглыми окнами горел свет, и угрюмый человек с метлой подметал плиты, которыми был вымощен дворик. Гниение добралось сюда, накрыло своей грязной пеленой, но в этом месте еще теплилась жизнь.

Значит, серые убили не всех. «Логично, – подумала Антя. – Им ведь нужны рабы и слуги, не сами же они будут подметать и убирать. Джайпсам вот только не повезло». Ардион потянул ее за руку, и они бесшумно двинулись по двору в сторону высоких деревянных дверей, украшенных цветочной резьбой. Дворник что-то почувствовал: встревоженно вскинул голову, и его лицо исказилось страхом. Дверь приоткрылась, и Антя замерла, готовясь увидеть очередного серого, но во двор выглянул немолодой господин в щегольском синем сюртуке с серебряным шитьем, окинул все неприятным цепким взглядом и спросил:

– Барген, что случилось?

Дворник пожал плечами:

– Ничего, господин Файзун.

Файзун осмотрелся и с глубокой тоской пробормотал:

– Неужели гривлы возвращаются?

Кажется, так здесь называли этих серых – и Антия радостно поняла, что в этом месте они ни у кого не вызывают восторга. Дворник поморщился.

– Не. Когда б то были гривлы, я бы почуял. У меня от них носом кровь идет. А тут так... что-то тревожно стало.

Ардион провел ладонью по волосам, словно откидывал капюшон, и Антия поняла, что он снял заклинание. Барген и Файзун на несколько мгновений застыли с раскрытыми от удивления ртами, а потом рухнули на колени так, словно их ударили. В глазах Файзуна заблестели слезы.

– Владыка... – прошелестел дворник, глядя на Ардиона с невероятной тоской и любовью.

– Солнце вновь поднимется над нами, – с отчаянной надеждой откликнулся Файзун, и Ардион устало махнул рукой.

– Вставайте, хватит церемоний. Гривлы – это серые с головой на жгутах?

Файзун проворно поднялся и, гостеприимно распахнув двери перед Ардионом и Антией, проговорил:

– Они самые. Но сейчас их тут нет, на наше счастье. Проходите скорее, прошу!

Не переставая кланяться, радушный хозяин провел своих неожиданных визитеров через просторную гостиную, обставленную темной угрюмой мебелью, затем они миновали небольшой зал, в котором с портретов на стенах смотрели хмурые люди в мундирах, а в камине негромко потрескивал огонь, и вышли в столовую. Теперь, когда серость, искажающая мир, отступила, и все сделалось нормальным и уютным, Антия невольно почувствовала облегчение. На столе появился суп, слишком жидкий для роскошной фарфоровой супницы с золотой росписью, тощая курица, зажаренная с травами, и пресные лепешки; Файзун поклонился и сказал, чуть ли не извиняясь:

– Вы уж простите меня, владыка, что так скудно. С гривлами не зажируешь.

Только сейчас, когда в ее тарелке оказался бульон, в котором плавали морковь и маленькие кусочки картофеля, Антия поняла, насколько устала и проголодалась. Ардион медленно погрузил ложку в суп и произнес:

– Они убили моего отца, верно? И кругом вся эта серость и тучи, потому что им неприятен солнечный свет.

– Верно, владыка, верно, – закивал Файзун. В приоткрытые двери, которые вели на кухню, заглянули женщины в темных, почти траурных платьях, и их лица, смятые тоской и скорбью, просветлели. – Я сам видел, как падала его ладья. Зарево раскинулось во все небо, а потом погасло. Теперь почти всегда эти серые сумерки, гривлам так удобнее. Солнечный свет причиняет им боль.

Лицо Ардиона едва заметно дрогнуло. Антия помнила о той бесконечной любви и такой же бесконечной ненависти, которая привязывала его к отцу, и не хотела знать, о чем он думает сейчас.

– Откуда они взялись? – глухо спросил он.

Файзун нахмурился.

– Мы не знаем. Никто не знает, владыка. Просто неделю назад солнце затянуло тучами, а потом они пришли, высыпали отовсюду. Тех, кто посмел сопротивляться, превратили в пыль или освежевали. – Файзун замолчал и уставился на свои руки, которые положил на скатерть перед собой, словно примерный ученик.

Ардион нахмурился:

– У тебя, кажется, был сын.

– Был, – ответил Файзун так, что уже было не нужно спрашивать о том, что произошло. Он стал серым пеплом, как и многие другие, или принял более страшную смерть. Ардион понимающе кивнул.

– Чего они хотят?

Файзун усмехнулся:

– Править. Говорят, они уничтожили свой мир и отправились искать новый дом. Нашли вот... – Он вздохнул и, словно опомнившись, произнес: – Вы ешьте, ешьте. Владыка, я бы подобрал вам другую одежду... очень уж вы приметны во всем этом.

Ардион качнул головой, соглашаясь.

– Сколько всего погибло? Хоть примерно?

Файзун неопределенно пожал плечами:

– Боюсь, что много. Наш поселковый староста сказал, что гривлы сейчас формируют что-то вроде внутренних войск – не хотят сами наводить порядок и сражаться с теми, кто поднимется против. Гребут туда всякие отбросы... сами понимаете, чем они будут заниматься. Убивать да грабить. – Он окинул столовую таким взглядом, словно прощался с этим местом, и добавил: – Пока этот дворец – по-прежнему музей, а там кто знает, понадобятся ли Ашх-Анорну музеи вообще.

Значит, музей. Этот Файзун, возможно, был смотрителем или директором, а не хозяином. Антия почувствовала, как в ней забурлили пузырьки гнева, и увидела, что Ардион вполне разделяет ее чувства.

– Оракул жив? – осведомился он.

– Говорят, что жив, – ответил Файзун, и Антия подумала, что он знает намного больше, чем хочет показать при всей своей преданности. – Хотите пойти к нему?

«Молчи, – подумала она, словно Ардион мог ее услышать. – Молчи, не говори ему ни слова, если эти гривлы что-то заподозрят и начнут его пытаться, он им выложит все».

– Я хочу окончательно разобраться с тем, кто такие эти гривлы и откуда они взялись, – отчеканил Ардион и, кивнув в сторону Антии, продолжал: – И времени у меня немного. Она – демоница, которая рухнула с неба, и чем дольше она здесь, тем сильнее это будет разрушать Ашх-Анорн. А нам тут и без нее хватает проблем.

Файзун понимающе кивнул. За дверями на кухню послышался неразборчивый шепот. Ардион отодвинул нетронутую тарелку с супом и спросил:

– Так что вы там говорили по поводу одежды?

Когда они зашли в одну из жилых комнат дворца с выцветшими пейзажами на стенах и старой мебелью и Файзун принялся потрошить шкаф, вынимая из него одежду и укладывая на выдавший виды диван с полинялой обивкой, Ардион поинтересовался:

– Значит, они способны убивать богов?

Файзун сокрушенно покачал головой. Его осунувшееся лицо выглядело усталым, но за этой усталостью Ардион чувствовал

непрекращающуюся работу. Казалось, в голове директора музея крутятся и щелкают шестеренки: он получил много информации и теперь решал, что с ней делать.

Возможно, его сын не так уж и мертв. Возможно, кто-то уже отправлен дать сигнал гривлам и сейчас Файзун делает все, чтобы задержать владыку. Ардион шевельнул пальцами, вспоминая нужное заклинание. В памяти проплыли лица каменных девушек, его преданных спутниц. Мрамор никогда его не предавал, в отличие от людей.

Если бы тогда он смог остановить Антию, то сейчас все было бы иначе. Они с отцом смогли бы изгнать гривлов, Солнечный кормчий не потонул бы в ледяных водах мертвого северного океана, и жизнь не покинула бы Ашх-Анорн. Он сделал бы то, что делал всегда, – защитил свою родину от мерзости из другого мира.

Ардион понял, что начинает злиться. Это было плохо – в гневе он мог совершить ошибку.

В конце концов, Антия ни в чем не виновата. Ее отправили в другой мир, словно ягненка на алтарь. Что может сделать ягненок, когда над ним заносят нож с изогнутым лезвием?

– Получается, что да, – кивнул Файзун. Ардион взялся снимать доспехи, и он тотчас же бросился помогать. – У них есть какое-то особенное копьё. Его швырнули в вашего отца... не сразу, но попали. И тогда ладья стала падать.

«Много деталей, – подумал Ардион. – Слишком много деталей для того, кто не был непосредственным наблюдателем. Откуда ты знаешь про копьё, про то, что попали не сразу?»

Он не стал уточнять – Файзуна нельзя было спугнуть. Избавившись от доспехов, Ардион поворошил вещи покойника, выбирая нужное. Значит, особенное копьё – откуда они взяли такую силу, эти гривлы? Где ее подпитывают?

– Кого отец поставил на мое место?

Файзун замялся. Ардиону показалось, что он боится отвечать.

– Юного Фаруни. Он пал в первом же бою. Сражался, зарубил нескольких гривлов, но...

Ардион усмехнулся. Неудивительно – Фаруни был еще подростком, и мантия владыки Ашх-Анорна была ему явно не по плечам. Когда-то Ардион увидел его – светлокожего паренька с

вьющимися рыжими волосами и наивным взглядом зеленоватых глаз — и задался вопросом: неужели Солнечный кормчий видит в нем возможного владыку? Неужели вот этот юноша, который похож на деревенского дурачка, сможет однажды занять место Ардиона?

И надо же, смог. Занял. Сражался и погиб. Ардион представил тощую фигурку Фаруни, лежащую в траве с такой же дырой в груди, как и у отца, и почувствовал далекое прикосновение жалости.

— А остальные осколки? — небрежно спросил он. Файзун горестно вздохнул, и это горе выглядело вполне искренним.

— Мертвы.

Кажется, его спасло только то, что все считали владыку Ашх-Анорна мертвым. Должно быть, такие вот добрые люди показывали гривлам на детей Солнечного кормчего, и пришельцы превращали их в пепел.

Хорошо, что Верн жив. Хорошо, что Микелла, дочь зимнего утреннего солнца, которую Ардион однажды превратил в мышь в порыве гнева, ушла вместе с ним.

Вспомнил ли о них отец в свои последние минуты, когда ладья летела сквозь северный мрак и ее угасающий свет озарял пирамиды? Может, пожалел о чем-то, падая в воду с черной дырой в груди?

Вряд ли. Солнечный кормчий никогда ни о чем не жалел, Ардион это точно знал.

— Моя спутница, — сказал он, и Файзун всем видом показал, что готов слушать и выполнять. — Подберите ей что-нибудь из музейной коллекции украшений. Желательно с сердоликом. Еще не распродали?

— Что вы, как можно! — Файзун всплеснул руками. — Берегу под замком. Есть там чудесная парюра, серебряная.

Когда он вышел из комнаты и принялся отдавать отрывистые распоряжения, Ардион переоделся, прошел к окну и присел рядом с ним на корточки. Антии не нужны были никакие сердолики — он придумал это, чтобы выгнать Файзуна из комнаты. Мягко скользнув пальцами под подоконником, он сдвинул тоненькую дощечку, которая скрывала тайник. Много лет назад это место принадлежало Нашхавани — бывшему владыке Ашх-Анорна, и именно он создал тайник и наполнил его, только не успел воспользоваться собранным, перед тем как гнев отца обрушился на него, обращая в пепел над болотами.

В ладонь мягко вывалился кожаный мешочек. В глубине что-то едва уловимо звякнуло; вернув дощечку на место, Ардион ощупал находку, выпрямился и убрал ее в карман.

Ему стало спокойнее. Намного спокойнее. Захотелось растянуть завязки и вытряхнуть на ладонь крошечный золотистый камень, в самом центре которого дрожала огненная точка, но Ардион не стал этого делать.

Камень был на месте. Этого было достаточно.

Ардион никогда не думал о том, чтобы убить себя – для этого у него был слишком сильный характер, и он предпочитал сражаться с трудностями, а не пасовать перед ними. Но сейчас осколок солнца лежал у него в кармане, и он знал: если гривлов окажется слишком много, если он больше не сможет сопротивляться, то лучше умереть самому, чем почувствовать копьё в груди.

Так было легче.

Так он мог идти дальше.

Погибший сын Файзуна был одного роста с Ардионом; когда тот вышел из одной из комнаток дворца, передевшись и стянув волосы в хвост на затылке черной лентой, Антия подумала, что сейчас, в темном сюртуке, штанах, аккуратно заштопанных на колене, и белой рубашке без воротника, он похож не на владыку, а на сельского могильщика, только лопаты недостает. Они распрощались с Файзуном, вышли за ворота, и Антия увидела, что дворец стоит на холме. Дорога вилась от него серой нитью, убегая к поселку – унылой россыпи домишек под рыжими черепичными крышами. От поселка так и веяло липкой тоской: хотелось сесть, закрыть голову ладонями и чем-нибудь заткнуть уши, чтобы не впускать в себя это марево слабости и бессилия. Деревья в садах успели сбросить листья, и мертвые ветви тянули пальцы к небу так, словно хотели что-то схватить. Антии даже показалось, что она слышит хруст и скрежет.

Чудесную сердоликовую парюру Ардион отобрал сразу же, как только они отошли от дворца. Антии, в общем-то, было все равно, она не слишком любила украшения, но все-таки спросила:

– И что это значит?

Ардион неопределенно пожал плечами. Сердолик и серебро заплясали у него на ладони и рассеялись пригоршней пестрых искр.

– Это был мой отвлекающий маневр. Теперь в этих цацках нет нужды.

Антия решила не уточнять.

Когда они прошли примерно половину пути до поселка, то со стороны дворца донесся вопль – истошный, заставивший замереть в ужасе, он вдруг оборвался, лопнул, как мыльный пузырь. Ардион остановился, посмотрел назад и, довольно кивнув, пошел дальше. Некоторое время Антия стояла, не в силах пошевелиться, а потом негромко окликнула его:

– Это что, твоя работа?

Она узнала этот крик – так когда-то визжали избранные девы, обращаясь в камень. Ей представились статуи, которые теперь наполняли дворец, и на мгновение Антия почувствовала вязкую слабость.

Ардион усмехнулся и снизошел до объяснения:

– Он знает, куда мы отправились. И обязательно скажет гривлам, где мы и чего хотим, если уже не отправил кого-то. А это не в моих интересах.

Антия угрюмо кивнула и двинулась вперед. На душе было тошно. Нет, Файзун не мог их предать, он потерял сына и не стал бы играть на стороне серых захватчиков. Поравнявшись с Ардионом, она увидела, как в его глазах искрятся веселые искры, и вдруг подумала, что он вполне доволен. Он все сделал правильно.

– Он не рассказал бы, – проронила Антия, и ей вдруг до слез стало жалко и Файзуна, и всех обитателей дворца. – Он ничего не рассказал бы.

– Уверена? А под пытками? Они умеют и любят пытать, я не сомневаюсь.

Антия ничего не ответила: Ардион лишь сказал вслух то, о чем она подумала около часа назад.

– Почему ты не набрасываешь заклинание? – спросила она. – То, которое делало нас невидимками?

Какое-то время Ардион молчал, а потом все-таки снизошел до ответа:

– Если им пользоваться слишком часто, то оно сотрет нас с тобой из мира. Мы станем настоящими невидимками, полагаю, тебе не очень-то этого хочется.

Они почти добрались до поселка. Он казался неживым: окна, закрытые ставнями, напоминали глаза мертвецов, накрытые монетами – дай такие Звездному лодочнику, и он привезет тебя в Дом Ауиле под ясным небом. На улице никого не было. Никто не сидел на скамейках у ворот, не возился в саду, не выходил из пекарни, но Антия чувствовала, как на них смотрят десятки любопытных и встревоженных глаз. Где-то взбрехнула собака, из нескольких труб поднимался дымок. Нет, это место не такое заброшенное и тоскливое, каким хочет казаться. В нем, в отличие от поселка джайпсов, еще есть жизнь.

– Я думала, что ты изменился после пирамиды, – с горечью призналась Антия. Ее шепот был негромким и злым. – А ты такой же, как был. – Ее жалость сменил гнев, она даже ткнула Ардиона кулаком в плечо. – Ты понимаешь, что наделал? Эти твои каменные статуи – прямо послание: «Здесь был владыка Ардион! Солнце вернется!»

Ардион удивленно посмотрел на нее и вдруг рассмеялся – настолько весело и искренне, что Антия недоумевающе остановилась.

– Там нет моих статуй, – сказал он, насмеявшись досыта. – Там теперь вообще ничего нет, кроме пепла. Я скопировал то заклинание, которым работали эти гривлы... дрянная магия, но вполне доступная.

Где-то в стороне скрипнула дверь. Антия обернулась – никого. Но ощущение чужих взглядов никуда не делось. На них смотрели, пытаясь понять, кто эти незваные гости, и Антия вдруг поняла: если понадобится, Ардион испепелит и это место.

– Зачем мы вообще сюда идем? – спросила она. – Ты не можешь переместиться, как раньше?

Ардион посмотрел так, словно хотел поинтересоваться, за какие именно грехи Антия снова свалилась ему на голову, но все-таки объяснил:

– Я пытаюсь поймать нить Оракула. Он не сидит на месте, уходит то туда, то сюда. Придется идти, пока я ее не выхвачу. Потерпи, пожалуйста.

– Потерплю.

Они вошли в поселок, двинулись по единственной улице, и Антия надеялась, что они похожи на беженцев. В такие времена всегда

хватает тех, кто был вынужден покинуть свой дом и теперь пытался найти новый приют. Впрочем, посмотрев на владыку, она в очередной раз убедилась в том, что он меньше всего напоминает бедолагу, который лишился всего после того, как Солнечный кормчий был повержен. По пыльной улочке безымянного поселка шествовал настоящий владыка этих мест – Ардион держался с такой несокрушимой гордостью, что было ясно: их наивный камуфляж никого не введет в заблуждение.

Они услышали легкое жужжание – обернувшись к дому, который почти врос в землю и надвинул черепичную крышу, словно рыжую шапку, Антия увидела крошечное золотистое облачко, которое торопливо двигалось в их сторону. Скрипнула дверь, сверкнул чей-то любопытный глаз. Ардион сгреб облако резким движением, и жужжание сменилось обиженным писком – когда он раскрыл ладонь, то сверкающее существо, похожее на человека, только с крыльями и слишком длинными и тонкими ногами, которые заканчивались копытцами, недовольно завозилось на ней и заявило:

– Грубо! Невоспитанно!

Ардион усмехнулся, и Антия испуганно поняла, что сейчас он окаменит эту звонкую мелочь – просто потому, что может. Крылатый человечек уместил крылья поудобнее и сообщил:

– Прямо! И очень-очень быстро!

– Слушаюсь и повинуюсь. – Ардион церемонно поклонился, и Антия подумала, что не понимает его – и вряд ли сможет когда-то понять. За соседним забором мелькнула растрепанная голова: осмелевший хозяин вышел из дома. В конце улицы мелькнул и скрылся женский силуэт.

Они двинулись по улице быстрым шагом, и Антия слышала встревоженные шепотки, летевшие им в спину: солнце, солнце... Ей сделалось жутко и весело; когда Ардион выцепил из воздуха что-то невидимое, ее стало знобить.

– Я знал! – воскликнул крылатый человечек, переползая на плечо Ардиона по рукаву сюртука. – Я знал, что она тут!

– Вот и славно, – кивнул он, обхватив Антию свободной рукой. – Осталось только понять, откуда ты это знал.

В следующий миг их уже закрутило, перебрасывая в пространстве – последним, что увидела Антия, было чье-то испуганное и счастливое

лицо, но она не успела разобрать, кому оно принадлежало, мужчине или женщине, юноше или старухе. Когда хоровод красок улегся, то она увидела, что их выбросило на краю леса, и этот лес еще не умер до конца. Часть листьев на дубах по-прежнему хранила густую зелень, и Антии невольно стало легче дышать.

Ардион перехватил сверкающего человечка за крылышки, встряхнул так, что тот запищал от боли, и осведомился:

– Так как ты понял, что именно я ищу?

– Ай, пустите! – заверещал человечек, извиваясь и пытаясь отбиться, но удары его копытец не достигали цели. – Грубо! Где ваши манеры?

Ардион снова встряхнул свою добычу, и Антия схватила его за руку:

– Перестань, ему больно!

– Больно! – согласился человечек. – Я слышал, как Файзун-джа сказал отправить слугу к гривлам! Рассказать о вас и о том, что вы ищете Оракула!

Ардион обернулся к Антии и одарил ее весьма выразительным взглядом, словно хотел сказать: «Ну вот, что я говорил?» Лицо Антии дрогнуло – чувство, накрывшее ее, было чем-то средним между разочарованием и обидой. Все-таки предатель. Ардион оказался прав, и эта правота причиняла боль.

– Успел отправить?

– Нет! Рассыпался, и все остальные тоже! А я уже летел к вам, я всегда знаю, где нити Оракула! Такова моя природа, – со сдержанной гордостью сообщил человечек. Ардион аккуратно посадил его на ладонь, погладил кончиком пальца по белоснежным кудрям и сказал:

– Прости, что обидел. И спасибо, что привел сюда.

– Ты меня снова удивляешь, – бросила Антия. – Не думала, что ты способен попросить прощения. И поблагодарить.

Ардион не ответил, решив проигнорировать эту шпильку. Человечек встряхнул крыльями, рассыпая пыльцу. Какое-то время все они стояли на краю леса. Перед ними до самого горизонта лежали зеленые луга, свежие и чистые. Низкое серое небо нависало тяжелой грязной тряпкой, но пока здесь была жизнь. То ли гривлы не заинтересовались этим местом, то ли решили не изводить все под корень вот так сразу. Рабов ведь надо не только пускать под плети, но и

кормить. Кругом не было ни души; впрочем, Антия заметила, что вряд ли знает, как выглядит местный Оракул.

– Они еще не все отравили, – сказала она. Человечек кивнул, вспорхнул с ладони Ардиона и, подлетев к Антии, поклонился, прижав ручку к груди, покрытой светлой шерсткой.

– Совсем забыл представиться! Зендивен, к вашим услугам, добрая госпожа. Да будет вам известно, я принц альвини, духов воздуха...

– Впрочем, от самих альвини уже ничего не осталось, – с усмешкой перебил Ардион. – И теперь любая их кроха может с чистой совестью считать себя принцем.

– Прекрати, – нахмурилась Антия. Усмешка Ардиона растаяла, уступив место определенному уважению.

– Зато перед тобой настоящая королева, – сказал он и пошел вперед. – Тарелка, так, кажется, называется твоя страна?

– Таллерия, – поправила Антия, шагая за ним следом. Трава была густой и сочной, с алыми мазками маков и бело-желтыми вспышками ромашек. Здесь царило лето – пусть его постепенно наполняла серая тоска и гниение, но оно пока еще было летом, и можно было представить, что тучи развеются, и выглянет солнце. – А где Оракул?

Ардион улыбнулся. Его осунувшееся лицо на мгновение сделалось почти красивым.

– Он здесь. Сейчас откроется. Я его чувствую.

Антия ничего не видела, кроме травы до горизонта, и даже не успела удивиться, когда практически влетела в белое и твердое. Ардион успел подхватить ее под локоть и оттащить назад.

Попятившись, она ахнула. Прямо перед ней из ниоткуда выступила белая мраморная голова, вросшая в землю почти до губ. Антия с удивлением и ужасом обнаружила, что голова была живой: дрогнули тяжелые веки, едва заметно шевельнулся кончик носа, дернулась щека, украшенная паутиной глубокой трещины – из нее рос пучок травы. Посмотрев вверх, Антия увидела, что Оракула украшает причудливая корона из деревьев – яблони и сливы были укутаны невесомым цветущим кружевом, дубы и вязы шелестели зеленой кроной, березы рассыпали золотые чешуйки листвы по ветру, и рябины, унизанные кровавыми гроздьями ягод, устало тянули ветви к

небу. Оракул нес на себе все времена года, и Антия вдруг поняла: пока он жив, никакой враг не одолеет Ашх-Анорн.

– Вот он. – Голос Ардиона был неожиданно теплым и искренним. Он дотронулся до щеки Оракула, и листья в древесной короне зашелестели с призывной радостью, словно приглашали говорить. «А если его найдут гривлы?» – испуганно подумала Антия, и каменные губы шевельнулись.

– Они не найдут, дитя. Не бойся.

Казалось, голос такой громады должен грохотать на весь мир – но он звучал тихо, летя мягко над травами. С такой теплой нежностью мог бы говорить отец, к которому наконец-то вернулся потерянный ребенок. Зендивен испуганно зашелестел крыльями, прижав ручки к груди и склонив голову. Оракул улыбнулся, и с одной из рябин сорвалась ягода.

– И ты не бойся, дитя. Ты истинный правитель своего народа, и однажды он воскреснет к жизни новой и беспечальной во всех краях, от Дохлого моря до скал Нанзун. Знай, что так и будет.

Принц альвини склонил голову еще ниже, почти свернувшись в сверкающую горошину.

– Благодарю, Оракул, – чуть слышно ответил он. – Это больше, чем я могу мечтать.

– Ты знаешь, что сюда пришли гривлы? – спросил Ардион. – Они убили Солнечного кормчего.

– Знаю, дитя, – отозвался Оракул, и в его голосе прозвучало искреннее сочувствие и сожаление. – Они выскользнули с изнанки мира, из тех глубин, куда не достигает свет Аулле, великого и милосердного. Их мощь безгранична, ты и сам ее видел. Но ты – осколок Солнечного кормчего, в тебе его сила и наследие. Подними ладью отца и пойдешь его путем, пусть солнце вновь появится над нами. Соедини оба мира, это изгонит гривлов навсегда. Когда два мира сольются в один, то гривлы отправятся обратно, на изнанку вселенной, и останутся там навсегда. Они не смогут оттуда выйти даже в конце времен.

Веки Оракула были сомкнуты, но Антия готова была поклясться, что сейчас он смотрит прямо на нее – и от этого взгляда ей сделалось светло и очень легко. Казалось, она готова была воспарить над травой.

– Солнечная кровь и королевское серебро соединяют и исцеляют миры, – промолвил Оракул. – Ты это знаешь, дитя. Ты король, и она королева, в вас обоих спасение для ваших миров. Подними ладью и отправляйся в путь.

Громадная голова вдруг содрогнулась, и с рябиновой ветви сорвалась крупная гроздь. В следующий миг Оракула уже не было – Антия услышала знакомое прерывистое щелканье и, обернувшись, увидела гривлов.

Их было трое – двое держались чуть в стороне, а еще один, громадного роста и с четырьмя жгутами вместо трех, которые поддерживали шишковатую голову с порослью красных волос, шагнул вперед. В его руке лежало копьё – ледяной иззубренный наконечник наполнял мертвенно-синий свет, и Антия поняла, что именно убило Солнечного кормчего. Бросок этой громадины размером с корабельную сосну, которую гривл так легко, так играючи держал в руке.

Зендивен издал тоскливое щебетание. Полупрозрачные пальцы впились в рукав Ардиона так, что потемнели от напряжения. В тот же миг Ардион рванул Антию к себе, и, заваливаясь вместе с ним в пестрый круговорот прохода в пространстве, она увидела, как гривл бросил копьё.

В колени и руки ткнулось что-то деревянное. Антия жадно вдохнула воздух, пронизанный горьким запахом болотных трав и шумом бесчисленных ручьев, и в ту же минуту Зендивен заверещал от ужаса. Качнувшись, Антия завалилась на бок, на темный паркет, и увидела, как Ардион рухнул рядом, обливаясь кровью.

Копье, брошенное гривлом, не пронзило его, как Солнечного кормчего – просто зацепило, пройдясь по правому плечу, но этого хватило, чтобы сейчас Ардион обмяк на полу и его взгляд наполнился смертной мутью. Антия бросилась к нему, быстро огляделась, пытаясь понять, куда их занесло: они были в маленькой гостиной, обставленной с тем уютом, который свойственен домам в деревне – много дерева, камин, обложенный темно-серым камнем, пыльно-голубые подушки на диване. Дом наполняли шумы, слышные только в той тишине, которая возникает, когда хозяин уходит надолго: мерный стук дождя по подоконнику, гул ветра за окном, шелест деревьев, которые стояли вокруг дома мрачной стеной, далекий скрип половиц.

Антии подумалось, что это настоящий дом Ардиона на болотах и он вернулся сюда, чтобы умереть. Лицо владыки посерело, от раны, что легла через ключицу, поднимался грязный смрадный дым, от шеи на правую щеку поползла черная паутина, и в этом была очень жестокая ирония – когда-то он лишил брата руки, а теперь может потерять ее сам. Антиа покосилась в сторону дивана – нет, туда она раненого не дотянет, и Зендивен захлопал в ладоши и сориентировался:

– Так-так, это же болота Аш-Таиш! Оставь его! Идем!

Рванувшись к дивану, Антиа сдернула подушку, подложила под голову раненого – принц альвини нетерпеливо потянул ее к дверям, приговаривая:

– Это болота Аш-Таиш! Набирай воду, любую, болотная вода целебна! Быстро набирай, ставь на огонь! А я займусь ягодами, травами и корнями!

Страхнув его с руки, Антиа бросилась в дом – не в горстях же ей кипятить воду! На маленькой кухоньке обнаружили и приготовленные дрова, и старый пузатый чайник. Схватив его, Антиа побежала за нетерпеливо приплясывающим в воздухе Зендивеном, отчаянно молясь лишь о том, чтобы Ардион выжил.

Если он умрет в своем уютном доме на болотах, то обоим мирам останется только ждать общего конца – и конец этот наступит очень скоро.

На улице шел дождь – вроде бы несильный, но холодный. Махнув рукой в сторону покосившегося колодца, Зендивен растаял в туманной дымке, которая лениво ползла из-за темной стены деревьев. Справившись со старым воротом, Антиа достала ледяной воды, наполнила чайник, торопливо расплескивая, и кинулась обратно в дом. Когда она развела огонь в плите и поставила чайник, то Ардион едва слышно застонал. Антиа торопливо подошла к нему, присела рядом; от раны поднималась такая вонь, словно Ардион гнил заживо. С трудом сумев повернуть Ардиона, Антиа сняла с него сюртук и рванула рубашку, открывая рану: по черно-красному следу, проложенному копьём гривла, пробежали огоньки – магия, которая наполняла владыку Ашх-Аорна, пыталась исцелить его.

– Махивари, – вдруг отчетливо произнес Ардион. Его глаза были закрыты, черная паутина расползлась по щеке и перетекла на висок. –

Махивари, подожди.

Это было имя, и женское. Антия почему-то поежилась. От голоса Ардиона веяло старой печалью – когда-то Махивари ушла, и сейчас, когда от его обугленной плоти поднимался дым, он спешил за ней и хотел наконец-то догнать, остановить, удержать. Антия словно прикоснулась к чужой тайне, и от этого прикосновения ее наполнило грустью.

– Я здесь, – негромко сказала она и дотронулась до потемневшей щеки: черная паутина тотчас же заставила пальцы онеметь, но Антия не убрала руку. – Я здесь, все хорошо.

Еще один огонек пробежал по ране, и она отметила, что вонь вроде бы развеивается. В приоткрытую дверь впорхнул Зендивен, с трудом волоча целую охапку ярко-зеленых листков, чистых белых корешков и гроздь ягод на тонком стебельке.

– Махивари, – повторил Ардион и улыбнулся. Зендивен сгрузил добычу на стол и распорядился:

– Корни и листки – в кипяток. Ягоды сейчас истолчем и напихаем в рану. Бегом, бегом! Живее!

Антия торопливо сделала все, что было велено. От листьев и корешков поднимался густой бодрящий запах, и хмурый дождливый вечер вдруг прояснился. Шевельнулись волосы на голове, кровь побежала быстрее и бодрее – размешивая отвар, Антия внезапно поняла, что улыбается.

– Там есть эта гниль? – спросила она. Зендивен, который явно устал, волоча ягоды, присел на край стола и качнул крылышками.

– Нет. Болота – это уже гниль и тьма. Темнее не найдется.

Передохнув, он подхватил ягоды, перенес их на треснувшее блюдце и, решительно вздохнув, принялся отплясывать на них так бойко, что во все стороны полетели терпко пахнущие капли. Антия нацедила отвара в изящный бокал на тонкой хрустальной ножке и спросила:

– Что теперь делать?

Принц альвини осмотрел ягодное месиво, довольно кивнул и, вспорхнув над блюдцем, распорядился:

– Теперь им надо заполнить рану, а потом залить отваром. Помогите нам Аулле!

III

Дом на болотах

Антия сомневалась, что ягодное месиво способно залатать такую рану, но Зендивен посмотрел на нее так, что она не стала спорить. Послушно нанеся кашу в черно-красную полосу от копья, она осторожно полила ее отваром, и принц прошептал:

– Смотри! Смотри!

Гнилая вонь сделалась не такой пробирающей, а чернота, которая напознала на лицо Ардиона, слегка поблекла. Зендивен с нескрываемым торжеством сделал круг над лежащим и довольно произнес:

– Вот, а ты не верила! Эти ягоды и корни целительны!

– Жаль, что тебя не было рядом, когда гивлы бросили копье в Солнечного кормчего, – вздохнула Антия. Зендивен со вздохом устроился на ее плече и сказал:

– Ты не представляешь, как мы все тогда испугались. Его ладья рухнула на севере, я видел, как она летела по небу... Хорошо, что есть запасная, правда?

Антия кивнула. Склонилась над Ардионом – на его лице выступил пот, темная паутина медленно, но верно уползала со щеки. Над ягодной кашей в ране энергично роились золотые искры: магия, которая наполняла владыку, изгоняла из него тьму.

Ей вспомнилась рана, которая чернела в груди Солнечного кормчего, и Антия невольно поежилась. Сейчас, в тихом сумраке дома на болотах, ей не верилось, что они смогут справиться с гивлами. Да еще и она сама разрушает Ашх-Анорн. Кто знает, когда начнется очередное землетрясение или поднимется цунами, смахивая с берегов все живое?

«Незачем рассиживаться», – сердито сказала себе Антия и, поднявшись, отправилась на кухню. В одном из шкафчиков обнаружила старая коробка с сухарями, в ящичках она нашла крупу и металлические банки консервов с темными этикетками, на которых красовались веселые поросята – что ж, пожалуй, у них сегодня будет пир горой. Потирая ладошки, Зендивен подлетел к ней и осведомился:

– Ты будешь готовить ужин?

Антия кивнула. Поставила на огонь сковороду, вспомнила, как когда-то варила кофе в крошечной кухоньке дяди Бриннена. Как он там сейчас? Как там сейчас вся Таллерия?

Ей вдруг сделалось так тоскливо, что она вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Где-то далеко и высоко, в другом краю, люди ползали по руинам своего мира, начиная восстанавливать разрушенное – и Верн погружал руки в изрытую землю, чтобы удержать Кита. Ардион шевельнулся на полу, что-то невнятно пробормотал: Зендивен порхнул к нему и тоненько распорядился:

– Ну-ка, лежите спокойно! Тихо!

Антия услышала странный звук и не сразу поняла, что Ардион пытается смеяться. Она обернулась – владыка повернул голову в ее сторону, в его глазах еще плескалась муть, но паутина почти уползла с шеи, и от раны поднимался едва заметный дымок.

– Как ты? – спросила Антия, и неожиданно для нее самой, вопрос получился наполненным искренним теплом. Наверно, в этом было виновато имя, которое Ардион повторял в бреду – имя неизвестной девушки, которое делало его не чудовищем, а человеком.

«Какой он тебе человек», – Антия рассердилась на себя, на свой неожиданный душевный порыв – и Ардион словно почувствовал это, потому что губы дрогнули в усмешке, и он ответил:

– Лучше, чем было. Хорошо... хорошо, что я успел перенести нас сюда.

Зендивен сделал над ним круг, потом беспечно опустился на пол рядом и сказал:

– Хорошо, что гривлы не сели нам на хвост! Я летал по болотам – здесь их нет и не было!

Ардион устало закрыл глаза и произнес:

– Если бы ты знал, что есть на этих болотах... ты бы так не радовался.

Антия вспомнила, что он когда-то рассказывал о прошлых детях Солнечного кормчего: легли в болота жирным пеплом, разочаровав отца. И он построил свое убежище рядом с кладбищем, рядом с теми, в ком был такой же осколок солнца, как в нем... Это было одновременно грустно и пугающе.

Крупа рассыпалась золотыми горками рядом с кусочками мяса, пропитываясь соками, и по дому поплыл такой аромат, что у Антии заныло в животе – когда она волновалась, ее принимался точить голод. Ардион со сдавленным стоном поднялся с пола, проковылял к дивану и, рухнув на подушки, рассмеялся.

– Что с тобой? – испуганно спросила Антия. Она ожидала чего угодно, только не этого смеха. Ардион перевернулся на спину, заложил руки за голову и ответил:

– Ничего. Просто вспомнил, что однажды отец задал... такую же трепку. И я отлеживался здесь. Он не ходил сюда.

Ну еще бы он ходил. Насколько Антия успела узнать Солнечного кормчего, у него не было привычки скорбеть по убитым детям. Он просто разбрасывал очередные осколки солнца и творил новых потомков. Сняв с полки тарелки, Антия наполнила их кашей со свининой, и Зендивен презрительно фыркнул:

– Мертвое мясо! Фу! Как вы можете это есть?

Сам он жевал темно-зеленый острый листочек, который приволок с болот, и выглядел полностью довольным жизнью.

– Очень даже можем, – ответила Антия и, взяв одну из тарелок, прошла к дивану. Ардион посмотрел на нее так, словно собирался защищаться от иномирной демоницы, только пока не знал, каким образом. Антия погрузила ложку в россыпь каши и сказала:

– Давай, потихоньку.

Однажды у дяди Бриннена было воспаление легких. Старый вояка настолько ослаб, что лежал в постели не в силах подняться к столу – и Антия садилась рядом с ним, кормила его с ложки и рассказывала какие-то сказки, словно дядя Бриннен был ребенком, которого нужно было вылечить. Ардион нахмурился и произнес:

– Даже не думай. Я сам.

Антия протянула ему тарелку, глядя, как облако искр над его раной делается тоньше, погружаясь в ягодную кашу и растворяясь в ней. Ей вдруг вспомнилось, как когда-то они стояли на балконе его дворца и она видела, как дымящиеся звезды падают с неба. Солнечный кормчий создавал новых детей в материальном мире взамен тех, которые разочаровали его в очередной раз.

– У твоего отца есть новые дети? – спросила она. – Помнишь, он создавал их взамен тебя, Верна и Микеллы?

Ардион не успел ответить. Снаружи донесся негромкий цокот и смех – проплыл мимо дверей, переместился к другой стене дома. Кто-то шел там в сумерках – кто-то высокий, темный, сухо стучащий копытами.

Воздух сделался густым и горьким. Стало трудно дышать. На Антию нахлынул страх – сильный, колючий, проникающий в самую глубину души. Все в ней вдруг закружилось, полетело, задрожало, захлебываясь криками: беги! Беги отсюда! Спасайся!

Смех снаружи сделался громче. Незванный гость прошел к окну – Антия увидела тень: рогатая голова на человеческом теле, длинные мохнатые ноги, горб, из которого прорастали деревья. Зендивен издал слабый тоненький писк и нырнул куда-то под диван. По крыше раскатился стук – сперва негромкий и осторожный, потом он сделался таким, словно по крыше изо всех сил лупили кувалдой.

Антии казалось, что она сейчас захлебнется своим ужасом. Он поднимался к ее глотке, перебивая дыхание, и она не сразу поняла, что Ардион держит ее за запястье.

Прикосновение было настолько бережным, что Антия наконец-то смогла дышать, словно владыка дотронулся не до руки, а до души, умиряя поднявшуюся бурю. Ардион смотрел на нее с мягким сочувствием – когда к первому пришельцу присоединился второй и заколотил в дверь, владыка негромко попросил:

– Поможешь мне сесть?

Антия поставила тарелку с кашей на пол, усадила Ардиона – от его тела веяло сухим жаром, словно он в любую минуту готов был вспыхнуть. «Махивари», – почему-то вспомнила Антия, и он по-прежнему тихо ответил:

– Не бойся. Если мы не откроем двери, они ничего не смогут нам сделать.

В ту же минуту с улицы раздался мелодичный зов:

– Антия! Антия!

Откуда они знали, что она здесь? Сев рядом с Ардионом, Антия смотрела в сторону двери. Может, придвинуть к ней что-нибудь? Хоть вот ту небольшую тумбочку? Нет, вряд ли это поможет.

– Антия, открой! Открой сама, мы все равно войдем! Тогда хуже будет!

– Не бойся, – повторил Ардион. Он нагнулся, подхватил с пола тарелку и, подцепив ложкой кусочек мяса, сказал: – Просто не надо открывать им дверь, вот и все.

Да, пожалуй, только Ардион мог поселиться там, где с болот приходят рогатые чудовища. Стук раскатился по крыше, пересыпался к окнам, и стекла тревожно зазвенели. Ардион ел с таким видом, словно не происходило ничего особенного – снаружи донесся смех, и веселые голоса, не мужские и не женские, пропели:

– Впустите нас! Потом придут великаны с тремя пастями на брюхе! Потом приползут холмы с тысячей мертвых глаз!

– Вкусно, – равнодушно заметил Ардион. – Они просто пугают. Не обращай внимания.

– Кто они? – спросила Антия. Зендивен пищал под диваном так, словно великаны и холмы уже вошли в дом и принялись рвать его на части.

– Призраки. То, что осталось от детей Солнечного кормчего, когда они утонули в этих болотах.

Словно услышав его, призраки расхохотались множеством голосов. За окнами стало совсем темно, и Антия услышала, как по крыше лениво зацокал дождь. Тотчас же послышался грохот: кто-то, обладавший десятком ног, не меньше, запрыгнул на крышу, заплясал.

– Впустите нас! – завывали за дверями. – Через лес уже идет черная шаманка с оленьими скелетами! Через лес уже летят гнилые голуби с перепончатыми крыльями! Лучше впустите нас, а не их!

Антия всхлипнула. Мысли путались, тело делалось каким-то чужим, сломанным, неправильным. Тело хотело встать, пройти к двери и отодвинуть засов – впустить то, что проникало ледяными пальцами в глубину разума. Она опомнилась только тогда, когда Ардион резким движением здоровой руки обхватил ее за плечи и произнес:

– Подумай о чем-нибудь хорошем. А я тебя удержу.

Ночь казалась бесконечной.

За окнами разлилось мертвенное бледно-голубое свечение – обернувшись, Ардион увидел черный гребень леса и прозрачных

существ, которые плясали перед домом, кривлялись и заливались леденящим хохотом, корчили рожи. Когда-то он успел к ним привыкнуть и сейчас, после двух лет заточения в подземелье, понял, что относится к ним с прежним равнодушием. Человек с рогатой головой приникал к окну, заглядывал внутрь: морщинистое лицо злобного старика с вытекшим правым глазом и носом, свернутым на сторону, медленно обретало тонкие девичьи черты – их идеальная морозная красота была искажена бесконечным страданием.

– Открой, – звала она, и в ее голосе звенели слезы. – Ардион, открой, прошу. Ты же помнишь. Ты же знаешь. Ты же сам видел, что наш отец сделал со мной за...

Потом ее сметало в сторону невидимым ветром, и грохот по крыше усиливался. Из болот поднимались новые призраки – чуяли живую кровь, хотели сделать глоток.

– Тьма способна исказить любой свет, – прошептала Антия, словно замороженная. Она сидела на полу, прильнув к Ардиону, он обнимал ее здоровой рукой, и призраки заливались хохотом на крыше – все было как всегда. – Странно, что у тебя убежище именно здесь.

В отличие от иномирянки, Ардион вообще не испытывал неудобств. Призраки пугали его примерно так же, как могли бы пугать комары или мошки. Рана почти затянулась – оценив ее состояние, Ардион застегнул рубашку, поднялся, зажег маленькую лампу, и в доме сделалось уютно. Призраки завывали еще громче, и кто-то из них всем телом ударился в дверь. Конечно, он никогда не сокрушил бы ее, но грохот получился изрядный.

– Попробуй расслабиться, – предложил он, снова сядя рядом с Антией. – На самом деле это очень простой фокус: постарайся не думать о них.

– К этому невозможно привыкнуть. – Антия прерывисто вздохнула, взяла его за руку, и Ардиону подумалось, что она устала. Вымотана в край. В самом деле, для юной девушки сегодня было слишком много приключений и крови – Ардион даже почувствовал жалость.

– Я не предлагаю привыкать, – усмехнулся он. – Просто не слушай. Думай о чем-нибудь приятном. У тебя ведь было что-то приятное в твоей Тарелке?

– Таллерии, – хмуро ответила Антия и почти беззвучно добавила: – Не было. Не помню.

Зендивен устал пицать. В какой-то момент беснование призраков за стенами начало стихать – тогда принц альвини вынырнул из-под дивана, свернулся калачиком, накрылся своими крылышками и уснул в облаке светящейся пыльцы с запахом меда. А в душе Антии все звенело и тряслось – она не говорила ни слова, но Ардион ощущал эту дрожь, и крючок все сильнее погружался в его грудь.

Солнечная кровь и королевское серебро объединяют и исцеляют миры. Некстати вспомнилось белое платье Антии – в зеркальном отражении она была одновременно королевой и испуганной девчонкой, которая несла на себе слишком тяжелую ношу.

– Почему они стали такими? – спросила она. Сквозь ее страх теперь пробивалась скорбь. Конечно, дети Солнечного кормчего не совершили ничего настолько ужасного, чтобы их потом превратило в голодных шепчущих призраков, просто тьма изувечила и исказила то, что от них осталось. Антия не смотрела в сторону окна – в дом сейчас заглядывала женщина с козлиными рогами и зашитыми глазами. Под веками что-то шевелилось и дрожало, словно пыталось найти путь на свободу.

Кажется, когда-то ее звали Нашента-Ла, дитя пустынь. От нее и сейчас веяло жаром.

– Их окутала тьма на болотах. Та, что была здесь еще до появления людей, ей нужно только пожирать и калечить, – пояснил Ардион. По крыше процокали копытца, и послышалось хлопанье крыльев; он поднял голову, прищурился и добавил: – А этих раньше не было. Вот мои новые братья, о которых ты спрашивала.

Смех снаружи сделался визгливым и нервным, а потом оборвался, и над домом разлилось чавканье и хруст: кого-то с аппетитом пожирали. Должно быть, какая-то глупая ночная птица, на свою беду, решила пролететь над домом. Антия вздрогнула всем телом и сильнее стиснула его руку – Ардион снова обнял ее, и она негромко спросила:

– А кто такая Махивари? Ты ее звал в бреду.

Он покосился в сторону окна, и Антия невольно посмотрела туда же. К стеклу прильнуло очередное женское лицо, искаженное голодом и неутолимой тоской. Из левой глазницы прорастали лилии, волосы поднимались дыбом, окружая голову короной. Заметив, что на нее

смотрят, женщина содрогнулась, затряслась, и из ее левого плеча начало выламываться что-то костлявое, многосуставчатое.

Когда-то она была прекрасна. Когда-то Ардион смотрел на нее, и все в нем стремилось лететь, подниматься под облака, искать слова, чтобы сказать что-то еще, кроме «люблю», изувеченного напластованиями пошлости. Когда-то они действительно любили друг друга – была весна, солнце разбрызгивалось по ручьям, и мир казался бескрайним и светлым.

Все кончилось. Сейчас он даже не мог вспомнить лица Махивари – призрак не имел к нему никакого отношения. В памяти остался только легкий девичий силуэт и рука, украшенная серебряными браслетами – Ардион когда-то держал ее и не хотел отпускать.

Потом ее забрали.

– Это она? – Должно быть, Антии сейчас хотелось отвернуться, но она не могла. Ардион чувствовал, что жуть, накатившая на нее, была такой силы, что почти заглушила разум – и Антия снова дернулась в сторону, повинувшись визгливому приказу из-за окна, раскатившемуся над лесом и болотами:

– Поднимись и впусти нас, мелкая сучка! Вставай!

Ардион с силой прижал ее к себе, и от его пальцев растеклась золотая дымка, пахнувшая вишней и летом – только тогда она опомнилась, и ее страх уступил место стыду: щеки девушки окрасились румянцем, и Ардион невольно заметил, что она хороша собой. Не красавица – в Антии не было идеальной безупречности античных статуй, когда в лице нет ни малейшего изъяна, только совершенство, но Ардион видел в своей иномирянке силу и жизнь, и это было намного важнее любого очарования. Это было настоящим, это влекло.

– Да, это Махивари. Когда-то я ее любил, – сообщил Ардион тем будничным тоном, за которым хотел спрятать далекий отблеск своей тоски. Когда-то он пытался скрыть ее от себя и мира, заталкивал на самую глубину души, а потом вдруг понял, что от прошлого не осталось ничего, кроме пустоты. – Отец поднял ее в небо в своей ладье и сбросил оттуда в болота.

Он вспомнил сиреневую звезду, которая сорвалась и рухнула в трясину. Солнечный кормчий приказал ему стоять на балконе дворца и смотреть. Это была казнь – наблюдая за ней, Ардион старался

держаться как можно равнодушнее и радовался, что отец не видит его лица.

В тот миг он готов был убить Солнечного кормчего. Разорвать, уничтожить, вычеркнуть из жизни. Попади ему тогда в руки копьё гривлов – от отца и пепла бы не осталось.

А потом он смирился. Запер свое горе, сделал все, чтобы оборвать мысли и стереть воспоминания – не хотел лечь в трясине рядом с Махивари. Все равно ее было не вернуть.

Антия смотрела с жалостью – так смотрят барышни на героев своих романтических книжек. Наверное, она думает о том, почему он построил дом именно здесь – конечно же, чтобы быть рядом с той, которую любил, романтические герои всегда так поступают, если верить той девичьей болтовне, которую он иногда слышал.

– Не думала, что ты можешь кого-то любить, – призналась Антия. Ардион скептически усмехнулся, и она добавила: – Что тебе вообще нужна любовь. Что ты способен дорожить кем-то. Заботиться, беречь...

– Да, я не сомневался, что произвожу на тебя именно такое впечатление, – сказал Ардион. Легонько дотронулся до ее подбородка, подумал: не поцеловать ли – просто так, в шутку, чтобы она больше ему не дерзила и не задавала лишних вопросов. Он полагал, что Антия отпрянет от него – но нет, она даже не шевельнулась. От нее сейчас веяло тем же теплом, каким когда-то от Махивари, и Ардион подумал, что должен ее удержать и сохранить.

Так он сможет искупить свою старую вину. Так он больше не будет выбирать между долгом и любовью – конечно, если умудрится выжить в нынешних обстоятельствах.

Ему ведь хотелось жить. Когда гривлы появились перед Оракулом, он даже не подумал о сопротивлении или камешке в кармане – просто упал в червоточину в пространстве, спасая себя и Антию. И эту трескучую мелочь тоже.

На болотах вдруг воцарилась тишина – глухая, безжизненная. Даже дождь перестал стучать по крыше.

– Я не буду открывать, – сказала Антия, шевельнувшись в его руках. – Незачем туда смотреть. Просто поставлю чайник.

– Правильно, – одобрил Ардион. Антия прошла к плите, оглянулась – оценивающе посмотрела в его сторону, так, словно хотела

проникнуть в чужую душу и узнать, какая она на самом деле и что за тайны скрывает в себе. Снаружи донесся тоскливый скрип и стон, и Антия едва не выронила чайник с оставшейся водой.

Она осторожно заглянула в кухонное окошко, и Ардион услышал, как заклацали ее зубы. Из-за деревьев с величавой размеренностью выдвигалось то, что призраки называли холмом с тысячей глаз. Они сами его боялись – как только он появлялся, призраки давали деру. Молочно-серая махина выкатилась из-за стволов, и Антия издала беспомощный стон, словно животное, которое попало в ловушку и осознало, что не сможет освободиться.

Это был Оракул, которого они увидели среди полей. Но сейчас от его головы остался лишь череп – кое-где к нему прилипли ошметки кожи, половина зубов была выбита, засохшие деревья в короне были изломаны так, словно их крутила невидимая жестокая сила. В глазницах клубилась тьма. Ардион бесшумно скользнул к окну, встал, закрыв Антию собой, и ощутил на лице след чужого взгляда, который обжег кожу до кости.

– Солнечная кровь и королевское серебро соединяют миры, – хрипло прокаркал Оракул. – Вы оба сдохнете в муках, вы соединитесь в смерти и рассыплетесь жирным пеплом по болотам. Вижу! Вереницы мертвецов спускаются в трясину! Вижу! Дирижабли летят над морем, и нет в нем суши! Вижу! Океан становится гнилой лужей, а небо рвется в клочья! Вижу!

Он не договорил. Ардион выбросил вперед руку, и от его ладони разлился свет. Оракул поперхнулся, не договорив своих омерзительных пророчеств – солнце залило болото и лес, разбрасывая в стороны ошметки призраков. Казалось, его лучи очищают мир. Когда свет погас и Ардион опустил руку, в лесу воцарилась тишина – но теперь она была живой. Поскрипывали деревья, по мокрой траве осторожно брел ветер, негромко чирикала какая-то птичка.

Ночь продолжалась, но тьма отступила – вернулась в глубину болот, нырнула в ледяную воду, затаилась. Пока у нее не было сил для новой атаки.

– Спасибо, – выдохнула Антия, всхлипнула, уткнулась лбом в спину Ардиона.

– Пожалуйста, – откликнулся он. – Хорошо, что тебе не страшно. Плохо, что теперь гривлы знают, где мы.

Из дома на болотах уходили впопыхах.

Ардион переоделся – глядя, как он застегивает темно-синюю рубашку с изящной вышивкой по вороту, морщась от боли в пострадавшем плече, Антия подумала, что им бы стоило выглядеть попроще. Заглянув под диван, она вытащила спящего Зендивена, устроила его в расстегнутом нагрудном кармане своей курточки и спросила:

– Куда мы теперь?

– У отца были три запасные ладьи, – ответил Ардион. Он вынул из шкафа небольшую кожаную сумку и стал перекидывать в нее вещи: коробку, от которой веяло пронзительным лекарственным запахом, бархатный мешочек, в котором что-то звенело едва слышно, еще одну темно-синюю рубашку, на этот раз без вышивки. – Сейчас отправимся в Тар-Хавер, там была самая быстходная. Он очень ее берег.

Он закинул сумку на плечо и шагнул к дверям. Потянувшись за ним, Антия спросила:

– Почему твой отец убил Махивари? Просто потому, что ты любил ее? Тебе нельзя было любить?

– Ох, сколько вопросов от одной невыносимой девчонки, – вздохнул Ардион. Взял Антию под руку, и мир закрутился над ними, перебрасывая в другую точку, – когда пестрый дождь цветов, запахов и звуков улегся, успокаиваясь, а в подошвы туфель уткнулись мокрые камни мостовой, он ответил: – Да просто потому, что... Да, нельзя.

– Но почему? – удивилась Антия.

– Ты разве никогда не замечала, насколько равнодушно солнце? Что оно никого не любит, а просто дает свет?

Его слова утонули в веселой музыке, под которую ноги сами так и рвались в пляс. Антия огляделась и увидела, что стоит на маленькой улице перед изящными, словно игрушечными домиками. Их ставни были украшены нарисованными цветами и птицами, на каждом кружевном балкончике отплясывали бойкие существа, похожие на кошек, которых кто-то нарядил в человеческие красные рубашки и

черные брюки. В лапках, украшенных бесчисленными пестрыми браслетами, они держали скрипки и дудки – кто-то бахнул хлопушкой прямо над головой Антии, осыпав ее метелью конфетти, и радостно воскликнул:

– Танцуют все!

Ему ответили хохотом, аплодисментами и новым потоком музыки. По дороге плыла людская река – яркая, беспечная, полная светлого восторга. Женщины, одетые в крошечные платья, щедро усеянные блестками и стразами, извивались в танце, ритмично двигая бедрами. Мужчины кружились возле них, хлопая в ладоши, – их лица скрывали маски животных: слонов, тигров, медведей, волков. В воздухе плыли широкие ленты запахов – карамельных, винных, фруктовых.

Антия вдруг обнаружила, что тоже приплясывает в такт музыке. Ардион мягко подхватил ее под руку и повлек по тротуару в сторону белой статуи бегемота, украшенной гирляндами из растрепанных фиолетовых и розовых цветов. На морде зверя красовались оранжевые мазки, словно кто-то пытался накормить его медом. Высокая мулатка, всю одежду которой составляли накладки на соски, отделилась от карнавала, прильнула к Ардиону и поцеловала его так лихо, что Антия невольно приоткрыла рот. Владыка что-то пробормотал, отстранил ее, и девушка скользнула в сторону, заметив нового кавалера.

– Как тут весело, – заметила Антия, когда они свернули в проулок. Здесь никого не было. Двери в погребки были открыты, каждый вход украшал фонарик и вывеска с пивной кружкой, но проулок был пуст. Над домами низко висело серое небо, мертвые нотки гниения едва уловимо проступали сквозь густые ароматы карнавала, но присутствие гривлов здесь почти не давило на душу.

– Здесь всегда поют и танцуют, – ответил Ардион. Провел пальцами по губам, стирая помаду, оставленную мулаткой, нахмурился. – Сегодня, например, отмечают День святого Варсавви, спасителя мира от чумы. Видимо, надеются, что он поможет и в этот раз.

Зендивен высунулся из кармана, угрюмо потер глаза и спросил:

– Мы умерли?

– Пока еще нет, – бросил Ардион, спускаясь по ступенькам в погребок, на вывеске которогомышь пила пиво из большой кружки. Антия последовала за ним.

Заведение пустовало. На первый взгляд оно ничем не отличалось от таких же погребков в Таллерии: деревянные столы, большая стойка, пивные бочки, какой-то пьяница, спящий в углу в обнимку с кружкой. Здесь все было точно так же, и пьяница был таким же, как в Таллерии – краснолицым, опухшим от выпитого. Вот только в Таллерии не было гривлов, которые сейчас сидели с ним за одним столом. Головы покачивались на двух тонких жгутах – третьи отделились и с чавканьем прильнули к груди пропойцы.

Антия заскулила от ужаса. Чудовища с изнанки мира с аппетитом пожирали человека – он то ли спал, то ли был погружен в транс. Жгуты дергались и тряслись, словно по ним медленно перетекала густая жидкость, и Антия чувствовала: гривлы счастливы. Им нравится этот погребок и этот бедолага, который стал их кормом. Им тут было очень хорошо.

Ни один гривл не посмотрел в их сторону – зато бармен в грязном фартуке заметил новых гостей и, просветлев лицом, торопливо поманил к себе. Повинуясь приглашающему жесту, они обошли стойку и нырнули в подсобку; бармен устало провел ладонью по лысеющей голове, вздохнул и сказал:

– Владыка, неужели это вы...

– Я, – кивнул Ардион. – Давно они тут так питаются?

Бармен выглянул в зал. Его осунувшееся немолодое лицо сделалось угрюмым и серым. Антия присела на край трехногого табурета и поняла, что готова расплакаться от отчаяния и страха.

– Почти сразу, как появились, – едва слышно откликнулся бармен, вернувшись в подсобку. – Им пришлось по душе наше пиво, а сами они его не переваривают. Только вот так, опосредованно. Потом труп приберут и вернутся через пару дней. – Он посмотрел на Ардиона с такой отчаянной надеждой, что сердце Антии пропустило удар. – Вы ведь спасете нас, правда?

«Он всегда этим занимался, – подумала Антия. – Вот все и видят в нем спасителя – пусть жестокого, пусть беспощадного, но спасителя. Когда-то он избавлял мир от демониц. Теперь должен избавить от гривлов. Ничего не изменилось».

– За этим я и пришел, – ответил Ардион. Из зала донесся тоскливый вскрик – с таким душа отделяется от тела – а потом упало что-то тяжелое. Лицо бармена исказило судорогой.

– Осушили, – сказал он, и в это время по стойке застучало сразу несколько ладоней, требуя внимания. Бармен сразу как будто постарел и осунулся – он вернулся в зал, а Ардион сделал шаг в сторону, встав за пивными бочками так, чтобы его не было видно.

– Гри-влаэли довольны, – услышала Антия влажное хлюпанье. Вот, значит, как звучит человеческая речь, когда ее используют гривлы. – Возьми свою награду, чиш-ка.

«Чишка», должно быть, было сокращением от «человечишки». Антия содрогнулась от брезгливого презрения, густо смешанного с ненавистью. Послышался еще один всхлип, и голос другого гривла произнес с причмокиванием:

– Кто там? Чую жар. Чую смерть.

На мгновение Антии показалось, что она окаменела. Какая-то часть ее разума захлебывалась в истерическом вопле: «Бегите! Спасайтесь! Учюяли! Поймали!» Ардион прислонился к бочкам, прикрыл глаза, и вокруг его пальцев начали закручиваться золотые смерчи. Но та часть Антии, которая оставалась на удивление спокойной и равнодушной, нетерпеливо махнула ему рукой, приказывая замереть и не делать лишних движений.

Ей надо было действовать, и чем скорее, тем лучше. Торопливо подхватив и повязав фартук, который болтался на крючке, Антия вынырнула из подсобки в зал.

Троица гривлов стояла возле стойки. Покачивалась. От них несло пивом и мерзким духом гнилой рыбы. Пьяница, которого они осушили, свалился со скамьи на пол, от него разлилась лужа мочи, и Антия ощутила искреннюю жалость и боль.

Мертв? Наверное...

– Я тут, добрые господа, судомойка, – пролепетала она таким слабым голосом, каким прислуге положено говорить с хозяевами. Отчаянная надежда придавала ей сил, хотя страх был таким, что ноги подкашивались. – Ваша правда, приболела, а он, – Антия мотнула головой в сторону бармена, который стал уже не бледным, а каким-то серым, – отпустить меня не хочет. Говорю: дай хоть денек отлежаться, чтобы жар-то спал! Нет, говорит, выходи работать, лентяйка. Ну вот я и работаю, посуду вот домыла.

«Жар и смерть, – подумала она. – Я больна, у меня жар. Я – иномирнянка, болезнь и гибель для Ашх-Анорна». Хотелось надеяться,

что гривлы испугаются местной заразы и свалят отсюда поскорее и подальше. Маленькие глазки гривлов уставились на нее, и Антии почудилось прикосновение липких пальцев к лицу. Она стояла, опустив голову, старательно рассматривая грязные половицы и мысленно напевая старую детскую песенку: «Шла домой в лесу густом, тирли-та, тирли-да, вижу зайку под кустом, тирли-дирли-да...» Потом гривлы издали дружное скрежетание, один из них, видимо главный, махнул рукой, и они подались к выходу. Антия отважилась посмотреть им вслед: вот поднимаются по лестнице, вот вываливаются на улицу, вот раздражаются свистящими трелями и щелканьем – должно быть, смеются.

Бармен рухнул на табурет почти без сил, устало провел ладонью по редким рыжеватым волосам. Из подсобки выглянул Ардион – золотые смерчи угасали возле его рук, и Антия отстраненно подумала: «Если бы он запустил это дымное золото в гривлов, то тут камня на камне бы не осталось».

– Ловко ты это придумала, – одобрил он, бросил взгляд на лежащего пьяницу и вздохнул. Бармен шмыгнул носом, указал на две тусклые золотые монеты на стойке и сказал:

– Вот столько стоит высушенный человек. Чишка – так они нас называют.

Значит, ее догадка о «человечишке» была верна. Ардион брезгливо придвинул к себе монетку кончиком пальца – Антия увидела небрежно отчеканенную жабу.

– Ладыя моего отца по-прежнему в холмах? – спросил Ардион. Бармен кивнул.

– Да. Я не слышал, чтобы ее находили. Гривлы заплатили бы тысячу раз по столько, если бы им ее показали. Они ненавидят все, что связано с Солнечным кормчим.

«Почему же ты не расскажешь, где ладыя? Смог бы хорошо заработать», – подумала Антия. После вчерашней истории с Файзуном она везде и во всех подозревала предателей и предательство. Ардион посмотрел на бармена с нескрываемым теплом и спросил:

– Ты все еще не хочешь летать?

Бармен печально улыбнулся. Его волосы на мгновение налились солнечным светом и погасли. Антия удивилась: неужели этот человек,

полный тоски и внутренней обреченности, какой-то родственник Ардиона?

– Не хочу, – с тихим отчаянием признался он. – Мне страшно.

Ардион ободряюще погладил его по плечу. Улыбка бармена стала мягче.

– А вот вы должны взлететь, – сказал он с искренней надеждой. – Пусть солнце снова поднимется над нами.

Когда они вышли из погребка и побрели вниз по улице, Ардион после недолгого молчания все-таки снизошел до объяснения:

– Это, скажем так, моя родня. Когда-то много лет назад один из сыновей Солнечного кормчего приютил маленького бродяжку. Пожалел. Сказал, что теперь это его дитя.

– Вашему отцу, я полагаю, это не понравилось? – спросила Антия. Из-за угла вывернул мороженщик в белоснежном халате: пестрая тележка с намалеванным на боку мороженым была пуста, судя по легкости, с которой он ее катил.

– Помнишь череп в лесу? Вот все, что от него осталось. Я не знаю, почему отец не расправился с бродяжкой. Солнечный кормчий всегда был непредсказуем.

Зендивен тоскливо всхлипнул в кармане Антии. Все это время он сидел настолько тихо, что она успела забыть о нем. Шевельнулся клапан кармана, принц альвини высунулся на свежий воздух и прощebetал:

– Но приемный отец оставил в нем кусочек солнечного света! Крошечный осколочек! Я его почувствовал, а вот гривлы – нет. Слишком много человеческого!

Ардион устало посмотрел на принца, словно хотел посоветовать ему не болтать там, где в любой момент из-за угла могут появиться враги.

– Верно, – кивнул он. – Крошечный осколочек.

Вскоре дома остались позади, улица вывела их на широкие луга и побежала дорогой среди трав. Далеко впереди, почти у самого горизонта, лежали бурые холмы, похожие на курганы над могилами великих воинов: Антия видела такие в Таллерии. Издалека доносились музыка и смех – карнавал шел своей дорогой, невзирая на гривлов. Праздник должен быть всегда, даже если в небе больше нет солнца. Здесь, на лугах, тоска, которая окутывала Ашх-Анорн, сделалась еще

серее и глубже. Среди ярких зеленых стеблей было много иссохших цветов, бессильно опустивших бутоны. Рядом с дорогой Антия увидела скелетик полевой мыши, и Зендивен издал печальный вскрик.

– Тяжко здесь, как же тяжело! – горестно простонал он. – Так давит...

Небо действительно давило на голову – Антия вдруг поняла, что едва переставляет ноги. Навалилась усталость, словно она весь день колола дрова или таскала камни на стройке. Все кругом вдруг сделалось грязным, зернистым, пахнущим пеплом. Все кругом было серым, тусклым, лишенным даже намека на жизнь. Последние зеленые травинки остались позади – теперь они шли среди бесплодной сухой пустыни, которая шелестела останками трав: мертвое воинство трепетало на ветру, вышептывало историю своего поражения.

Ардион осторожно поддержал под руку – прикосновение наполнило Антию теплом и придало сил. Дальше она шла уже бодрее. Даже Зендивен отважился выпорхнуть из ее кармана. Сделав несколько кругов над лугом, принц альвини вернулся, опустился на плечо Ардиона и сообщил:

– Страшно, страшно, здесь очень страшно! Почти как было ночью на болотах! Здесь полно призраков, и они голодны!

Антия поежилась. Не хватало им еще голодных призраков! Дорога почти привела их к холмам. Покосившись на своего спутника, который выглядел намного бодрее, чем в городе, Антия поинтересовалась:

– А ты уже знаешь, что будешь делать? Потом, когда ладья поднимется? Как нам соединить оба мира?

Ардион пожал плечами:

– Солнечная кровь и королевское серебро соединяют и исцеляют миры – так говорил настоящий Оракул. Возможно, нам придется немного порезаться.

Зендивен вдруг расхохотался – так, что даже ногами задергал. Ардион подхватил его за загривок, встряхнул: принц альвини сразу же принял недовольный вид и рассерженно произнес:

– Грубо! Невоспитанно!

– Что тебя так насмешило? – хмуро осведомился Ардион. Зендивен отер выступившие слезы и сообщил:

– Соединение крови – это не о порезанных пальцах! Это брачный союз! Это консумированный брак!

Анття споткнулась от неожиданности и едва не растянулась на дороге. Судя по лицу Ардиона, он сейчас испытывал примерно такие же чувства. Зато Зендивен так и заливался хохотом.

– Вы объединяетесь! – объяснил он и постучал одним крошечным указательным пальцем о другой, словно пытался объяснить бестолковым громадинам, что именно им предстоит сделать. – И объединяете миры!

– Нет, – отрезал Ардион, и Анття тоже выдохнула, чувствуя, как щеки заливают рассерженным румянцем:

– Ну уж нет!

Насмеявшись досыта, Зендивен вывернулся из пальцев Ардиона и принялся нарезать круги над их головами, отчаянно треща крылышками. Ардион спрятал руки в карманы, и вид у него был крайне угрюмым, словно ему предстояло сделать то, что вызывало в его душе искреннюю неприязнь, и теперь он пытался понять, как с этим справиться без потерь.

Анття прекрасно его понимала. Она сейчас испытывала те же чувства. В памяти всплыло лицо Лефера, который когда-то соединил их заклинанием: он бы сейчас сказал, что ради спасения двух миров можно и перетерпеть такую мелочь, как брак и его закрепление. В конце концов, иногда люди делают и более отвратительные вещи.

Но сейчас она смотрела на Ардиона и даже представить не могла, что...

– Идем, – оборвал он ее растерянные мысли.

– Вообще-то, я замужем, – призналась Анття, шагая за ним. Сейчас она не видела его лица, но ей показалось, что Ардион вопросительно поднял левую бровь.

– Вот как! И какого же несчастного так угораздило?

– Это Эдвиг Данвигонский, – угрюмо ответила Анття. Вспомнился Эдвиг: умный, сильный, решительный. Антии показалось, что она видела его когда-то бесконечно давно, в другой жизни, вечность назад. Его можно было полюбить – вот только она не любила. Она признавала все его достоинства, понимала, что для династического брака не нужна никакая любовь, но сейчас ей сделалось не по себе. Очень сильно не по себе.

Она словно предавала человека, который не заслужил этого предательства.

– Король? – уточнил Ардион. Дорога побежала среди холмов; он сошел с нее и, пройдя по сухо шелестящей траве, поднял руку и что-то очертил в воздухе быстрым движением пальцев.

– Принц.

– Искренне ему соболезную. Не повезло парню.

На бурой шерсти холма медленно проступили золотые очертания ворот, украшенных причудливым узором. Журавли летели над озерами, рыбы ныряли в глубине вод, олени выступали из таинственной лесной чащи. Ардион хлопнул в ладоши, ворота мелодично заскрипели, отворяясь, и Антия готова была поклясться, что серая облачная пелена над ними прорвалась, выпуская солнце.

Она торопливо вошла за владыкой в глубины холма, и Зендивен, который устроился у нее на плече, вдруг ахнул и заворуженно произнес:

– Ну и громадина...

Они оказались в огромном зале, и он, кажется, был намного больше холма, в котором скрывался. Стены и пол были выложены розовым мрамором с золотыми прожилками, колонны раскрывались наверху удивительными цветами, и Антии даже почудился тонкий аромат. Все здесь было наполнено сиянием, все здесь было солнечным и теплым. Ладья стояла в центре – изящная, смуглая, богато украшенная золотом, она была похожа на живое существо, которое ждало пробуждения.

Антии вдруг привиделся белый песчаный берег, залитый солнцем, и море, которое мягко набегало на песок, шепча что-то неразборчиво-сладкое. Она обернулась к Ардиону – тот заворуженно смотрел на ладью, и его пальцы сжимались и разжимались, словно готовились лечь на причудливый деревянный завиток руля и повести ладью над миром.

«Солнце вновь поднимется над нами», – вспомнила Антия и едва слышно спросила:

– Ты ведь сможешь ею управлять?

Ардион кивнул. Его всю жизнь готовили к этой невыразимой и невыносимой чести – возможно, однажды занять место Солнечного кормчего и поплыть по небу. «Рука поражает демонов, сбросит на землю», – вспомнила Антия.

Владыка не успел ответить. Снаружи загремел чавкающий хохот, пересыпанный визгами и скрежетом. Пискнув от ужаса, Зендивен нырнул в карман Антии, и голос гривла издевательски позвал:

– Выходите, чишш-шки! Вас ждет сюрприз!

Лицо Ардиона закаменело, словно он понял, о каком сюрпризе идет речь, – и Антия тоже поняла.

Гривлов была целая дюжина – по счастью, ни один из них не держал в руках такого копья, которое убило Солнечного кормчего и ранило его сына. Выйдя за Ардионом под серое одеяло низко нависшего неба, Антия увидела уже знакомых тварей, осушивших пьяницу в баре. Сейчас они держали за руки бармена. Его голову рассекала красно-бурая ссадина, по лицу струилась кровь. Приемьша одного из детей Солнечного кормчего привели сюда заложником – но он держался спокойно и прямо, и Антия внезапно тоже ощутила странное успокоение.

Все будет хорошо. Все будет правильно.

– Владыка! – проскрежетал один из гривлов и издевательски поклонился – высокий, с двумя жгутами вместо трех и с белой порослью на голове, он держался словно командир. С золотых блях, которые украшали его брюхо, тарасили глаза жирные жабы, и Антия свирепо подумала: наверное, родственники. – Последнее дитя мерзкого Солнца!

– Солнце закатилось! – расхохотались гривлы. Двое пошли в сторону распахнутых ворот, и вскоре Антия услышала потрескивание огня. Ардион дернулся было к холму, и бармена тотчас же подняло над травой. Его ноги и руки раскинулись в стороны, словно их тянули невидимки – Антия услышала вязкое потрескивание.

– Не дергайся, иначе мы его порвем, – пообещал гривл. – Порвем и обгложем сладкие кости.

– Я тебя не предавал... – прохрипел бармен. – Они...

– Я знаю, – оборвал его Ардион, и Антия никогда бы не поверила, что он может говорить с такой искренней горечью и таким бескрайним сочувствием. Спину обдало жаром со стороны холма – ладью охватил огонь. Гривл махнул рукой, и бармен рухнул в иссохшую траву – тогда гривл поманил Ардиона мосластым пальцем и приказал:

– Сюда, владыка. Пойдете с-с нами. Мы казним тебя и твою девку так, чтобы все видели.

Звук, который пролетел над лугами, просто не мог раздаться здесь и сейчас – бармен перевернулся на спину, прижал руки к груди, и один из гривлов наступил ногой ему на голову.

– Идите. – По окровавленной щеке бармена пробежала слеза. – Пусть солнце поднимется над нами.

Антия не поняла, что случилось потом. Земля качнулась, словно хотела стряхнуть с себя их всех. Гривлы, которые до этого переговаривались потрескивающим щелканьем, застыли – и вдруг начали рассыпаться серыми хлопьями. Их морды скорчились в том, что можно было назвать удивлением, – когда последний гривл осыпался на землю кучей пепла, Антия с ужасом увидела, что бармен рассыпается тоже.

Ардион бросился к нему. Его руки быстро двигались, ткали золотую паутину, которая укутывала молниеносно сереющее человеческое тело в напрасной попытке остановить разрушение. Бармен улыбнулся, сжал запястье Ардиона здоровой рукой.

– Я тебя не предавал. Что-то показалось им подозрительным. Они проследили, куда вы идете, и взяли меня в заложники. Думали... – Он рассмеялся, и на побелевших губах выступил и лопнул пузырь крови. – Думали, что ты не допустишь моей смерти.

– Я бы не допустил, – откликнулся Ардион, и движения его рук стали еще быстрее: сейчас они мелькали, словно крылышки колибри – когда-то Антия видела эту невесомую воздушную птичку в королевском парке. Ей сделалось горько – так, что она едва не расплакалась. В бармене, чьего имени она не знала, было что-то напомнившее дядю Бриннена.

– Знаю, – улыбнулся бармен. – И спасибо, что не стал их каменить... Затронуло бы меня, а я не хочу... умирать каменной статуей.

С каждым новым вздохом ему становилось все труднее говорить. Жар от горящей ладьи усиливался. Антии казалось, что волосы у нее на голове вот-вот вспыхнут. Зендивен всхлипывал, выбравшись из кармана на ее плечо.

– Еще немного, – сказал Ардион с искренней любовью. – Потерпи. И откуда же у тебя такое заклинание?

– Это не мое, – ответил бармен. – Это их заклинание. Жаль, что я только здесь смог справиться с силами... не сумел разметать их по пути.

Но ничего, как скопил, так и ударил... – Он зашелся в кашле и добавил: – Ладья сгорела, жалко...

Значит, вот почему он все-таки пришел к холму, а не убил гривлов среди лугов. Антия шмыгнула носом, смахнула слезу. Последние движения рук – и бармена окончательно укрыл золотой кокон. Ардион со вздохом выпрямился.

– Это всего лишь дерево. Не жалею о нем.

Он простер руку над коконом и резко сжал ее в кулак. Кокон захрустел, выбросив в небо облако искр, и с ними вылетела сверкающая птица – желтая, звонкоголосая. Она сделала круг над холмом и людьми и полетела куда-то на запад.

Приемный сын одного из осколков Солнечного кормчего в материальном мире летел – и теперь ему больше не было страшно.

Ардион смотрел вслед птице, из распахнутых ворот вырывались клубы дыма и языки пламени, и Антия отчетливо поняла: у них мало времени. У них очень мало времени.

IV

Бал

– У нас еще две ладьи. И пять дней, включая сегодняшний.

Ардион сидел в траве и угрюмо смотрел куда-то в сторону города. Ладья Солнечного кормчего догорала. Антия бродила рядом, и он все ждал, когда же она начнет его раздражать.

Почему-то раздражение не приходило. Была одна лишь усталость – густая, давящая.

– А скоро Ашх-Анорн попробует от меня избавиться, – продолжала она. – Начнется землетрясение. Или наводнение. Или смерч. Где вторая ладья?

Ардион не ответил. Антия присела рядом, дотронулась до его плеча, словно пыталась разбудить или оживить. Наверное, когда они вошли в холм, девчонка уже представляла, как поднимется в небо в ладье Солнечного кормчего, как рассеются облака, выпуская солнце, как его свет испепелит гривлов.

Бен-Дарин, обращенный в золотую птицу, полетел на юг. Это было все, что Ардион мог для него сделать – он сумел спасти своего названного родственника, но сейчас это не приносило облегчения. Ни малейшего.

Ардион вдруг подумал, что мог бы сидеть так вечно. Окаменеть в той пустоте и горечи потери, которая окутала его, как саван.

– Давайте уже двинемся куда-нибудь! – прощепетал Зендивен. Он выдернул растрепанный колосок, куснул и, скорчив рожицу, выплюнул откушенное. – Раз эти пришли, то и другие придут! Может, они уже идут!

– А можно не тархтеть вам обоим? – хмуро осведомился Ардион. – Я знаю, где обе ладьи. И боюсь, что как только мы там появимся, нас будет встречать армия этих уродов. А я не уверен, что после двух лет под землей у меня хватит сил, чтобы пробиться через армию.

Антия вздохнула. Ардиону внезапно вспомнилось, как она поцеловала его в подземелье и как он откликнулся на ее поцелуй, на этот яблочный привкус губ. Воспоминание было одновременно

пугающим и полным нежности – это поднимало волну озноба, которая шла по спине и заставляла думать о том, что...

Достаточно. Он смог встрепенуться, сбросить с себя оцепенение – посидели, и хватит, надо решить, что делать дальше, пока сюда не набежали гривлы со всей округи, привлеченные пожаром.

– Что мы можем сделать? – спросила Антия.

– Заткнитесь, пожалуйста, – отрезал Ардион. Зендивен опустился на плечо Антии и негромко сообщил:

– Тут все отравленное. Испорченное. Колоски вроде бы целые, но в оболочке зерен пепел. Ужасно, просто ужасно!

Антия понимающе кивнула. Ардион невольно согласился с принцем альвини – Ашх-Анорну осталось совсем недолго. Постепенно гривлы высосут из него жизнь и отправятся искать новые миры, оставив за собой серую пустыню, развалины и пепел. В Таллерии, правда, им нечего будет делать. К тому времени их Великий Кит давным-давно успеет уйти под воду вместе со всеми человеческими мошками и их цивилизацией на своей спине.

Ардион покосился в сторону своей иномирянки и подумал, что у нее на душе сейчас, должно быть, пусто и жутко. Она не успеет вернуться. Она ничего не сможет сделать. Ее лицо едва заметно подрагивало, словно она изо всех сил старалась сдержаться и не заорать во всю глотку, выплескивая свою боль. И, когда Ардион поднялся и протянул ей руку, во взгляде девушки появилось удивленное понимание: в ее спутнике нет ни следа оцепенения и растерянности, он отлично знает, что нужно делать, и это придало ей уверенности. Они справятся. Они обязательно справятся, и солнце вновь поднимется над миром, а Великий Кит заснет навеки и никогда больше не поплывет. Зендивен тоже это понял – закружился в воздухе, весело потрескивая крылышками, прицокнул копытцами друг о друга.

– Ты придумал, да? – с надеждой спросила Антия – оперлась на его руку, встала. Ардион прикрыл глаза и кивнул:

– Конечно. Вот что значит вовремя закрыть рты.

Только Солнечный кормчий мог войти в ангар с ладьей без помощи магии, и сейчас Ардион пожалел об этом. Открыть бы червоточину, нырнуть в нее и очутиться прямо возле бока ладьи в предгорье Харанта.

Их выплюнуло на мрамор – ладони уткнулись в камень, и Ардион увидел знакомые цветочные узоры. Когда-то отец, уча их с Верном открывать ходы в пространстве и делать это аккуратно, назвал этот квадрат «точкой приземления». Антия рухнула рядом, поморщилась от боли и, завозившись на мраморе, сказала:

– Не люблю горы. Терпеть не могу.

– Почему это? – поинтересовался Ардион. Ему всегда нравились горы с их акварельной чистотой в ясные дни, прозрачным холодным воздухом и бесконечным одиночеством. Поднявшись и быстро зашагав вверх по склону по едва заметной тропинке, Ардион подумал, что отец выбрал правильное место для второй ладьи – когда взлетаешь в небо отсюда, то можешь наслаждаться прекрасным видом.

– Здесь все какое-то неустойчивое, – призналась Антия. – Я все время боюсь, что начнется обвал и меня размажет.

Зендивен, который уселся на ее плече, кажется, полностью разделял это мнение. Ардион обернулся – внизу лежал городок Фар-Намин, похожий на рассыпанные детские кубики. Пришел сюда ребенок великана, сел играть, а потом ушел и забыл о своих игрушках. Городок, кстати говоря, был интересным – курорт с минеральной водой, а на курортах всегда хватает и проблем, и забот, и скандалов. Интересно, много ли здесь гривлов?

Тропинка перевалила через каменный рубец, и Ардион увидел ворота, вырубленные в скале и украшенные тончайшей резьбой. Антия, которая все это время молча шла за ним, вдруг остановилась, едва не влетев носом ему в спину, и пробормотала что-то неразборчивое, но явно бранное.

– Там что, ничего нет? – прошептала она. Ворота были приоткрыты, за ними клубилась тьма, и, втянув носом воздух, Ардион почувствовал запах пыли и пустоты.

– Засада? – спросила Антия. Ардион шикнул на нее – замолчи, не раздражай – и быстрым легким шагом двинулся вперед.

Засады не было, ангар пустовал. Скользнув в открытые ворота и похлопав в ладоши, оживляя огненный шарик, Ардион убедился в том,

что ладьи здесь нет. Шарик пролетел по огромному залу, озаряя статуи античных героев, которые привезли в это место две тысячи лет назад с юга, – на запыленном мраморном полу в изобилии остались следы: ладью отсюда выволокли и утащили прочь.

Гривлы нашли? Вряд ли. Они бы кричали о находке на весь Ашх-Анорн, и Бен-Дарин об этом знал бы и рассказал. Значит, возможно, постарались люди; Ардион вышел из ангара и, устало опустившись на камень, провел ладонями по лицу.

Люди. Кто-то очень опытный, знающий и готовый пойти на риск ради того, чтобы сорвать куш. Кто-то с колоссальными магическими знаниями – ладья Солнечного кормчего – это не краюшка хлеба, ее не положишь в карман: значит, такую кражу надо очень старательно прикрывать и от гривлов, и от людей. И забрали ладью недавно – должно быть, похититель знал об ангаре и решился на ограбление, когда копьё гривлов отправило Солнечного кормчего в северный океан.

– Что там? – Антия подошла, дотронулась до его плеча, но сразу же отдернула руку.

– Кто-то украл ладью, – признался Ардион. Глаза девчонки сделались огромными, как у перепуганной совы.

– Украл? – переспросила она. Зендивен затрещал крыльями так, что чуть не свалился с ее плеча. – Как это возможно?

Ардион пожал плечами. Прикрыл глаза, скользнул разумом по горам, пытаясь найти обрывки и нити чужих заклинаний, – нет, ничего. Пусто. Тот, кто организовал похищение, не был дураком – он все устроил идеально и убрал за собой лучше любой служанки.

– Зачем? – Антия осмотрелась, словно пыталась найти ответы на свои вопросы или увидеть похитителя. – Кому она понадобилась? Ее отдали гривлам?

– Если бы отдали гривлам, то об этом все бы знали, – ответил Ардион и, поднявшись с камня, зашагал вниз к городку. – Это исключительно людское дело.

– Что людям делать с ладьей? – не отставала Антия. Ардион пожал плечами, чувствуя, как в нем закипают досада и злость. Одну ладью сожгли гривлы. Вторую украли. А раз украли, то...

Кажется, он понял, кого надо допросить первым.

– Для начала, это редчайший магический предмет непостижимой ценности. Представь, сколько за него заплатит какой-нибудь безумный

коллекционер. Потом, есть надежда, что гривлы не будут править вечно. Мой брат может вернуться в Ашх-Анорн, и тогда ему подгонят ладью... за хорошую цену, разумеется, – объяснил он, и Антия вздохнула и ответила:

– Я так и подумала. Куда мы сейчас?

– В город. И вот еще что я подумал... – Ардион остановился и аккуратно провел ладонями над головой Антии. Она зажмурилась, чихнула – над ней рассыпалась золотая пыльца, и иномирянка изменилась. Чуть заострились черты лица, потемнели волосы, дрогнули, оттопыриваясь, уши – теперь на Ардиона смотрела типичная южанка из Некерли, которой пришла в голову блажь попить минеральной воды в горах. Он помнил, что некерлийцы часто приезжали в эти края: для них, выросших на пыльных равнинах, горы были диковинкой.

Такую же пыльцу он рассыпал над собой, и на какое-то мгновение затылок наполнился болью. Заклинание было редким и нестабильным, получалось от случая к случаю, но оно позволяло изменить внешность, и Антия вдруг ахнула и приоткрыла рот.

– Что случилось? – спросил Ардион. Сейчас он выглядел как такой же южанин: черные волосы заструились до пояса и заплелись в традиционные косы с золотыми колечками, лицо сделалось смуглым и горбоносым, уши заострились.

– Что с тобой? Это морок?

– Это маскировка, – ответил он и объяснил: – Сейчас мы с тобой идеальные туристы из южного королевства, нас никто не узнает, а я должен задать пару вопросов одному очень хорошему человеку.

– Кому? – поинтересовалась Антия. Тропинка расширялась, превращаясь в дорогу, со стороны Фар-Намина доносилась легкая музыка, и Ардион вспомнил, что господин Чекевели живет в центре, возле маленького парка, а в это время суток он обычно находится в бассейне в приятной компании старинной книги. Ну что ж, навестим. Испортим отдых.

– Это мой старый знакомый, – сказал Ардион и усмехнулся. – Только не удивляйся, когда его увидишь. Он несколько своеобразен.

Фар-Намин был старым курортным городком – любители минеральной воды приезжали сюда со всего Ашх-Анорна. Напившись соленоватой освежающей воды из фонтанчика, Антия посмотрела по сторонам: да, самый обычный курорт. Люди неторопливо гуляли по улицам, сидели на скамеечках и за столиками уличных кафе, пили воду из мраморных фонтанчиков, и Антия, неторопливо идя рядом с владыкой и держа его под руку, старалась делать вид, что они такие же отдыхающие. А тем, кто приехал издалека, все интересно: она с любопытством рассматривала разноцветные вывески, заглядывала в витрины бесчисленных сувенирных магазинчиков, отмечала модные наряды дам. Были здесь и гривлы, но немного – Антия заметила всего двоих: они вышли из хлебной лавки, и пекарь сразу же опустил жалюзи на витрине, закрывая заведение. Возможно, взялся за уборку.

– А почему ты не использовал это заклинание с самого начала? – спросила она. – Замаскировал бы нас, и вперед.

Некоторое время Ардион молчал, а потом все-таки снизошел до ответа:

– Оно отнимает слишком много сил. А у меня нет такого колодца, из которого их можно начерпать ведерком.

Вот как. Антия понимающе кивнула.

– Так все-таки кто это, твой Чекевели? – любопытно спросила она. Ардион усмехнулся.

– В таких городках веселые рыбки всегда ищут червячка пожирнее, – ответил он. – А Чекевели как раз управляет этими рыбками и следит, чтобы водоем не обмелел и не начал гнить. Видишь тот дом за бронзовыми воротами? Нам туда.

Дом, который расположился напротив парка и утопал в зелени небольшого сада, выглядел очень скромно. В таком месте могли бы жить не самые богатые дворяне или купцы низшей гильдии, но никак не криминальный авторитет. Потом Антия подумала, что все это может быть лишь маскировкой вроде их южного облика. Чекевели – не театральный злодей, который живет в высоком черном замке, и вся округа в курсе, что он именно там.

Она давно знала, что деньги и криминал любят тишину и неприметность, и чем тише, тем их больше.

Ардион плавно провел ладонью над воротами, и они раскрылись с мелодичным звоном. Скользнув за ним, Антия увидела четверых вооруженных молодчиков, которые бросились навстречу – трое держали пистолеты, четвертый сжимал в руках тонкую длинную саблю. Ардион дернул пальцами, и Антия успела испугаться, что он сейчас окаменит их, – но охранники повалились на аккуратно подстриженную траву газона и чисто выметенные дорожки, и, проходя мимо, Антия услышала богатырский храп.

– Ты смягчился, – не удержалась она. – В былые времена они бы пополнили твою каменную армию.

Ардион усмехнулся. Его взгляд был снисходительным и усталым.

– В былые времена, – ответил он, – я бы уменьшил тебя и посадил в спичечный коробок, чтобы ты не говорила глупостей. Да, я и правда смягчился. Хорошее заклинание, жаль, на гривлов не действует. Вон бежит, красавчик.

Откуда-то из-за деревьев выбежал гривл – Ардион махнул рукой в его сторону, и тот рассыпался по траве горой пепла. Антию начало мутить. Владыка подхватил ее под руку, и они почти бегом бросились к дому – обошли его и оказались во внутреннем дворике.

Здесь все было устроено с тем ленивым изяществом, которое бывает только на юге. Не хватало только солнца, чтобы озарить мягкие диванчики, бесчисленные пестрые подушки, яркие цветы в пузатых вазах и горшках – все было наполнено красками и сладкими ароматами, все так и дышало чистотой и нежностью. Возле большого бассейна стояло кресло – молодой человек, который сидел в нем, обернулся и, посмотрев на незваных гостей, вздохнул:

– Владыка. Это не ваше лицо, но, несомненно, ваш стиль.

Ардион снова дернул пальцами, и Антия убедилась в том, что они приняли прежний облик. Чекевели, а это явно был он, поднялся из кресла, и она отвела глаза. Мало того что у него были аккуратно подкрашены ресницы и губы, а волосы цвета светлого ореха заплетены в косы и уложены вокруг головы тяжелой короной, так он еще и был полностью обнажен, а Антия меньше всего сейчас собиралась рассматривать чужую наготу.

– Рад видеть вас живым, владыка, – произнес Чекевели, отдал поклон и с совершенно женским кокетством стрельнул глазами в сторону Ардиона. – У вас очаровательная спутница, откуда она?

– Как говорят в этих краях? Много будешь знать, скоро состаришься? – усмехнулся Ардион, опускаясь в свободное кресло. Антия села рядом с ним; Чекевели прошел мимо так, что она невольно увидела, насколько щедро его одарила природа. К щекам подступил румянец; Чекевели заметил ее смущение и подмигнул. Антии захотелось зажмуриться.

– Тогда я догадаюсь. Это та самая барышня, которую вы ловили два года назад, – рассмеялся он. – Понимаю вас, она прелестна. Что ж! Чем именно такой бедняга, как я, может вам пригодиться?

Ухмылка Ардиона сделалась неприятной и холодной, но Чекевели, видимо, этим было не пробраться: он с беспечным видом сидел в кресле, быстро постукивая по подлокотнику наманикюренными острыми ноготками, и даже не собирался прикрываться.

– Где ладья моего отца? – поинтересовался Ардион. Чекевели только руками развел.

– Понятия не имею, владыка. Весь Ашх-Анорн видел, как он падал на север, это огромная трагедия для всех нас, да. Я искренне соболезную вашей потере и сыновнему горю. Полагаю, ладья где-то там, в стране вечных снегов и льдов. Скучное место, право. Здесь намного лучше, и климат мягче.

Ардион задумчиво принялся разминать запястье, и Антия невольно напряглась, понимая, что за этим может последовать бросок заклинания. Чекевели смотрел с беспечным равнодушием – он совершенно не испытывал страха.

– А та ладья, которая была в ангаре в горах?

– Ах, вот вы о чем! – Чекевели снова засмеялся. – Ну, я подумал, что она больше никому не понадобится, и решил, что такая замечательная вещь не должна пропадать в пыли. Я ее, скажем так, продал. Но если вы поможете мне уладить кое-какое дельце, то я отменю сделку!

Антия невольно почувствовала восторг. Сидеть рядом с тем, кто способен превратить тебя в каменную статую легким движением пальца, и торговаться – для этого надо было иметь неопишемую смелость и такую же наглость без границ и берегов. Ардион смотрел так, словно прикидывал, как именно расправиться с наглецом: окаменить или испепелить, как гривла в саду.

– И не страшно тебе торговаться? – поинтересовался владыка. – Я знаю, где еще одна ладья. А еще одной жизни у тебя нет.

Чекевели неопределенно пожал плечами:

– Даже не знаю. Мне очень скучно, возможно, в этом все дело. Уже много лет. Убейте меня, если хотите, это развеет мою скуку. Уверяю, владыка, дельце самое пустяковое! Оно ничего не будет вам стоить, зато вы получите свою ладью. – Он протянул Ардиону руку и ослепительно улыбнулся. – Договорились?

Ардион кивнул. Они обменялись рукопожатием, и Чекевели произнес уже сухим тоном делового человека без следа девичьего кокетства:

– Сегодня вечером у меня будет маленький праздник, исключительно для своих. Один из гостей, скажем так, работает на моих конкурентов из Карнарвена, и мне это не нравится. Его надо убрать, но сделать это самым впечатляющим образом.

Ардион нахмурился:

– Своих силенок что, не хватает?

– Увы. Я потратил слишком много, когда забирал ладью. Теперь не знаю, сколько времени понадобится, чтобы их восстановить.

– А твоя маленькая армия?

Чекевели прикрыл глаза:

– Не такая уж она и маленькая, скажем прямо. Мне нужно впечатлить тех, кто сейчас колеблется и хочет уйти с моей стороны на чужую. Впечатлить так, чтобы надолго отбить глупые мысли. Вы ведь сможете окаменить его?

– Смогу, – ответил Ардион, и Чекевели мечтательно улыбнулся. Антии вдруг подумалось, что он намного старше, чем показывает. Что весь этот медовый юношеский облик лишь маскировка, которая скрывает древнего монстра.

– Тогда ладья ваша! – Чекевели поднялся и, приблизившись к Антии, произнес: – Праздник будет вечером, пока отдохните с дороги. Прикажу, чтобы вам принесли нормальную одежду вместо этого убожества. И я бы лично сделал прическу вашей очаровательной спутнице, если вы не против.

Чекевели был довольно неприятным типом, но Ардиону всегда нравилось, что он сохранял подчеркнутую честность в своих договоренностях и никогда их не нарушал. Его слово много значило – если он пообещал вернуть ладью, то вернет. Не стал отпираться, сразу понял, чего от него хотят, и пошел на сделку.

Хорошие женские волосы были его особенной страстью почти на грани коллекционирования. Когда Чекевели наконец-то соизволил прикрыться, набросив на плечи цветастый шелковый халат, и пригласил Антию в дом, то Ардион, разумеется, пошел за ними – требовалось проследить, чтобы хитрая дрянь не подобрала пару выпавших из прически волосков, на которых потом сотворит такую магию, что всем небо с овчинку покажется.

К его удивлению, Антия держалась как невинная девица, воспитанная в монастыре. Она повидала два мира, несколько лет правила своей страной и имела весьма сильный характер, Ардион всегда это знал – так ей ли настолько стесняться чужой наготы? А вот надо же, сейчас она казалась окаменевшей – ожившей статуей, которой приказали идти вперед, вот она и идет, и не смотрит на хозяина дома, который надел халат, но не запахнул.

– Между прочим, ты собираешься причесывать королеву, – хмуро заметил Ардион, когда причиндалы Чекевели снова мелькнули из-за пол халата.

– Вот даже как! – Это впечатлило его настолько, что он даже застегнул пару пуговиц, и Антия вздохнула с заметным облегчением. – Иногда я думаю, что мне все-таки надо было остаться работать в моей парикмахерской. А я сменил это прелестное занятие на такую рискованную работу, вы даже не представляете, ваше величество...

– Вы всех встречаете в таком виде? – не вытерпела Антия, и Ардион улыбнулся: при ее характере она еще долго молчала. Чекевели ввел их в небольшой уютный зал, в котором обычно прихорашивался, и, развернув к Антии кресло с шелковой обивкой, усадил ее перед зеркалом.

– Это идеальный вид. Всем сразу ясно, что я ничего не скрываю. Не утаиваю оружия или артефактов в одежде. А пока люди смотрят туда, куда вы с таким прелестным смущением не отважились заглянуть, я действую.

Движение его правой руки было быстрым и смертоносным – Чекевели выдернул острую двузубую шпильку из своих кос и мазнул ею по голове Антии. Девчонка не выдержала – ойкнула от неожиданности, сжалась, и ее освобожденные волосы, заплетенные по-походному, в косу, вдруг заструились по спине каштановыми змеями.

– Видите? Примерно так и получается. – Чекевели орудовал своей шпилькой, и Ардиону показалось, что над зубцами мелькают фиолетовые искры. Шпилька была украшена бронзовой совой с аметистовыми глазами, и он вспомнил о брате. Верн сейчас удерживает чужой мир, и у них мало времени.

Смогут ли они поговорить, когда все закончится?

– Ловко, – пробормотала Антия, и Чекевели рассмеялся. Часть ее волос уже подняли к затылку, другую часть укладывали причудливыми волнами, и руки Чекевели порхали так быстро, что у Ардиона зарябило в глазах. Но прическа получалась красивой, бальной – должно быть, королеву так причесывали, когда она собиралась на праздники.

– Воистину так! У вас чудесные волосы, ваше величество, мечта любого парикмахера. А знаете, что еще важнее?

– Что? – поинтересовалась Антия. Сейчас, когда Чекевели не размахивал своим добром, она стала держаться непринужденнее.

– Осанка! – ответил Чекевели и легонько стукнул ее своей шпилькой по плечу – Антия сразу же выпрямилась. – Разворот плеч, прямая спина, поворот головы. Платье вам принесут, на моих праздниках не принято появляться вот таким оборвышем.

Антия бросила на него такой неприязненный колючий взгляд, что Ардион не сдержал улыбки. Чекевели тоже улыбнулся и, закончив работу, вернул шпильку в свои косы – Ардион отметил, что чужих волосков на ней не осталось. Да, хозяин этого дома был человеком со своими особенностями – но вот дураком он точно не был.

– Благодарю вас, – со сдержанной холодностью ответила Антия. – Красиво.

Чекевели довольно прикрыл глаза.

– Буду вспоминать о нашей встрече на старости лет, – пообещал он и отошел от кресла. – Что ж, пока отдыхайте! Вам принесут обед и одежду.

Когда он вышел и закрыл за собой дверь, то Антия скорчила рожицу ему вслед и спросила:

– А он не предаст? Не побежит к гривлам?

Ардион вспомнил убитого гривла – если его начнут искать свои, то дело дрянь.

– Чекевели не из тех, кто выдает гостей врагам, – ответил он и, подойдя к окну, заглянул в сад. От того гривла, которого он уничтожил, и следа не осталось – слуги Чекевели убрали пепел, и убитый на какое-то время исчез. Хотелось надеяться, что они успеют все закончить до того, как сюда нагрянут новые хозяева Ашх-Анора.

– Но ты права, я действительно смягчился, – добавил Ардион, отойдя от окна. Опустившись на небольшой диванчик, обитый розовым шелком с пионами, он устало вытянул ноги и закрыл глаза. – В былые времена я бы наполовину его окаменил – а другая половина принесла бы мне ладью.

– И почему сейчас не так? – спросила Антия. Она забралась в кресло с ногами, устроила руки на спинке и, опустив подбородок на сплетенные пальцы, смотрела на Ардиона с искренним интересом.

Крючок в груди дрогнул и зашевелился.

– Знаешь, как говорят приятели Чекевели, пуля очень многое изменяет в голове, даже если попадает в задницу, – ответил Ардион. – Можешь считать, что я о многом думал, когда лежал в пирамиде. И многое понял.

Во взгляде Антии было неподдельное тепло. Он вспомнил, как девушка однажды смотрела на него, стоя на балконе дворца – словно загнанный испуганный зверек, который сопротивляется до последнего.

Впрочем, тогда она была обычной девчонкой. А теперь перед Ардионом сидела королева.

Шевельнулся клапан кармана – Зендивен высунулся, посмотрел по сторонам и спросил:

– Он уже ушел, этот ужасный тип?

– Ушел, – откликнулась Антия. – Выбирайся, тут есть цветы.

Зендивен выпорхнул из кармана, пролетел к букету пионов в высокой напольной вазе и со вздохом облегчения зарылся в один из цветов.

– Он здоров! – послышался восторженный возглас. – Ни капли гнили!

– Вот и отдыхай, – улыбнулась Антия, и принц альвини завозился в пионе – послышалось довольное хрумканье. Цветок пришелся ему по душе.

– У нас нет таких существ, – призналась Антия. – Никого похожего.

– А что у вас там есть? – любопытствовал Ардион. Ему вдруг захотелось узнать побольше о мире, в который ушел его брат. Он читал старые книги о Великом Ките, написанные жрецами, но одно дело – скользить взглядом по пыльным страницам, и совсем другое – поговорить с тем, для кого этот мир был родным.

– Ни капли таких чудес, как у вас, – ответила Антия. – На юге слоны есть. Данвигонцы иногда вылавливают в море рыб с двумя головами, но это редкость. Я видела одну в музее. У нас просто мир, в котором живут люди.

– Должно быть, у вас скучно, – сказал Ардион. Антия пожалала плечами.

– Может быть, – ответила она. – Но и за скуку тоже стоит сражаться.

Слуги Чекевели принесли бальную одежду после обеда: для Ардиона полагался черный костюм с белоснежной рубашкой, пышно украшенной тончайшим кружевом, а для Антии приготовили нежно-сиреневое платье, которое, казалось, было соткано из паутины, и такие же невесомые туфельки с вышитыми серебряными цветами. Она удивленно замерла, не зная, как надевать это платье и с какой стороны взять. Жизнь с дядей Бринненом не предусматривала подобных нарядов, а у королевы для таких случаев были многочисленные помощницы.

Впрочем, никого не пришлось звать: Ардион энергично растер ладони, и сиреневое облако платья пришло в движение – дрогнуло и потекло к Антии. Она даже не успела растеряться – рубашка, куртка и штаны соскользнули с тела туманными лепестками, и в тот же миг платье укутало ее невесомой дымкой, оставив плечи открытыми, заструившись к полу прохладным водяным потоком. Антия подошла к

зеркалу – девушка в прозрачной глади смотрела на нее со спокойным достоинством и была настолько прекрасна, что она даже подняла руку и дотронулась до волос на затылке, чтобы убедиться, что в отражении не призрак, а она сама.

Наверное, это было забавно – Ардион улыбнулся, через несколько мгновений встал рядом с Антией и небрежно заметил:

– Из нас получилась очень красивая пара, не правда ли?

Антия сдержанно кивнула – не хотелось признавать его правоту и думать о том, что... Нет. Не думать. Да, они красивая пара. Все. Ардион осторожно провел ладонью над ее головой, и Антия увидела, как из туманных струек, которые потянулись от его пальцев, проступили украшения.

Платина и россыпь бриллиантов окружили каплю лунного камня, подвешенного на тонкую цепочку – камень скользнул по коже и лег в тень между грудей. Когда Антия осторожно прикоснулась к подвеске кончиками пальцев, в глубине камня проплыл золотой огонек, словно моргнул чей-то волшебный глаз. Компанию кулону составили крошечные серьги и длинная нить, украшенная серебряными бабочками: она мягко вплелась в прическу, и Антии показалось, что бабочки шевельнули крыльями. Она осторожно дотронулась до одной из бабочек, и Зендивен тотчас же воскликнул:

– Поистине владыческий дар! Это камень Тан-ган из старых сокровищниц!

– Не таких уж и старых, – с нарочитым равнодушием произнес Ардион. – У Солнечного кормчего была большая коллекция таких вот вещиц, незачем им лежать в забвении.

На мгновение Антии сделалось неловко. Она была королевой, она умела принимать подарки, но сейчас в этих драгоценностях было что-то, заставившее ее покраснеть от неудобства. Или все дело было в том, кто их подарил?

– Спасибо, – сдержанно сказала Антия. – Они очаровательны.

Ардион усмехнулся и, предложив Антии руку, повел ее к дверям.

– Тогда пойдем к гостям, ваше величество. Вы, кстати, умеете танцевать?

– Умею, но не очень люблю, – ответила Антия. Они вышли в коридор, и слуга с поклоном указал в сторону лестницы и двинулся вперед, приглашая следовать за собой. В воздухе плыли запахи цветов

и фруктов, пудры и духов, где-то играла мягкая музыка и звучали человеческие голоса, и Антии все это напомнило родительский дом до того, как началось восстание.

– Что ж, я тоже не большой поклонник танцев, – признался Ардион. – Но сегодня придется танцевать.

Большой зал, в который их проводил слуга, был наполнен светом и воздухом, и Антия готова была поклясться, что он намного больше всего дома – должно быть, Чекевели использовал то же заклинание, которое увеличило хранилище для лады в холме. Многочисленные гости были похожи на яркие стайки тропических птиц, над залом порхали изумрудные колибри, рассыпавшие золотую пыльцу с крылышек, и пузатые черно-желтые пчелы с деловитым жужжанием кружили там, где сидели музыканты в камзолах всех оттенков розового. Зендивен сразу же присоединился к птичкам – кажется, они приняли его за родню. Высоко-высоко под сводами зала клубились серебряные облака – изредка их животы распарывала маленькая молния. По высоким колоннам струились гибкие стебли плетистых роз, воздух наполняла цветочная свежесть, и Антия на мгновение забыла и о гривлах, и о Великом Ките и с головой окунулась в очарование праздника. Темно-синие бабочки, покрывавшие лиф и пышные юбки платья одной из девушек, на мгновение сложили крылышки, и прозрачная ткань окутала тело своей хозяйки пленительным жемчужным сиянием. Гости заплодировали, спутник барышни обернулся, и бабочки тотчас же раскрыли крылья, спрятав сверкающую наготу.

Ардион усмехнулся и негромко сообщил:

– Бывшая жена Чекевели.

Антия удивленно подняла бровь – в жизни бы не подумала, что у хозяина этого дома могла быть жена. Чекевели, на этот раз полностью одетый в некое подобие вороха перьев, стоял чуть в стороне, – поймав взгляд Ардиона, он кивнул и отсалютовал ему бокалом вина. Ардион кивнул в ответ – один подал знак, второй его принял.

Ардиона никто не узнавал – кажется, гости вообще не видели ни владыку Ашх-Анора, ни его спутницу.

Над бальным залом поплыла музыка, и по паркету закружились первые пары. Ардион мягко сжал руку Антии и проговорил:

– Вы позволите пригласить вас, ваше величество?

На мгновение ей почудилось, что она куда-то падает, лишившись опоры под ногами.

– Я не знаю этого танца, – прошептала Антия.

– Зато я знаю, – откликнулся Ардион. – Это главное.

Антия растерянно кивнула и вдруг поняла, что положила руку на плечо владыки и что они уже плывут, медленно скользят куда-то по тем невидимым тропинкам, которые оставляла для них музыка. Рука Ардиона с твердой, почти хозяйской уверенностью лежала на спине Антии, и сквозь ткань платья она чувствовала, насколько горяча и тяжела чужая ладонь.

– Ты же слышишь музыку. – Губы владыки дрогнули в едва заметной снисходительной улыбке. – Не спеши. Вот так...

«Отдайся партнеру, – сказал внутренний голос с интонациями дворцового танцмейстера, который когда-то обучал принцессу и ее юных фрейлин искусству танца. – Позволь ему вести тебя туда, куда он захочет». И Антия покорно расслабилась в объятиях – пусть будет музыка, что заставляет душу замирать от нарастающего восторга, пусть будут сильные руки, которые направляют туда, куда нужно, пусть ни она сама, ни все остальные не заметят ее неловкости. Антии постепенно стало казаться, что она перестает чувствовать свое тело, она сделалась лепестком, который подхватил ветер, и оставалось только отдаться ему и лететь, лететь, лететь.

Она не сразу поняла, что танец закончился – так трепетала душа, так горели щеки от смущения и радости, такое горячее солнце вспыхнуло внизу живота. Глупое, глупое сердце – почему оно сейчас стучало так быстро... Ардион плавно повел ее куда-то в сторону, туда, где предлагались закуски и мороженое. Начался второй танец, и Чекевели, который, кажется, появился из ниоткуда, едва слышно произнес:

– Лучше это сделать сейчас. Пожалуйста, владыка. Он в камне – и ладья у вас.

Ардион устало прикрыл глаза. Ничего не произошло, пары закружились в танце, немолодые господа двинулись туда, где были выставлены карточные столы, официанты скользнули к гостям с подносами, и какая-то женщина вдруг завизжала, словно ее порезали.

Владыка встал так, чтобы закрыть Антию собой. Гости отпрянули, в центре зала будто бы само по себе распахнулось свободное

пространство, и Антия увидела, что в нем воздвиглась статуя танцующего мужчины, который обнимал невидимую партнершу. На мраморном лице отразились ужас и непереносимая боль.

Женщина продолжала визжать. Несколько мгновений все оторопело молчали, и музыканты продолжали играть, еще не видя, что случилось, а потом музыка охрипла и захлебнулась. Чекевели схватил Ардиона и Антию за запястья, рванул вперед, бальный зал закружился размазанной палитрой – последним, что Антия увидела перед тем, как вынырнуть на каком-то пустыре, был Зендивен, который вцепился в один из ее локонов.

– Одну минутку, – выдохнул Чекевели и устало провел ладонью по лицу: было видно, что такой переход из бального зала на пустырь за городом дался ему нелегко. Антия огляделась: колючая трава безжалостно рвала подол ее роскошного платья, далеко впереди лежал город, и здесь не было ни следа ладьи.

Ардион похлопал в ладоши, возвращая их привычную одежду, и Антия невольно вздохнула – платья было жаль. За годы жизни с дядей Бринненом она словно выросла в рубашки и штаны, в которых так удобно носиться по городу, выполняя задания Данка Джаккена из сыскного агентства, но платья ей нравились, – вернее, нравилась та, кем она становилась, когда их надевала. Особенно сегодня, когда она предстала перед Ардионом не сорванцом, а королевой.

Антия сердито осадила себя: «Какая разница? Никакой, и нечего об этом думать».

– Где ладья? – хмуро спросил Ардион. – Я ее чувствую, но не вижу.

– Прошу, вот она. – Чекевели улыбнулся и защелкал пальцами – его руки двигались быстрее крылышек колибри, и Антия с восторженным страхом увидела, как в воздухе начали проступать очертания ладьи.

Она была темно-красной, с золотым узором из цветов и листьев, который тянулся вдоль бортов. От боков ладьи плыл сладковатый запах дерева и пряностей, и вся она едва заметно дрожала, словно едва сдерживала нетерпение – скорее, скорее подняться в небо, вернуть в мир солнце, плыть от восхода до заката! Чекевели устало опустил руки, и Антия вдруг с ужасом увидела, как изменилось лицо Ардиона – оно дрогнуло так, будто владыке нанесли удар в спину исподтишка.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, а потом выбросил руку вперед, Чекевели взлетел в воздух, и невидимые пальцы скрутили его так, что ступни почти прикоснулись к затылку.

– Поща... ди, – выдохнул Чекевели. Из его носа сорвалась капля крови и упала в траву; Антия опомнилась, бросилась к Ардиону, схватила его за руку.

– Что ты делаешь? – крикнула она. – Вот же ладья! Перестань!

Ардион обернулся к Антии с таким видом, словно только сейчас понял, что она здесь. В его взгляде плескалась жгучая боль и такая же опаляющая ненависть. Чекевели болтался в воздухе, и кровь уже не капала из его носа, а струилась тоненьким ручейком.

– Ладья? – выдохнул Ардион и, оттолкнув Антию от себя, прохрипел: – Она сломана! Она никуда не поднимется!

Чекевели рухнул на землю, отполз в сторонку и попробовал подняться на ноги, но лишь распластался на траве. Вид у него сейчас был таким же потрясенным, как и у владыки, и Антия поняла, что сломанная ладья стала для него сюрпризом.

– Как – сломана? – прошептал он. – Почему?

Ардион быстрым шагом двинулся к ладье – хлопнул по боку, выдвинув лестницу, поднялся на борт и, горько рассмеявшись, развел руками:

– В ней трещина по всему дну. Она не взлетит.

Чекевели все-таки умудрился встать, проковылял к ладье и замер там, словно памятник самому себе. Запустил руку в косы, вынул.

– Но... как? – только и смог спросить он. Ардион вздохнул и принялся спускаться. На мгновение Антия испугалась, что владыку хватит удар – так потемнело его лицо.

– Ее никто не мог так повредить, кроме отца, – глухо откликнулся он. – Должно быть, он хотел ее починить, оставил здесь. Великое Небо, ну как...

Антия подумала, что здесь им больше нечего делать. Одну ладью сожгли гривлы. Вторая была сломана. Ощущение было таким, словно ее насадили на ледяной штырь, который пронзил тело от макушки до копчика.

Когда Ардион взял ее за руку, то Антия смогла лишь сжать его пальцы и сделать вдох.

V

Люди в подземелье

Пустырь со сломанной ладьей закружился, смешиваясь и размывая краски: через несколько мгновений Антия поняла, что они стоят в каком-то огромном ангаре среди ящиков и коробок. Потолок терялся в вышине – Антии даже показалось, что она видит облака. Поманив ее, Ардион бесшумно двинулся по проходу в ту сторону, откуда доносились едва различимые человеческие голоса. Шагая за ним, Антия поглядывала на полки: часть коробок стояла неподвижно, из других сочилось что-то золотистое, третьи подпрыгивали так, словно их обитатели стремились вырваться на свободу, из четвертых доносилось деловитое жужжание, будто там обитал целый пчелиный рой. Крышка одного из деревянных ящиков поднялась, высунулась добрая дюжина глаз на тонких стебельках и, поймав испуганный взгляд Антии, дружно моргнула и убралась назад. Еще один ящик был клеткой: за решеткой шумно вздыхало что-то бесформенное, похожее на тесто. Пока Антия смотрела, из теста высунулось перепончатое крыло и помахало ей, словно приветствуя.

– Здравствуй, тесто, – негромко сказала Антия, махнула в ответ и подумала, что это место похоже на хранилище чудес и диковинок Безликого султана, из которого она когда-то спасла Микеллу.

– И давно ты разговариваешь с тестом? Это какой-то обычай твоей родной Тарелки? – не удержался от шпильки Ардион, и Антия невольно обрадовалась тому, что он опомнился так быстро и не стал тратить время на переживания по поводу очередной потери. Она пожала плечами, не собираясь отвечать на его очередной укол, и тотчас же ойкнула: приподнялась очередная крышка, и из нее высунулась башка гривла на толстых жгутах. Зендивен испуганно пискнул и нырнул в привычное место – в карман. Голова закачалась, глаза открылись и закрылись, нос дернулся, словно вынюхивал добычу. Антия не успела закричать от страха: башку затянуло туманом, и вскоре на ее месте покачивался розовый куст, кивая крупными белоснежными бутонами – кажется, существо поняло, что испугало девушку, и попыталось ее успокоить и утешить.

Ардион вскинул руку, приказывая не шуметь. Почти беззвучно они обошли несколько полок с ящиками, и Антия услышала:

– Эти двенадцать – в Нахтеван. Эти десять – в Тахшет-Тцху. А вот этот доставишь Хармонду лично в белы рученьки. Заслужил, сука, за работу в порту. Пусть вспомнит напоследок тех ребят, которых приказал запороть насмерть.

Невидимый собеседник довольно рассмеялся:

– Рванет?

– За милую душу! – поддержал его первый. – Все в труху.

Ардион вышел из-за ящиков настолько быстро, что Антии пришлось почти бежать за ним. Двое молодых парней в темно-синей форме и с фуражками на головах обернулись, узнали Ардиона и застыли с раскрытыми ртами.

– Ты же умер, – произнес первый с глухим отчаянием, сквозь которое пробивалась радость. Он был долговязым блондином с хмурым взглядом карих глаз, в грубых мосластых пальцах держал папку с гербом на крышке. По скуластому загорелому лицу тянулась нитка шрама от виска до подбородка, словно кто-то хотел снять с него кожу. Зато второй, такой же белобрысый, только низенький и пухлый, заулыбался во весь рот. Казалось, он готов броситься в пляс от счастья.

Ардион вздохнул:

– Ты рано обрадовался, Велли. Я вернулся.

Велли бросил папку с бумагами на один из ящиков и, помедлив, протянул владыке руку. Ардион пожал ее, дружески улыбнулся и признался:

– После Нир-Наравана я и подумать не мог, что мы будем рады видеть друг друга.

– А что случилось в Нир-Нараване? – не выдержала Антия. «Я родилась во всемирный день любопытства», – вспомнила она свою старую неловкую шутку. Ардион указал на парней и ответил:

– Вот, познакомьтесь, ваше величество. Это Велли Саох-хо, это Джемайн Гер-гарот. Революционеры, подпольщики, бомбисты, борцы за свободу отечества от тирании. В свое время пытались избавить Ашх-Анорн от такого мерзавца, как я. – Ардион ослепительно улыбнулся и добавил: – На наше общее счастье, у них ничего не получилось. Господа, это Антия Корр вин Фалан, королева Таллерии. Моя спутница. Кланяться не надо, она не охотница до церемоний.

Господа революционеры и подпольщики улыбнулись Антии, затем Велли нахмурился, что-то припоминая, и поинтересовался:

– А Таллерия – это где?

Ардион указал пальцем вверх и объяснил:

– В краю демонов. Эта очаровательная барышня – та самая, которую я безуспешно искал два года назад.

– Демоница! – Велли и Джемейн отшатнулись, их лица посерели от страха. Джемейн нервно задергал левой рукой, производя какие-то сложные жесты, которые, судя по всему, должны были защитить его от чудовища из другого мира. Велли первым справился с паникой, протянул Антии руку и, когда она пожалала ее, произнес:

– У нас с вами, если я правильно понимаю, теперь общий враг. И мы сражаемся вместе.

– Верно, – согласилась Антия. – Я должна спасти свой мир, а вы – свой.

– Отлично, – сказал Велли, и в его глазах появился холодный блеск. – Все враги гривлов – мои лучшие друзья.

Его страх и растерянность отступили, а заострившееся лицо зарумянилось от азарта – он предвкушал что-то интересное и опасное. Антия невольно задумалась о том, что эти парни и их товарищи собирались сделать с Ардионом. Ничего хорошего, пожалуй.

– У вас есть план? – поинтересовался Велли.

Ардион кивнул:

– Храм Святой Джеват-хи. Гривлы уже знают, что там?

– Пока нет, – подал голос Джемейн, который окончательно справился со страхом. – Но в городе неспокойно, гривлы так и носятся туда-сюда, всюду жалами водят... так что, думаю, скоро узнают. Возможно, уже сегодня.

– Они там постоянно топчутся, с самого начала. Как только расправились с Солнечным кормчим, – добавил Велли. – Я не слышал, чтобы они нашли ладью, об этом голосили бы на весь Ашх-Анорн, но им там будто медом намазано. Наверняка что-то чувствуют. Или уже нашли, просто вида не подают. Устроили засаду и ждут, когда ты появишься.

– Потому и не голосят, – добавил Джемейн. – Ждут, когда ты придешь, чтобы сцапать. Это приманка в мышеловке, а не ладья.

– Хорошо. – Ардион устало прикрыл глаза. – Чем быстрее вы соберете товарищей, тем лучше. Как ваши машинки, работают, как

раньше?

Велли довольно заулыбался:

– Даже лучше, чем раньше! Сколько их нужно?

– Много. Очень много.

Велли понимающе кивнул.

– Через час наши будут здесь. Спуститесь пока в подвал, там безопасно.

Подвал оказался маленьким и абсолютно пустым. Спустившись по деревянной лесенке с такими тонкими перекладинами, что на них страшно было наступать, Ардион сел на пол, Антия устроилась рядом и только теперь поняла, что страшно устала. Столько всего случилось за это утро, а время еще даже к обеду не подошло.

– А что все-таки произошло в Нир-Нараване? – спросила она еще раз. Зендивен выпорхнул из кармана, сделал круг по подвалу и со вздохом уселся на плечо Антии: судя по его нахмурившемуся личику, принцу альвини здесь не нравилось.

– Эти достойные господа хотели убить тирана и негодяя, что ж еще? – с усмешкой ответил Ардион. – Я приехал сюда по делам, а они установили взрывное устройство в мой мобиль. Рвануло крепко, все мои спутники из здешней управы погибли.

Он расстегнул несколько пуговиц на рубашке и продемонстрировал толстую короткую нить шрама напротив сердца. Еще совсем недавно Антия горячо одобрила бы это покушение – а сейчас искренне обрадовалась, что оно оказалось неудачным.

– И ты не боишься искать у них помощи? – поинтересовалась она. – Не думаешь, что сюда приведут гривлов? Доделают, скажем так, начатое?

Ардион вздохнул:

– Не боюсь. Теперь у нас общий враг, а бригада Велли явно не бросала старых дел. Видела эти ящики?

– Видела. Там много ящиков, какие именно я должна была увидеть?

В подвале было свежо и прохладно. Антия поежилась, и Ардион осторожно привлек ее к себе, обнял, окутывая своим теплом. От его руки потянулась тонкая лента золотых искр, и Антия почувствовала, что ей становится спокойнее и легче. Прикосновение согрело ее, оно

было уютным и каким-то семейным, и неожиданно для себя Антия подумала, что могла бы так просидеть всю жизнь.

Крючок в ее груди снова дрогнул, но на этот раз не причинил ни боли, ни неудобства. Антии показалось, что где-то вдалеке зазвенел хрустальный колокольчик.

Могла ли она несколько дней назад представить, что будет сидеть в каком-то подвале в обнимку с человеком, который несколько лет назад собирался ее убить? Нет, конечно: несколько дней назад мир на спине Великого Кита был стабилен и неразрушим, а владыка Ардион – мертв.

И все изменилось.

– То тесто, с которым ты так мило здоровалась – важный элемент взрывного устройства. – Ардион вздохнул и прикрыл глаза. – Вообще, здесь большой пункт доставки товаров по всему Ашх-Анорну. Но Велли использует его и для своих дел.

– И зачем они тебе? Чтобы устроить взрыв?

– Видишь ли, – негромко ответил Ардион, – я понимаю, что гривлы далеко не дураки. Скорее всего, эти ребята правы и в храме нас в самом деле ждет засада. Поэтому надо отвлечь гривлов. Сделать так, чтобы они рыли землю носом совсем в другом месте. А товарищи Велли и Джемайна могут это сделать в лучшем виде.

Антия поежилась. Рука Ардиона тяжело лежала у нее на плече, и ей нравилась эта тяжесть. Вспомнился Эдвиг, который сейчас спасал то, что осталось от их мира, и Антия ощутила мимолетное прикосновение тоски.

Эдвиг казался ей призраком. Хорошим сном, который рассеялся на рассвете, чтобы никогда не вернуться.

– То есть они будут отвлекать гривлов, а мы тем временем заберем ладью? – уточнила Антия.

Ардион кивнул:

– Совершенно верно. Вы, кстати, запоминайте, ваше величество, когда-нибудь все это обязательно пригодится. Иногда политика укладывает в одну кровать самых разных партнеров. Даже тех, которые раньше ненавидели друг друга.

Почему-то Антии показалось, что он хочет как-то поддеть ее. Что он язвит.

– Да, я уже обратила внимание, – сказала она. – Тут все поняли, что гривлы намного хуже, чем владыка Ардион и его драгоценный батюшка.

Ардион кивнул:

– Я жил и действовал на благо Ашх-Анора. Всегда.

Антя собралась было заметить, что он весьма своеобразно понимал благо, убивая несчастных девчонок из другого мира. Они с Верном придумали способ, как спустить девушек к Киту и отправить домой – обошлись без жертв, и Ардион тоже мог бы изобрести что-то в этом роде, надо было только захотеть. Но потом она решила промолчать. Они долго сидели, ничего не говоря друг другу, и в конце концов Антия задремала. Зендивен напевал тоненькую мелодичную песню на незнакомом языке, и сон становился глубже. Антия увидела Великого Кита, который в ужасе плыл через океан в клубах дыма и языках пламени. Над ним летели разноцветные стайки дирижаблей, набитые перепуганными людьми, и Эдвиг Данвигонский отчетливо произнес откуда-то издали: «Все пришло в движение. Корабли ждут в портах, а дирижабли на станциях. Начинайте посадку».

«Только бы Верн удержал», – с горестной надеждой подумала Антия и сразу же увидела бескрайнюю зелень Заполя и Верна, который лежал в самом центре сверкающего пузыря. Скрюченные пальцы погружались в изрытую землю, широко распахнутые глаза наполняло жидкое золото – содрогнувшись всем телом, Верн рассыпался на пестрые лохмотья и тотчас же собрался вновь: пальцы, живые и механические, еще глубже утонули в земле.

Пока еще он удерживал Кита. Пока у него были для этого силы.

Антя всхлипнула во сне. Заполье растаяло – она увидела библиотеку своего дворца. Часть стены была разрушена, открывая искалеченный парк со сломанными деревьями, но книжные полки уцелели: сейчас слуги быстро и аккуратно снимали с них книги и укладывали в коробки. Эдвиг стоял чуть в стороне, опираясь на верную трость. Он выглядел усталым, но решительным, он действовал, не сдаваясь, – собирал книги и картины, которые надо было спасти, лечил раненых и кормил голодных, ремонтировал дирижабли и надеялся, что Антия уцелела там, внизу, что она вернется и мир устоит.

Эдвиг обернулся так, словно почувствовал, что на него кто-то смотрит, и улыбнулся – кажется, он понял, что Антия сейчас видит его из другого мира, и хотел дать ей надежду: мы оба справимся, все обязательно будет хорошо! Ей вдруг стало невыносимо стыдно. Этот стыд обжег до глубины души – Антия вздрогнула, проснулась и не сразу поняла, где находится.

Крышка была поднята и отброшена: в подвал опустилась растрепанная голова Джемайна, и революционер произнес:

– Поднимайтесь, наши собрались! Себя от счастья не помнят!

Идти пришлось довольно долго.

Джемайн вел их среди ящиков, потом нырнул в неприметную дверь – Антия и не заметила бы ее, если бы не указали. Потянулись узкие коридоры с неровными стенами, обложенными старинной узорчатой плиткой, которую щедро украшала черная паутина трещин – Джемайн шел впереди, маленькая лампа в его руках едва озаряла путь, и чем дальше они шли, тем сильнее Антии казалось, что их выведут прямо в лапы гривлам.

Зендивен поежился, с усилием растер плечи и прошептал:

– Долго ли еще? Мне тут не нравится! Совсем не нравится!

Ардион недовольно посмотрел в его сторону, словно хотел сказать что-то очень крепкое по поводу тех, кто навязался ему на голову. Антия дернула его за руку, советуя помолчать.

– Не очень! – ответил Джемайн, и коридор вывел их к лестнице. Волглые ступеньки так и норовили вывернуться из-под ног, тьма здесь была особенно густой, и Антии сделалось не по себе. Она давно избавилась от страха темноты, но это подземелье вновь напомнило о нем, и он шевельнулся ледяным червячком в горле. – Сейчас еще спустимся, потом пара минут – и мы на месте.

– Ведешь нас в катакомбы? – поинтересовался Ардион. Уж он-то не испытывал ни малейших неудобств: Антия готова была поклясться, что это место ему нравится – он весело смотрел по сторонам и улыбался, словно когда-то уже бывал здесь, успел соскучиться и радовался, что вернулся.

– Точно так! – откликнулся Джемайн. – Святое место, можно сказать, тут древние молились Солнечному кормчему.

– А почему под землей-то? – удивилась Антия. Не самое удобное место для молитвы солнцу. Для такого божества уместнее был бы храм с белыми колоннами где-нибудь на холме среди стройных деревьев – светлый, наполненный теплом и солнечными лучами, место, в котором бог жил бы всегда.

– Чтобы солнечный свет проник даже в самый глубокий мрак, – с искренним чувством ответил Джемайн. – Так что все разумно.

Лестница вывела их в подземный зал – маленький, с низким сводом и грубо отесанными колоннами. На камне кто-то пристроил кривенькую свечку: она догорала, озаряя почти осыпавшуюся фреску. Солнечный кормчий протягивал руку, и на его ладони трепетал огонь. Ардион остановился на несколько секунд, глядя в поблекшее отцовское лицо, и Антия не хотела знать, что сейчас у него на душе.

Солнечный кормчий медленно погружался на дно северного океана. Нос его изрубленной ладьи тонул, и свет уходил под лед, в тот мрак, который и подумать не мог, что хоть что-то в силах его развеять. Джемайн вздохнул и уверенно произнес:

– Солнце снова поднимется над нами. Идемте, нас ждут.

Их путь закончился примерно через четверть часа, когда они миновали еще десяток похожих залов с такими же древними фресками и колоннами и вышли в огромный зал, озаренный свечами и лампами. Здесь было множество ящиков и коробок – сейчас на них сидели люди, мужчины, женщины и дети: негромко переговаривались, кто-то даже смеялся. Когда появился Ардион, то разговоры и смех оборвались: все устремили взгляды на владыку, и Антии почудилось, что в зале стало светлее.

– Здравствуйте, – негромко произнес Ардион и протянул вперед руку, как протягивал его отец на фреске. На ладони закружились золотые искры, с неторопливым величием соединяясь в крошечное солнце, и Антия почувствовала тепло.

На глазах людей появились слезы. Раньше все они ненавидели владыку Ашх-Анорна, но сейчас он был для них надеждой.

– Солнце снова поднимется над нами, – с прежним уверенным спокойствием сказал Ардион, и золотой шар оторвался от его ладони и поднялся вверх: подземелье наполнилось светом летнего полдня,

и Антия услышала чей-то плач. – Я вернулся, чтобы избавить Ашх-Анорн от гривлов, но мне понадобится ваша помощь.

– Что нужно сделать? – тотчас же спросила женщина, которая сидела в первом ряду. Ее лицо было молодым и свежим, но волосы сверкали белизной, а глаза смотрели так, словно видели слишком много зла и боли. Антии невольно стало жаль ее.

– Мы готовы, – поддержал ее Велли. Он сидел рядом, беспечно болтал ногами и что-то крутил в пальцах: кажется, лепил человеческую фигурку из некоего подобия хлебного мякиша. Антия решила, что это было как раз то взрывное тесто, которое дружелюбно махнуло ей крылом из клетки.

– Хорошо, – кивнул Ардион. – Вы знаете, что в подвале храма Святой Джеват-хи хранится третья запасная ладья Солнечного кормчего?

По залу пронеслась волна удивленных возгласов, но Антия заметила, что были и те, кто кивнул: да, знаю. Ей подумалось, что тут, среди людей, которые сейчас смотрели на Ардиона с бесконечной надеждой, могут быть и предатели – те, кто обязательно отправится к гривлам с доносом, как только их разговор подойдет к концу.

Жаль, что их никак нельзя было обнаружить.

– Так вот, – продолжал Ардион, – несколько часов назад гривлы уже сожгли первую запасную. Они знают, что я вернулся и что именно ищу. Вторая ладья сломана – возможно, ее еще удастся починить, но пока нельзя тратить на это время. Я видел Оракула – он сказал, что я должен подняться в небо на ладье моего отца и объединить Ашх-Анорн с тем миром, откуда к нам приходят демоны. Только это избавит нас от гривлов.

Волна разговоров взмыла еще выше, расплескалась под сводами зала: теперь на лицах людей был искренний ужас. Взяв Антию за руку, Ардион вывел ее вперед и, мягко подтолкнув к собравшимся, произнес:

– Это Антия Корр вин Фалан, королева Таллерии, страны демонов наверху. Ее мир сейчас тоже разрушается из-за гривлов, и она спустилась сюда, чтобы спасти свою родину и помочь нам.

Он умолк, и Антия поняла, что теперь говорить придется ей. В животе заворочался ледяной комок, и руки дрогнули, пытаясь сжаться в кулаки. Она остановила себя: нет, надо держаться как можно

спокойнее. Надо, чтобы все эти люди поняли: она действительно королева и готова сражаться за оба мира и все народы этих миров.

На нее смотрели не сводя глаз. Кто-то шевелил пальцами и шептал молитву, отгоняя зло, в чьих-то взглядах было любопытство.

– Я уже была здесь два года назад, – сказала Антия. – Мой мир, тот, который вы называете краем демонов наверху, лежит на спине Великого Кита. Когда гривлы убили Солнечного кормчего, то моя земля пришла в движение. Это катастрофа, которая почти погубила всех нас, и я спустилась в Ашх-Анорн, чтобы найти спасение. Вы считаете меня демоницей, которая разрушает ваш мир. Не буду спорить. Мое присутствие и в самом деле разрушает Ашх-Анорн. Но сейчас мы все должны действовать вместе. Мы с владыкой Ардионом поднимемся на ладье, вернем солнце и соединим оба мира, мой и его. Тогда не будет ни демонов, ни разрушений. Тогда будет жизнь, и мы можем создать ее все вместе.

– Что нужно делать? – решительно спросил длинноволосый парень, который все это время старательно вырезал фигурку из дерева перочинным ножом. Антия уловила запах стружки – тонкий, чуть горький, он навевал грусть.

– Нужна отвлекающая акция, – ответил Ардион. – Нужно то, что заставит всех гривлов на какое-то время забыть о храме и его подвале и выманит их в другое место. И да, скажу сразу: кому-то из вас придется умереть.

– Ерунда, – ответил длинноволосый и, сунув в карман фигурку и нож, спрыгнул с ящиков и подошел к Ардиону. – Смерть – это ерунда. Я готов.

Люди захлопали в ладоши, закричали, замахали руками. Ардион кивнул.

– И еще один вопрос, – сказал он. – Среди вас есть те, кто работает в их администрации?

Подняла руку седая женщина, которая спрашивала о том, что нужно сделать. Ардион понимающе кивнул и, посмотрев на длинноволосого парня, произнес:

– Тогда мне надо поговорить с вами.

Они отошли в сторону, и атмосфера в зале сразу же сделалась свободнее. Люди заговорили, с надеждой глядя на Ардиона, послышался смех, и Антия невольно подумала о том, что это

подземелье давно не видело таких беспечных улыбок и смеха. На нее смотрели с интересом и опаской; девушка с рыжими косами, одетая в темно-синий рабочий комбинезон и белую рубашку с подвернутыми рукавами, спустилась с ящиков и, подойдя к Антии, спросила:

– А у вас там, в краю демонов, есть люди? Такие, как мы? – Она замялась и добавила: – Ваше величество.

Антия улыбнулась. Девушка выглядела ее ровесницей. Возможно, они могли бы подружиться – совсем недавно Антия была такой же, бойкой и энергичной. Она бегала по городу, исполняя поручения Данка Джаккена, своего начальника из сыскного агентства, и жизнь была полна тех приключений, которые она тогда считала опасными.

– Мы и есть люди, – ответила она. – Мы такие же, как вы. Жаль, что Ашх-Анорн все время отторгал моих соотечественниц.

– Да, жаль, – согласилась девушка. – Меня зовут Мика, ваше величество. А как вы думаете, почему Ашх-Анорн не отторгает гривлов?

Антия пожала плечами:

– Даже не знаю. Странно, почему мир не воспринимает их как заразу, которую надо изгнать.

Мика весело улыбнулась. Передний зуб был отколот, и Антия как-то вдруг прочитала историю своей новой знакомой: она была сильной и отважной, она расклеивала листовки на улицах и подкладывала бомбы, ее ловили, пытали и мучили – и вот она здесь, веселая и светлая, готовая сражаться и побеждать.

– Ну да ничего, мы с ними разберемся, – решительно заявила Мика. – А там уж как-нибудь подружимся двумя мирами, правда?

– Правда, – согласилась Антия. Зендивен, который все это время прятался в ее нагрудном кармане, наконец-то осмелел, выпорхнул в зал, и Мика восторженно воскликнула:

– Ой, альвини! Самый настоящий!

Она протянула руку, Зендивен опустился на ее ладонь и мелодично заявил:

– Не просто альвини, а принц!

Мику это не смутило: с самым нежным и умильным видом она стала щебетать что-то ласковое, глядя Зендивена по шерстке кончиком пальца. К ним подошли и другие девушки – Антия видела, что появление альвини принесло всем веселье и истинное дружеское

тепло. Кажется, теперь люди по-настоящему поверили в то, что у них все получится.

Договорив с длинноволосым парнем и седой женщиной, Ардион обернулся к собравшимся и поднял руку, привлекая внимание. Когда все замолчали, он сообщил:

– Понадобится минимум двадцать ваших машинок. Справитесь?

Люди нахмурились, зашумели, подсчитывая; наконец Велли произнес:

– Это много. Это, например, весь порт в труху.

– Совершенно верно, – кивнул Ардион, и его тонкие губы дрогнули в той улыбке, которая не сулит ничего хорошего. – Если я не ошибаюсь, то завтра туда прибывают корабли из Нанхашена?

В подземелье находились не только залы для собрания и молитв – после того как люди разошлись, Джемайн отвел Ардиона и Антию в комнатку, в которой было все для того, чтобы спокойно скоротать несколько дней: диван, стол, маленькая плитка, на которой красовался металлический чайник, даже полка с потрепанными книгами. В коробке на полу Антия заметила пестрые пачки галет.

– Побудьте пока здесь, – сказал Джемайн. – А мы начнем работу.

– Кто из ваших сотрудничает с гривлами? – спросил Ардион: он опустился на диван, устало вытянул ноги, и над его правым плечом проплыло облачко искр.

Джемайн усмехнулся.

– Да есть тут один. Мы ему первым делом особую пилюльку дали – он и не узнал о собрании, в сортире застрял. И эта беда с ним до завтра, это точно.

Антия не сдержала улыбки. Когда Джемайн ушел, то она задумчиво сказала:

– Даже не знаю, что делать, если сейчас Ашх-Анорн начнет меня отторгать. Начнется землетрясение, а мы под землей.

– Не волнуйся. – Ардион заглянул в коробку, вынул пачку галет и, надорвав упаковку, заверил: – Я тебя вытащу. Будешь печенье?

– Я буду! – Зендивен затрепал крыльями, выхватил печенье из пальцев Ардиона, решив, что галета – это все-таки лучше, чем отсутствие еды, и, взлетев к неровному каменному потолку, принялся ужинать. Владыка выразительно посмотрел на него и покачал головой.

– Когда ты молчал у нее в кармане, было намного лучше, – сказал он. – И тише.

Зендивен не ответил – просто скорчил рожицу и показал язык. Антия взяла печенье, но аппетита не было. Сейчас, когда над ними нависала толща земли и камня, ей вновь сделалось не по себе. Это не было страхом – это было какое-то холодное чувство, которое точило ее изнутри, словно червь. Казалось, твердь лишь притворяется неподвижной: на самом деле она готова зашевелиться в любую минуту и растереть незваных гостей в порошок.

– Волнуешься? – спросил Ардион. Антия хмуро подумала, что вряд ли его на самом деле интересует то, что она чувствует. Ему просто хочется как-то скрасить время под землей.

– Немного, – призналась она. – А вдруг они приведут сюда гривлов?

Ардион усмехнулся:

– Эти? Нет, эти точно не приведут. Они принципиальные противники любой власти, кроме власти народа. Слышала когда-нибудь такие глупости?

– Слышала. Но вряд ли это глупости. – Антия устроилась поудобнее, и в ее груди снова дрогнул серебряный крючок. Кажется, он намекал, что им не стоит тратить время на разговоры, а соединить солнечную кровь и королевское серебро. Она отогнала эти мысли почти со злостью и сказала: – На нашем веку власть всех королей будет чисто номинальной, у нас есть ученые и экономисты, которые в этом не сомневаются. Будет красивая фигурка на троне, дань традиции, – а править как раз станет народ.

– Конечно. В лице своих лучших представителей, – рассмеялся Ардион, и Антия почувствовала себя маленькой девочкой, которая крайне забавляет взрослого. Владыка потешался над ней и не скрывал этого. – Пусть этот народ сперва попробует уцелеть.

– Ну ты-то точно никогда не выпустишь власть из рук, – язвительно сказала она.

Ардион лишь отмахнулся:

– Меньше всего я хочу обсуждать политику с девчонкой, у которой грязь на носу. Ну-ка, лучше посмотри на меня.

Анття машинально потерла кончик носа, послушно взглянула владыке в глаза и на какое-то мгновение утратила опору – сорвалась, полетела вниз, неловко размахивая руками и зная, что удержаться не получится. Ардион смотрел – а она тонула, она была маленькой и слабой, она ничего не знала... Ей вдруг сделалось тепло; от пальцев владыки тянулись сверкающие нити, окутывая Анттию, словно паутина. Крючок в груди задержался, поднялся звон, залепляя уши и сбивая дыхание.

– Что ты делаешь? – только и смогла спросить Анттия. Тело сделалось неповоротливым, тяжелым – чурбаком, из которого мастер вырежет то, что захочет. Статуэтку, игрушку, деревянную птичку-свистульку. Мастер смотрел на нее, и паутина становилась все гуще. Анттия падала в пропасть, и дна у нее не было, и тьма, которая давила снаружи, готовилась ворваться и окончательно растворить ее.

Когда Анттия почти перестала дышать, все вдруг прекратилось. Она снова стала собой, она по-прежнему сидела на диване, растерянно глядя по сторонам, и безволие ушло, лишь золотые пылинки рассыпались в воздухе и растаяли. Зендивен, который забыл о своем недоеденном печенье, сейчас кружился под потолком, изумленно вытаращив глаза.

– Невероятно! – восторженно выдохнул он. – Древняя защитная магия! Я никогда такой не видел, только читал! Невероятно!

Ардион снисходительно посмотрел на принца альвини и ответил:

– Да, защитная магия. Если начнется землетрясение, то с тобой ничего не случится – тебя просто выдернет в небо через все эти камни.

Анттия представила, как невидимая пушка выстреливает ею в небеса, и рассмеялась. Вот бы такое заклинание для всех жителей ее мира: взлетел под облака, и пусть Кит дрожит и плывет. Ардион вздохнул, словно хотел сказать, что не ожидал ничего другого от этой невыносимой девчонки. Она улыбнулась и благодарно погладила его по руке.

– Спасибо, – с искренним теплом ответила Анттия и спросила: – Что я могу для тебя сделать?

– А птичка ему и говорит: я тут сидела, песенку пела, дров не рубила, воды не носила. А ты песенку слушал? Слушал. Кашу под мою песенку кушал? Кушал. Пускай теперь меня в дом, буду у тебя жить, а как детки малые пойдут, я на люльку сяду и новую песенку заведу.

Эту старую-старую сказку когда-то рассказывала нянюшка – Антия сидела на кровати, хохотала и не понимала, почему такие забавные, такие славные сказки называются докучными. Когда Ардион с улыбкой потребовал рассказать ему сказку ее родной Таллерии и добавил, что больше с Антии нечего взять, она сразу же вспомнила тихий вечер, свою детскую, озаренную ночником, кукол в кружевах и плюшевых медведей в мундирах, уложенных спать под одеяло, и нянюшку: в ее руках негромко постукивали спицы, вязание казалось бесконечным, а сказка – смешной и доброй.

– Впустил охотник птичку в дом, а тут и лисичка пожаловала, – продолжала Антия. – Он спрашивает: ты почто, рыжая-бесстыжая, притащилась сюда? Кто тебя звал? А лисичка ему и говорит: я тут бежала, мышковала, мышей наловила, в дом не впустила. А ты песенку птичкину слушал? Слушал. Кашу свою кушал? Кушал. Пускай теперь меня в дом, буду у тебя жить, а как детки малые пойдут, дам им свой хвост поиграть.

Ардион рассмеялся:

– И что, он так всех лесных зверей к себе соберет?

– Всех, – ответила Антия. – Я обычно засыпала, когда приходил зайка-побегайка. А был еще крот-обормот, кабан-ободран, волк – зубами щелк, медведь – готов реветь, щука... уже не помню, кто. Мне так нравились нянюшкины сказки. В них всегда было что-то очень чистое. Настоящее.

Она неожиданно обнаружила, что улыбается – светло и искренне, как в детстве. Ардион смотрел мягко и немного грустно. Интересно, был ли у него кто-то, кто рассказывал сказки маленькому осколку света Солнечного кормчего? Или он рос, словно взрослый, невозмутимый и сдержанный, преисполненный чувства собственного

достоинства и важности, осознающий всю тяжесть своей миссии? А сказки, игры и игрушки могли только помешать этому?

– Почему ты попросил именно сказку? – спросила Антия. Ардион пожал плечами и ответил вопросом на вопрос:

– А почему бы и нет? Надо же нам как-то коротать время, пока Велли с товарищами собирает свои машинки.

– А что за груз будет в порту?

– Тайти сказала, что гривлы – большие охотники до чандарунского чая. А в Нанхашене огромные плантации. Часть городских гривлов соберется в порту, заберут чай прямо с корабля. Там их всех и накроет. Остальные примчатся, будут рыть землю в поисках тех, кто устроил взрыв, а значит, храм будет свободен.

– Тайти – это та седая девушка? – уточнила Антия и вдруг осеклась. В порту будет взрыв – и он разнесет корабли и склады, сметет причал, превратит в кровавую кашу всех людей, которые будут там в это время.

Ей сделалось холодно. Очень холодно.

Люди погибнут. Как она раньше не подумала об этом? Почему она поняла все это только теперь?

– Сколько людей там умрет? – глухо спросила Антия. Ардион равнодушно пожал плечами. Ему было абсолютно все равно. Ну умрут – и умрут. Бабы новых нарожают. Наверное, это и было единственно верное государственное мышление.

Судорога прошла по животу, внутренности скрутило так, что Антия испугалась, что ее сейчас вырвет.

– Много, – с непробиваемым спокойствием ответил Ардион и внезапно посоветовал: – Берите пример со своих новых друзей, ваше величество. Они готовы убивать и умирать, и им безразлично, сколько еще народу отправится к Ауйле.

Он помолчал и добавил:

– Это не имеет значения, Антия. Важно то, что мы с тобой сядем в ладью моего отца и поднимемся в небо. Важно то, что солнце снова будет светить над миром. Твой Кит остановится и больше никогда не придет в движение. А в Ашх-Анорне не останется ни капли этой грязи с изнанки мира. Только это имеет смысл. Больше ничего.

Теперь в его голосе не было ехидной снисходительности – только понимание и искреннее сочувствие. Он был прав. Все советники

Антии всегда говорили, что цель оправдывает средства. Что есть те цели, ради которых надо умереть, – и люди будут искренне рады, что им позволили это сделать. Но она, наверное, еще не достигла той зрелости государственного ума, которая позволяет с легкостью принимать подобные вещи. Приложить платок к сухим глазам, имитируя сочувствие, соболезновать семьям погибших, зная, что цель достигнута, и оставаться равнодушной.

– Наверное, я плохая королева, – прошептала Антия. – Но это ужасно. Ауиле великий и милосердный, это ужасно.

Она всхлипнула и зажала рот ладонью, пытаясь сдержаться и не выплеснуть в плаче всю скопившуюся боль и страх. Антия согнулась, уткнулась лбом в колени – крик поднимался из ее груди, она оплакивала разрушенную Таллерию, бармена, чьего имени так и не узнала, Солнечного кормчего, что погружался на дно океана с черной дырой в груди, людей, которые собрались в подземелье, чтобы сказать ей, что смерть – это ерунда. Она оплакивала себя и свою жизнь, захлебываясь беззвучным криком и не зная, почему все это пришло к ней сейчас и здесь, в подземелье, на островке света среди мрака.

Что-то сдвинулось в ней и никак не могло вернуться на место.

Ардион вздохнул – обнял Антию, прикоснулся губами к виску, провел ладонью по волосам. От него веяло спокойствием и теплом, и Антия невольно задалась вопросом: неужели он всегда был таким? Неужели он с самого начала считал, что цель оправдывает средства? А если ты думаешь иначе, то ты плохой правитель?

– Это будет не смерть, а спасение, – негромко произнес Ардион. – Спасение для тех, кто каждый день рискует головой. Лечит раненых, вывозит детей подальше, чтобы гривлы не высосали их кровь, хлебают грязь в администрации. Пытается жить. Антия, послушай меня. – Он ухватил ее подбородок, заставил смотреть себе в глаза: его взгляд был полон такой власти и силы, что Антия замерла, словно птичка перед змеей. – Мы с тобой поднимемся в небо. Мы вернем солнце. Все эти люди погибнут не напрасно. Иногда смерть все может исправить. Просто поверь мне.

Он провел пальцами по ее лицу, стирая слезы. Прикосновение, бережное и почти неуловимое, заставило Антию вздрогнуть, словно от удара. Крючок в груди дернулся, рванул вперед, наполняя уши звоном и приказывая – она не стала вслушиваться в этот невнятный, но

властный приказ: вздохнула, передвинулась в сторону, взяла печенье из пачки, чтобы занять руки. Зендивен наконец-то спустился вниз, пристроился на ее плече и, погладив Антию по шее, произнес:

– Он все верно говорит, это правильно. Горько! Да! Но правильно.

– Если ты еще не поняла, то мы на войне, – с некоторым раздражением добавил Ардион. – А война – это дело смелых. Нет смелости – сиди молча и жди, когда умрешь, ничего другого с тобой не случится.

Несколько долгих минут они сидели молча. Когда-то дядя Бриннен говорил, что невозможно одновременно жевать и волноваться: Антия сгрызла печенье, но легче от этого не стало. Когда она убрала пачку обратно в коробку, Ардион спросил:

– Ты уже думала о том, что будет после?

Антия пожала плечами. Поднявшись, она плеснула воды из чайника в надколотую чашку, отпила – вода пахла железом. Будет ли у них вообще это «после»? Или ничего не получится – и тогда гривлы дожрут Ашх-Анорн и отправятся искать новый мир, а Эдвиг Данвигонский усадит народ на дирижабли и оставшиеся корабли, которые поплывут по морю и полетят по небу, а Великий Кит уйдет на глубину, окончательно стряхнув со своей спины людскую цивилизацию. Сколько они так протянут? Вряд ли долго.

О своей судьбе Антия старалась не думать.

– Я не знаю, – честно ответила она. Ардион понимающе кивнул, словно не ожидал от нее другого ответа.

– А я, кажется, вспомнил одно очень старое заклинание, – небрежно сообщил он. – Смотри.

Он выбросил левую руку вперед и вверх – над его ладонью закружились струйки золотого тумана и вдруг ударили в каменный свод над их головами. Антия даже ахнуть не успела: подземелье содрогнулось, с грохотом и ревом посыпались камни, и тогда Ардион пробормотал что-то невнятное – Антия не разобрала ни слова, но почувствовала, что это был приказ.

Она выпрямилась, убрала руки, вскинутые, чтобы закрыть голову, – камни торопливо поднимались обратно к потолку, занимали свое прежнее место, и трещинки запаивались золотом и растворялись. Через несколько мгновений и поверить нельзя было, что потолок едва

не обрушился – сейчас он был как новенький. Некоторое время Антиа оторопело смотрела вверх, а потом спросила:

– И как ты собираешься все это применить?

Взгляд Ардиона обрел усталую снисходительность.

– Я думаю, это поможет соединить наши миры. Надо же как-то это сделать? А я, признаться, не очень хорошо представляю процесс. Вот мы поднимемся в ладье, вот поплывем обычным путем Солнечного кормчего – и что тогда? Как разрушить пленку между мирами?

У Антии от растерянности даже голова заныла. Вспомнилось, что говорил Оракул – настоящий, а не та тварь, которая выползла из леса. А Зендивен снова рассыпался хохотом – даже свалился с плеча Антии и стал кататься по подлокотнику. Лицо Ардиона сделалось необычайно свирепым – перегнувшись через Антию, он дал принцу альвини щелчка: тот слетел на пол, но хохотать не прекратил.

– Заклинания! – проговорил Зендивен, отирая слезы. – Тут дело не в заклинаниях! Вы что-то совсем как маленькие! Ох, не могу! Я с вами со смеху помру!

– Ты сейчас правда умрешь, паразит! – рыкнул Ардион. К щекам Антии прилил румянец – она вдруг подумала, что лучше погибнет в порту, лучше пусть гривлы съедят ее, чем...

Нет. Это было невыносимо.

Или Зендивен прав, и они действительно ведут себя глупо? Не надо тратить время, когда нужно всего лишь совершить несколько вполне естественных действий – в конце концов, люди будут умирать за спасение своего мира от чудовищ, и неужели она и правда считает, что разделить с кем-то ложе – это слишком высокая цена за свободу и жизнь для всех?

– Я отвернусь! – Зендивен продолжал хохотать и кататься по полу. – И уши зажму!

– Заткнись, убью! – Похоже, Ардиону тоже не хотелось переступать через себя. Или дело было в том, что он еще испытывал чувства к Махивари – помнил о любви, которую похоронили в болоте, той, что возвращалась к нему призраком с лилиями в глазнице?

Антии снова стало холодно.

– Если будет нужно, то мы все сделаем, – негромко, но твердо сказала она. – В конце концов, люди будут умирать, чтобы мы

получили ладью твоего отца. Что ты там говорил про смелость?

VI

Землетрясение

Их вывели из подземелья поздним вечером и повели по улицам города – торопливо шагая за Ардионом и Велли, Антия смотрела по сторонам, и иногда ей начинало казаться, что она уже была здесь. Вот широкая улица: двух-этажные дома со стенами цвета слоновой кости, стрельчатые окна, балкончики с кружевными оградами, мягкий свет за зашторенными окнами – такая же улица была в столице Таллерии, там жила родовитая аристократия, и Антия, изредка появляясь там, чувствовала, как от домов веет тяжелым духом золота, власти и дорогих духов. А вот улица еще шире – бесчисленные магазины с яркими вывесками, модные платья, похожие на цветы, свитые из полупрозрачной ткани, россыпи драгоценностей на черных и красных подушках в витринах: на такой же улице Антия иногда замирала, рассматривая товары и покупателей и зная, что эти вещи никогда не будут принадлежать ей. А вот темная зелень парка расплескалась за металлом ограды – сейчас, когда на город спустилась ночь, Антия не могла разобрать, поражены ли его листья серой гнилью, но от парка веяло такой тоской, что она невольно прибавила шагу.

Прохожих почти не было. То ли в этом городке рано ложились спать, то ли люди просто сидели по домам, не желая выходить на прогулку и лишней раз сталкиваться с гривлами и с тем, во что они превращали захваченный мир. Лишь раз впереди показалась парочка гривлов, и Велли замедлил шаг, но захватчики спустились в погребок с пивной кружкой на вывеске, и Антия представила, как сейчас они примутся высасывать очередного пьяного бедолагу.

Наверное, Ардион прав: если ты боишься, то сиди в своей норе – впрочем, это вряд ли тебе поможет.

– Долго еще? – спросила Антия. Велли отрицательно мотнул головой.

– Минут пять, ваше величество. Скоро будем.

Храм Святой Джават-хи стоял на холме: дома толпились у его подножия, словно молящиеся, которые пришли на службу. Здесь Антия с искренним удивлением увидела людей – они выходили из густой

сиреновой тени храмового портика, подсвеченного россыпью бумажных фонариков. Неужели гривлы разрешают молиться? Велли словно прочел ее мысль – он обернулся и сказал:

– Гривлы тут с самого начала топтались. Мы сами удивились, когда люди пришли на службу и их никто не остановил.

Ардион понимающе кивнул:

– Ловушка.

– Она самая, – согласился Велли. – Никто из наших сюда не ходит, нечего гривлам глаза мозолить лишний раз. Бьюсь об заклад, они запоминают всех, кто тут появляется.

Они вышли на дорогу, вымощенную белым камнем с прожилками золота, – она вела к храму, и все в душе Антии замирало от его стройной светлой красоты. Даже сейчас, в темноте позднего вечера, храм казался воздушным – он словно готовился взлететь вместе со своими бесчисленными башнями и башенками, и Антия невольно улыбнулась. Как здесь, должно быть, красиво днем!

Люди шли им навстречу – суровые и угрюмые, они смотрели себе под ноги, стараясь лишний раз не глядеть по сторонам. Они были похожи на наполненные сосуды, которые ни в коем случае не должны были расплескаться, и Антия подумала, что сейчас все эти мужчины и женщины несут в себе некий ответ на свои молитвы. Белые бумажные фонарики выпархивали из портика и, подхваченные прохладным ветром, поднимались к низкому небу золотой звездной россыпью, словно там, за этими тучами, кто-то мог их встретить.

Гривлов не было. Ни одного – и это выглядело подозрительно. Сейчас Антия чувствовала на своей спине взгляды тысячи голодных глаз: мгновение – и гривлы вырвутся из темноты, схватят, вонзят зубы в плоть... Тихий вечер, наполненный стрекотом сверчков и пением птичек, которые порхали в аккуратно подстриженных кустах вдоль дороги, вдруг оказался опасным.

– Корабль уже в порту, – негромко заметил Велли. – Часть гривлов уже там.

Ардион понимающе кивнул, и Антия с неожиданным удивлением почувствовала, что будто бы идет по канату, который натянут над пропастью, – и канат качался, норовя сбросить ее вниз. Она замерла: не было, разумеется, никакого каната: просто земля содрогнулась так, словно хотела стряхнуть с себя что-то омерзительное.

Холм накрыл рев и грохот – люди закричали, приседая и закрывая головы, указывая куда-то на юг. Их лица скомкало в гримасе ужаса. Обернувшись, Антия увидела, как над городом с неторопливой величавостью поднимается красно-рыжее зарево – от него веяло жаром и смертью, треском и ревом, вонью сгоревшей плоти. Велли расплылся в улыбке и, с трудом сдерживая радость, произнес:

– Сделали! В лучшем виде машинки-то сработали!

Он остался под колоннами – смотрел на зарево, и по его лицу блуждала счастливая улыбка. Ардион отступил в тень, потянув за собой Антию, и она тотчас же ощутила едва уловимое прикосновение заклинания к лицу. Вовремя – почти в ту же минуту из храма высыпало столько гривлов, что Антия моментально сбилась со счета. Шумно переговариваясь на своем трескучем языке, они бросились вниз по дороге, расталкивая перепуганных людей – в одном из пришельцев Антия с ужасом узнала того их красноволосого знакомого, который ранил Ардиона. Копье, то же самое, было у него в руке: сейчас оно было украшено множеством золотых нашлепок в виде солнца. Гривл поставил метки в знак своих побед.

Ардион ухмыльнулся и едва слышно сказал:

– Да, меня тут ждут с нетерпением.

Велли с искренней ненавистью смотрел вслед гривлам. Ардион и Антия выскользнули из тени и, никем не видимые, быстрым шагом двинулись к портику. Последний гривл, который выбежал из храма, свирепо рыкнул на нищих в лохмотьях, что скорчились на ступенях:

– С дороги, чиш-шки!

Нищие рассыпались в стороны, открывая ему путь.

Храм был озарен огнями множества лампад. Войдя в молельный зал, на скамейках которого еще оставались прихожане в плащах с поднятыми капюшонами, Ардион сбросил заклинание и коротко спросил:

– Где вход в подземелье?

На них обернулись, и в лицах людей Антия увидела ту надежду на счастье, которая наполняет лицо ребенка перед новогодней елкой. Впереди был алтарь – там витражная святая, сотканная из сотен кусочков разноцветного стекла, протягивала людям хрустальную чашу с пылающим в ней шаром. От алтаря скользнул священник: его осунувшееся усталое лицо озарило радостью и надеждой.

– Солнце снова поднимется над нами! – горячо воскликнул он. – За мной, скорее!

Он повел их за колонны, в боковую часть храма, где царил теплый золотистый полумрак. На мраморных плитах Антия увидела рисунки: змеи выходили из-под земли, звери выбегали из рощ, рыбы выпрыгивали из воды – все живое тянулось к солнцу, которое им протягивала женщина в белоснежном платье, и Антия решила, что потом, когда все закончится, она обязательно расспросит Ардиона о жизни святой Джеват-хи. Священник толкнул тяжелую дверь из темного дерева, поднял лампу, и Антия увидела мраморные ступеньки, которые убегали в подвал.

Но там не было тьмы. Там мягко горел свет, и Антия растерянно подумала: как же гривлы не нашли ладью? Ее же не прячут!

– Она там, – с нескрываемой радостью произнес священник, и по храму скользнул прохладный ветерок, словно невидимую завесу отдернули в сторону, открывая потаенное. – Я укутал ее от гривлов своей магией, они ничего не знают. Они чувствуют ее огонь, но не могут найти.

– Они туда спускались? – спросил Ардион.

Священник кивнул:

– Да, и не раз. Ничего не видели. Проходили мимо, ежились от ее жара, но не видели.

Во взгляде владыки было искреннее уважение.

– Не думал, что вы настолько сильны.

– Моя вера сильна, – с достоинством ответил священник и указал вниз. – Спускайтесь, у нас мало времени.

Спуск занял несколько минут – когда Антия наконец-то увидела ладью, которая с королевским достоинством красовалась посреди подвала, то на мгновение замерла, настолько она была красива. Синего цвета, богато украшенная золотыми узорами и резьбой, ладья казалась осколком неба, который упал в подземелье и остался там, чтобы однажды обязательно подняться ввысь.

Ардион подошел к ладье, и его лицо озарила мечтательная улыбка – Антия никогда бы не подумала, что он может улыбаться вот так, почти с нежностью. Он похлопал по боку ладьи, и Антия услышала щелчок – выдвинулась лесенка, приглашая подниматься.

– Ну что? – произнес Ардион так, словно спрашивал самого себя. – Вперед?

Священник кивнул и сделал шаг назад. «Как же он будет отсюда выбираться, когда мы взлетим? – растерянно подумала Антия, поднимаясь в ладью за владыкой. – Тут же все разворотит в труху...» От ладьи пахло деревом и солнцем, и почему-то Антия была уверена, что именно эта ладья была любимицей Солнечного кормчего. Ни царапинки, ни зазубринки – сейчас она была похожа на живое существо.

Ардион вздохнул. Опустил руку на рулевой рычаг.

– Вперед, – уверенно сказал он, и ладья мягко шевельнулась на мраморе подвального пола.

Антии захотелось зажмуриться. Она почти рухнула на скамью – наверно, Солнечный кормчий сажал сюда своих детей и катал их по небу. И маленький Верн восторженно смотрел на нежную и беззащитную землю, а его старший брат представлял, как будет править ею, когда вырастет.

Ладья окуталась сверкающим туманом. Ардиона окутало светом – сейчас он был настоящим владыкой Ашх-Анора, он наконец-то делал то, для чего был создан. Он потерял отца и занял его место.

Солнце вновь озарит этот мир.

Антия не сразу поняла, что ладья уже поднимается: медленно-медленно, не разрушая храма, а словно бы просачиваясь сквозь него солнечными лучами, которые проникают даже в самый глубокий и безжалостный мрак.

«Мы летим, – подумала она с отчаянной надеждой, которая опьяняла сильнее любого вина. – Мы летим!»

Скоро они соединят два мира. Скоро гривлов сбросит обратно на изнанку вселенной, а Великий Кит остановится навсегда. И Антия вернется домой и восстановит все разрушенное вместе с Эдвигом – это будет тяжелый труд, но она обязательно справится. А Солнечный кормчий поплывет по небу, и лик его будет ясен...

Она не успела додумать. Ладью тряхнуло так, словно она попала в руки великана – ему не понравилась новая игрушка, и он покрутил ее в пальцах и отшвырнул в сторону. Антию сбросило со скамьи, подкинуло вверх, ударило обо что-то твердое и перебросило через борт.

Кто-то завизжал – потом Антия поняла, что это именно она и визжала. Она летела вниз, и все вокруг тряслось, грохотало, меняя форму и разрушаясь. Ладья треснула и с низким визжащим ревом развалилась на две части. Мелькнула рука Ардиона, который пытался удержаться, и Антия услышала вой.

Она знала его. Иногда такой вой поднимался из-под земли, когда Кит приходил в движение. Долгий и скорбный, он был похож на поминальный плач.

Ашх-Анорн слишком долго терпел, но наконец-то не выдержал. Демоница из другого мира слишком долго разрушала его.

Ее огрело обломком синей доски по голове, и на миг Антия потеряла сознание. Опомившись, она поняла, что защитное заклинание, которым Ардион окутал ее в подземелье, сработало и тянет ее вверх, спасая.

«Мною выстрелили из пушки в небо», – успела подумать Антия и увидела, как обломки ладьи проваливаются в пропасть, раскрывшуюся под храмом. Ардион падал вместе с ладьей – на мгновение Антия увидела его побелевшее лицо, а потом ее выдернуло из храма и швырнуло в траву.

Несколько бесконечно долгих минут Антию катило по траве, подбрасывая и пиная, словно мячик. Кругом царил грохот – земля ревела, раскрываясь и трясясь от ненависти и гнева. Земля хотела, чтобы Антии больше не было, земля распахивала черные пасти, и в них летели дома и люди. Земля...

Антия не сразу поняла, что все прекратилось. Нахлынувшая тишина была настолько плотной, что ей показалось, будто она лишилась слуха. Покачиваясь, Антия поднялась на ноги: холм с храмом, такой изящный, ухоженный и чистый, теперь был похож на поле битвы, на котором сошлись несколько армий.

Храма больше не было – уцелела лишь часть портика с двумя колоннами, все остальное ушло под землю. От городской улицы, которая примыкала к холму, остались только развалины. На изломанных камнях дорожки лежал человек – беспомощно выбросил вперед руку, словно пытался кого-то удержать. Из-под его лица, уткнувшегося в землю, растекалась кровь.

Шевельнулся клапан нагрудного кармана – выпорхнул Зендивен, потрепанный и исцарапанный. Антия совсем забыла о том, что все это

время он сидел там – а принц альвини растерянно опустил на ее плечо и проговорил:

– Сколько смерти...

В его голосе не было привычной переливчатой звонкости – только страх и горе.

– Это все из-за меня, – откликнулась Антия. – Я инородное тело для Ашх-Анора. Он пытается от меня избавиться, и...

Все было напрасно. Все. Люди в порту погибли, город разрушился, храм провалился под землю, и последняя ладья Солнечного кормчего рассыпалась ворохом сломанных досок. Антия поняла, что сейчас завопит во весь голос – лишь бы избавиться от этого бесконечного отчаяния, лишь бы выплеснуть его из души.

Она не вернется. У них не осталось ладьи, чтобы подняться в небо и соединить оба мира.

Все было напрасно. Все кончилось. И Таллерия, и Ашх-Анорн погибнут через несколько дней – один мир раньше, другой позже, но в итоге от них ничего не останется.

Антия запрокинула голову к небу и закричала. Зендивен всхлипнул. Погладил ее по уху, словно пытался поддержать и приободрить.

– Вставай, – сказал он. – Нам надо отыскать владыку.

В отсутствие Ардиона Зендивен словно бы вспоминал, что он принц, а не воздушная мелочь, которая только и умеет, что трещать крылышками. Первым делом он рванул в сторону того провала, который раскрылся на месте храма. Антия поковыляла за ним; несмотря на то что заклинание защитило ее от гибели и увечья, все тело наполняла пульсирующая боль.

Душе было еще хуже. Они ведь нашли ладью. Начали подниматься в небо – и именно в эту минуту землетрясение поглотило храм и все разрушило. Все оказалось напрасно – это внушало Антии вязкую беспомощность. Она тонула в болоте своей тоски и не могла собраться с силами и спастись.

Со стороны города донесся тревожный звон колокольчиков. Оглянувшись, Антия увидела, как по уцелевшей улице пробираются удивительные существа – огромные лисицы с лапками, которые заканчивались копытцами, и третьим глазом, что тревожно моргал во лбу. Лисицы двигались плавно и осторожно, почти перетекая среди развалин. Люди, которые сидели на их огненно-рыжих спинах, взволнованно озирались по сторонам, и Антия услышала:

– Живые есть?

Значит, они искали уцелевших после землетрясения. Послышался сдавленный стон – одна из лисиц остановилась, человек спрыгнул с ее спины и вскоре вытащил из-за каменной груды женщину в светлом платье. Он аккуратно усадил ее на лисицу, женщина обхватила ее шею, и лисица прыгнула прочь – повезла спасенную в безопасное место.

Зендивен нетерпеливо потянул Антию за рукав в сторону провала.

– Пойдем, нам лучше никому не попадаться на глаза, – негромко прошептал он. Антия невольно признала его правоту.

Провал чернел распахнутой пастью, из самого края которой торчала колонна, словно палец мертвеца. Оставив Антию в стороне, Зендивен с усилием затрепал крылышками – вокруг них рассыпалась золотая пыльца, озаряя ночь, и принц альвини принялся неторопливо спускаться в черноту провала.

– Осторожнее! – окликнула его Антия. Оглянулась – не услышал ли кто? Нет, никого. Должно быть, и священник, и все немногочисленные верующие, которые остались в храме, погибли. Далеко впереди лисы и их всадники медленно двигались среди домов в поисках живых.

– Нечего бояться! – откликнулся Зендивен. – Оракул сказал, что мой народ воскреснет, а я его истинный правитель.

Антия вздохнула. Хотелось бы в это верить! Заглянула во мрак, едва озаренный светом с крылышек принца, – казалось, что она смотрит в желудок великана, проглотившего храм вместе с холмом. Вот торчит обломок колонны, вот выглядывает кусок скамейки, а вот сверкнуло что-то голубое – осколок витража со святой Джават-хи. Отчаяние в очередной раз сжало Антию. Если бы не землетрясение, они уже давно поднялись бы в небо.

Она еще чувствовала под собой живую плоть ладьи. Это было жуткое, ненастоящее ощущение, словно она спала, проснулась, но сон

все равно продолжался.

Зендивен успел превратиться в светящуюся точку, которая медленно опускалась все ниже и ниже. Принц альвини обладал несокрушимой верой и таким же спокойствием – Антия невольно позавидовала ему. Сейчас все, что было сказано Оракулом, сделалось ненастоящим.

Они потеряли все ладьи Солнечного кормчего. Возможно, сломанную еще можно починить, но кто будет этим заниматься? Есть ли такие мастера в Ашх-Анорне?

И жив ли Ардион? А если нет, что тогда делать? Даже если Антия найдет способ отремонтировать ладью, которую украл Чекевели, как поднять ее в небо?

Она села на край провала, уткнулась лицом в ладони. Ничего она не смогла. Напрасно спустилась в Ашх-Анорн, надо было остаться в Таллерии с Эдвигом и снаряжать корабли: сажать на них беженцев, заполнять трюмы продовольствием и надеяться, что однажды им удастся найти какой-нибудь клочок суши или нового Великого Кита, который не плывет, а крепко спит.

Огонек затрепетал, словно его поймали невидимые пальцы, а потом вздрогнул и поплыл обратно. Антия поежилась: ночь была довольно теплой, но ее охватил озноб. Вскоре Зендивен показался из провала и, усевшись на плечо Антии, принялся отряхивать испачканные крылышки.

– Никого там нет, – сообщил он. – Живых – никого. Я видел двоих мертвецов, чью-то оторванную руку и нос ладьи. Он отломан, остальное, наверное, совсем ушло под землю.

Крючок в груди молчал – не звенел и не шевелился. Антия вспомнила летнюю ночь, в которую он ожил: тогда она смотрела в окно и не могла поверить, что ее зовет мертвец из другого мира.

Тогда Ардион не был мертв, он просто спал. А теперь...

«Что я буду делать без него?» – спросила Антия ночь и не получила ответа.

– Я думаю, что он куда-то переместился, – сказал Зендивен, – когда ладья стала проваливаться. Куда? В свой дом на болотах! Значит, нам тоже надо туда!

Антии захотелось взять его за шкурку и встряхнуть как следует. Как они туда переместятся?

– Дом засвечен для гривлов! – прошипела она, чувствуя, что начинает злиться. – Там может быть засада!

Зендивен только руками развел.

– Другого я тебе не могу предложить. Я не знаю, где еще может быть владыка.

– И как нам туда добраться? – любопытствовала Антия. Зендивен сейчас не выглядел ни растерянным, ни смущенным – у него был план, которому он собирался следовать.

– Мы должны поискать червоточины в пространстве, – объяснил он. – Иногда они открываются после землетрясений. Если в одну такую попадешь, то достаточно просто вообразить место, в котором хочешь оказаться, и она выплюнет тебя прямо туда!

– Отличный план, – вздохнула Антия. – Надежный, как швейцарские часы. Ладно, давай поищем эти твои червоточины.

Они отошли от провала и двинулись вперед, перебираясь через земляные гребни – невидимый дракон протянул лапу и проложил эти борозды... Зендивен то энергично взлетал вверх, то кружил возле Антии, приюхиваясь и растирая ладошки, то принимался пританцовывать. Со стороны разрушенных домов донесся тихий стон, и вдалеке сразу же закричали. Разрушенный город пытался прийти в себя, и Антии даже думать не хотелось о том, что сейчас творится в порту.

Но она все равно представила месиво из чая, деревяшек и изорванной человеческой плоти и вновь подумала: все оказалось напрасно. Жив ли Велли? Жива ли Мика?

Принц альвини хлопнул в ладоши и звонко рассмеялся.

– Прекрасно! – воскликнул он. – Я так и думал, что одна из них тут рядом! Антия, скорее!

Антия перелезла через очередную каменюку, торчавшую из земли, словно последний зуб из старческой челюсти, и оказалась на куске дороги, который пощадило землетрясение. Приплясывая в воздухе, Зендивен схватил ее за ухо, потянул вперед, и Антия в полной мере поняла, что чувствует муха, когда попадает в паутину.

Она влипла.

Лицо облепила тонкая пленка, пронзительно пахнувшая ландышем. Антия любила ландыши, но здесь, после землетрясения и смертей, этот запах показался ей отвратительным. Стало темно –

настолько, что Антия испугалась, что эта пленка ослепила ее. Она рванулась, пытаясь освободиться, и услышала легкий хлопок. Запах ландыша тоже ушел, а темнота осталась, и Антия услышала щебет Зендивена:

– Так, сейчас ни о чем не думай. Я буду представлять сам, а то собьем тут все.

– Ты уже так путешествовал? – спросила Антия.

Зендивен снова взял ее за ухо и ответил:

– Нет. Ни разу.

Антия даже не успела испугаться: тьма рассеялась, выплюнув их на знакомый пол в хижине Ардиона на болотах. Здесь тоже была ночь, и, со стоном перевернувшись на спину, Антия услышала знакомый призрачный шепот, который плыл из-за запертой двери:

– Открой. Открой мне.

Она не успела испугаться: просто подумала, что если Ардиона тут нет, то они с Зендивеном завязнут на этих болотах до скончания времен – вряд ли новая червоточина раскроется сразу же, как только они выйдут из дому.

А если тут гривлы? Что она тогда будет делать?

По крыше кто-то пробежал – процокали копыта, раздался издевательский смех. В ту же минуту Антию рванули за плечо, швырнули на пол, и она увидела знакомую фигуру и растрепанные темные волосы Ардиона.

Жив! Зендивен не ошибся! Ей захотелось рассмеяться от радости – Ардион зажал ее рот ладонью и каким-то глухим незнакомым голосом произнес:

– Не дергайся, выпотрошу. Эти твари там из-за вас?

Антия растерянно замотала головой. Зендивен вспорхнул к потолку, затрепал крылышками, создавая свет, и Ардион убрал руку. Антия села, окончательно растерявшись и не зная, что делать.

Он не узнал ее? Или это не он?

От золотой дымки, окутавшей принца альвини, в доме сделалось светлее, и к окну сразу же прилипла такая рожа, что Антия заскулила и сползла на пол. Лицо Ардиона было осунувшимся и бледным, под правым глазом залегла глубокая царапина, и сейчас он выглядел так, словно не понимал, где находится.

Контузия?

– Ардион, ты нас помнишь? – негромко спросила Антия тем мирным тоном, которым говорят с больными или детьми. – Я Антия, это Зендивен. Мы искали ладью твоего отца, чтобы подняться в небо и изгнать гривлов.

Ардион уткнулся переносицей в правую ладонь, словно пытался справиться с болью. Тоскливо что-то промычал. Вокруг его пальцев рассыпались мелкие искры и погасли. Зендивен сделал круг над головой владыки и сокрушенно сообщил:

– Евгр побери, его так оглушило, что расслоились магические поля. Плохо! Очень плохо!

– Помнишь ладью? – спросила Антия с искренней заботой. Погладила Ардиона по плечу, представляя, что он сейчас должен чувствовать. Очнулся в незнакомом доме, все раскалывается от боли, а за окнами пляшут привидения – да, тут точно будешь чувствовать себя не в своей тарелке. – Мы садились в ладью, когда началось землетрясение. Тебя сбросило в открывшийся провал вместе с ладьей.

Ардион устало вздохнул, и за окном мелькнули белые лилии и скорбная маска лица. Махивари заглядывала внутрь, призрачные пальцы скользили по стеклу, ощупывали раму, искали хоть какую-то лазейку.

– Все шумит, – негромко признался владыка. – Я ничего не слышу, кроме этого проклятого шума.

Махивари прильнула к стеклу, почерневшие губы раскрылись буквой «О» – лицо Ардиона дрогнуло в гримасе брезгливого ужаса, и он махнул рукой в сторону окна, словно пытался отшвырнуть от себя чудовище с лилиями в глазнице. Удар был такой силы, что дом подпрыгнул – Антию отбросило за диван, оконное стекло с грохотом расколосось, и призраки завывали так, словно что-то пожирало их разом.

Когда Антия опомнилась, то увидела, что за окном стоит тихая, непроглядно черная ночь. Собравшись с духом, она поднялась, выглянула наружу – никого. Рама щерилась стеклянными осколками, словно зубами, но призраков не было.

Зендивен рассмеялся, подпрыгнул в воздухе и сделал кувырок.

– Надо же! Он их уничтожил! – восторженно пропел принц альвини и принюхался. – Да, точно уничтожил! Никого не чую! Лес и болота чисты!

Ардион посмотрел на него так, словно прикидывал, как бы поймать эту писклявую мелочь да отправить вслед за призраками.

– Мы... были в Тангашенте? – спросил он.

Антия пожала плечами.

– Я так и не спросила, как назывался тот город, – призналась она. Очередное облако искр, уже гуще, сорвалось с пальцев Ардиона, проплыло над его головой и растаяло. – Ты помнишь храм Святой Джават-хи? Подпольщиков? Взрыв в порту?

Ардион поднялся и со стоном сел на диван. Антия поняла, что сейчас ее снова начнет захлестывать отчаяние. Если он так и не опомнится, то они не выберутся отсюда и не найдут способа починить сломанную ладью. Она представила, как гривлы дожирают Ашх-Анорн, как Великий Кит в ужасе плывет через океан, то погружаясь под воду, то поднимаясь на поверхность, и обрывки ее мира постепенно теряются в туманном мареве – Антии стало так жутко, что она с трудом сдержала слезы.

– Не знаю, что я помню, – откликнулся Ардион. – Слишком много всего. – Он пристально посмотрел на Антию и сказал: – Мы с тобой сидели в каком-то подвале. Ты ела печенью.

Антия ободряюще улыбнулась:

– Было дело. А еще?

– Этот летун над нами хохотал. – Ардион сделал паузу, и на его лицо словно легла тень скорби. – И мы поднимались на ладье, а потом началось землетрясение. Да, я помню.

– Сильно расслоилось. Когда ладья разрушилась, то ее магия его зацепила, – вздохнул Зендивен, кружа над головой Ардиона. – У него будут вспышки силы, да, будут! Но пока он вряд ли сможет залатать ту трещину в ладье.

– Контузия, – пробормотала Антия. Ладно, что теперь поделать – хорошо, что все они вообще умудрились выжить. – Как это вылечить?

Зендивен только руками развел, и Антии показалось, что ночь сделалась еще темнее. Ардион с гримасой боли дотронулся до затылка и ответил:

– Лантан-ин-Ман. Мы доберемся до него краем болота.

– Кто это? – Антия удивилась и обрадовалась: кажется, Ардион сумел-таки справиться с контузией. Возможно, они успеют найти

третью ладью до того, как начнется очередное землетрясение из-за демоницы из другого мира.

– Это старый волшебник, – откликнулся Ардион. – Верн был его учеником, они приятельствовали и после того, как учеба закончилась. Я знаком с ним, но он ко мне относится с некоторой неприязнью.

– И зачем нам тогда к нему? – нахмурилась Антия. Меньше всего ей нравилась идея тащиться по болоту для того, чтобы перед ними захлопнули дверь.

Взгляд Ардиона сделался снисходительным – и теперь в нем плыла какая-то особенная тихая мягкость, которой Антия раньше не замечала. Ему словно бы нравилось смотреть на нее, нравилось, что она такая, что она сейчас здесь.

Это было странно. Непривычно.

– «Недолюбливает» не означает, что откажет. Если и есть тот, кто ненавидит гривлов сильнее всех, то это как раз Лантан-ин-Ман, – объяснил Ардион. Тревога окончательно покинула Антию: раз он все вспомнил, то и магия к нему вернется в полном объеме, а не кусочками по воле случая. – И он – единственный, кто сможет починить ладью.

– Что ему сделали гривлы? – спросила Антия. Хотя откуда бы Ардиону это знать... Поднявшись, она прошла к плите и поставила чайник – в нем еще была вода. Надо же, они ушли отсюда совсем недавно – а кажется, с тех пор прошла вечность. Ардион сел поудобнее, снова дотронулся до затылка.

– Его магия основана не на внутренних ресурсах, а на силах природы, – ответил он. – Лантан-ин-Ман черпает ее в лесах и болотах, находит на звериных тропах, выращивает с нарциссами. Сама видишь, какие ему теперь нарциссы. – Ардион сделал паузу и невозмутимо спросил: – Напомни, пожалуйста, как тебя зовут?

Зендивен, который все это время сидел на балке под потолком, издал горестный стон.

Лантан-ин-Ман был хорошим человеком и прекрасным волшебником, но он недолюбливал владыку Ашх-Анорна и даже не пытался это скрывать. Однажды, когда у Верна еще были обе руки, а

отец не надел на него корону, они сидели в лесном домишке за кружками яблочного сидра, и Ардион так и не понял, как их спокойный вроде бы разговор перерос в ту ссору, когда все начинают орать совершенно безобразным образом, колотить по столу и собираются драться.

– Это жестокость! – отрезал Лантан-ин-Ман, и сиреневые мускари в глиняной вазе, которые цвели на клумбе возле его дома в любое время года, согласно зазвенели: жестокость!

– Я сохраняю Ашх-Анорн, – парировал Ардион. Отпил из кружки – обычно яблочный сидр, наполненный солнцем и летним теплом, был сладким и легким, но теперь в нем ощущались отчетливые горькие нотки. – Ты забыл, что случилось с морем, когда одну из таких тварей над ним разорвало? Напомнить, как оно теперь называется?

Лицо Лантан-ин-Мана всегда хранило дружелюбную уравновешенность, но сейчас оно дрогнуло, сделалось суровым.

– Не забыл, – с ледяным достоинством ответил он. – Я был там и видел все, что случилось. Во всех ужасающих подробностях. И все равно я считаю, что обращать девушек в камень – это невиданная жестокость. Ты не просто спасаешь Ашх-Анорн, тебе приятно делать живое неживым.

Некоторое время Ардион не знал, что на это ответить. Двенадцать демониц приходили каждый год – он встречал их со жрицами, он делал все, чтобы ни одна тварь, способная разрушить его родину, не смогла убежать. Он уничтожал врагов, превращая их в свою верную армию, и никак не мог взять в толк, что тут не так.

– Объясни мне, – усилием воли Ардион сдержал нарастающий гнев. – Объясни мне, пожалуйста, что я должен делать. Если эти демоницы выживут и разбегутся по миру, то Ашх-Анорн будет уничтожен. Землетрясения, наводнения, пожары, цунами... мы будем стоять на развалинах, а через год с неба свалится еще дюжина прекрасных дев и завершит начатое. Скажи, друг мой, что я должен делать? Как это исправить?

Лантан-ин-Ман ответил не сразу – он заговорил как раз в ту минуту, когда Ардион уже успел поверить в то, что у старого волшебника нет ответа.

– Мне претит любое убийство, даже из самых лучших побуждений, – ответил он. – Я не стал бы убивать этих девушек. Я

собрал бы их и вернул домой. Вы нам не нужны, ступайте обратно. Это было бы правильным.

– Но не безопасным, – парировал Ардион. Тогда Верн, который несколько минут потягивал сидр, усмехнулся:

– Ты не думаешь о безопасности. Тебе просто нравится твоя мраморная армия в туманном саду, вот и все.

На этом относительно мирная беседа подошла к концу – потом был скандал, почти до драки, и Лантан-ин-Ман в итоге вывел Ардиона в сад, где паслись его кошачьи олени, лениво пощипывая траву, и негромко попросил больше не появляться в этом месте. Ардион издевательски поклонился, обернулся сипухой и был таков.

Вряд ли старый волшебник будет рад его видеть. Впрочем, у них нет другого выхода.

– Пойдем утром, как развиднеется, – сказал Ардион. Машинально дотронулся до кармана – мешочек уцелел во всех передрыгах, уже хорошо. Антия кивнула, опустила рядом с ним на диван и осторожно спросила:

– Ты сможешь идти?

В голосе звучала неподдельная забота. Надо же, этой иномирной демонице, этому королевскому величеству не все равно. Ардион попытался вспомнить, когда кто-то переживал о нем, и не смог. Может быть, Махивари. Может быть, Микелла. Теперь уже трудно сказать точно.

Они ведь сумеют встретиться. Потом, когда гривлы уберутся обратно на изнанку Вселенной, а два мира объединятся, он встретит сестру и попросит у нее прощения. Когда ладья Солнечного кормчего начала подниматься, Ардион как раз думал о Микелле – представлял, какая она сейчас, и точно знал, что она по-прежнему наполнена добротой и нежностью.

А потом все кончилось. Мир содрогнулся, началось землетрясение, сдвинулись пласты магии, которая наполняла Ашх-Анорн, и Ардион, обрушиваясь в пропасть вместе с обломками ладьи, успел только выбросить себя в провал в пространстве.

Он вылетел на пол домика на болотах и долго не мог опомниться и понять, где находится. Голову наполнял грохот и гул, за окнами выли призраки, и ему, потерявшему опору и память, стало жутко до

тошноты. Магия бродила в душе, то угасая, то поднимаясь, и Ардион, потерянный и несчастный, не мог понять, кто он и что теперь делать.

– Да, смогу, – кивнул он, и Антия улыбнулась. Сейчас ему в самом деле было полегче – он вспомнил и себя, и иномирную демоницу, и все, что случилось за эти дни, вот только спокойнее от этого не стало. Они потеряли последнюю ладью Солнечного кормчего, у них осталась только поврежденная, но ее требовалось отремонтировать, и Ардиону хотелось надеяться, что Лантан-ин-Ман забудет старые распри и возьмется за дело.

Хорошо, что гривлы не пришли к этому дому. Окончательно придя в себя, Ардион понял, что мог угодить в засаду, прямо им в руки, но они, как видно, пропустили давешнюю вспышку света на болотах. Вот и хорошо.

– Я очень испугалась, – призналась Антия. – Сначала это землетрясение, потом я думала, что ты погиб, потом ты меня не узнал.

Ардион усмехнулся. Нет, эта девчонка определенно мила. В ней столько трогательной искренности, что нельзя было смотреть на нее и не улыбаться. Антия посмотрела ему в лицо и нахмурилась.

– Снова надо мной смеешься?

– Нет, – ответил Ардион и в который уже раз обнял ее за плечи. Антия со вздохом прижалась к нему, и он отстраненно подумал: важное это дело – обнять кого-то, когда тебе плохо, а на сердце тоскливо. – Я просто не привык, чтобы обо мне беспокоились.

– Еще бы я не беспокоилась! – презрительно фыркнула Антия, но не отстранилась. – Если бы ты погиб, то я никогда не нашла бы способа починить ладью. Не подняла бы ее в небо. Не избавилась от гривлов и не спасла Таллерию.

Ее переносицу прочертила морщинка – Ардион легонько скользнул по ней кончиком пальца и ответил:

– Вот-вот, я думал этими же словами. Вы очень корыстны и благоразумны, ваше величество.

Он думал, что Антия скажет что-нибудь язвительное и колкое, но она слишком устала для того, чтобы продолжать пикировку, и негромко ответила:

– Я правда за тебя волновалась. Не потому, что... а, ладно. Не надо об этом.

– Не надо, – согласился Ардион. – Я и так все прекрасно понял.

Он поднялся с дивана, сунулся в шкаф и вынул старое одеяло – кто-то из слуг сшил его из разноцветных кусочков ткани много лет назад, но оно до сих пор оставалось красивым и теплым.

– Ложись, – приказал он. Антия вытянулась на диване, он набросил на нее одеяло и добавил: – Поспи, до утра еще есть время. Вон как наш трескун сопит!

Зендивен в самом деле был любителем придавить подушку. Когда-то Ардион читал о том, что альвини всегда засыпают, если им страшно, но не думал, что они делают это так часто и так крепко. Антия вздохнула, устраиваясь поудобнее, и спросила:

– А ты?

– А я разбужу тебя утром, – сказал Ардион. – Спи.

VII

Путь через болота

Они вышли из дома на рассвете. Перед тем как отправляться в дорогу, Ардион обратился в темно-синюю сипуху, сделал круг над лесом и, опустившись возле колодца и вернув себе человеческий облик, сообщил:

– Никого. Ни гривлов, ни призраков.

Он выглядел усталым – похоже, превращение отняло у него много сил. Пока Антия смотрела, над его головой проплыло облачко искр и рассеялось – Зендивен, который с восторгом наблюдал за сипухой, бесцеремонно указал пальцем и пискнул:

– Магии очень много! Но она неровная!

Ардион выразительно завел глаза к серому низкому небу.

– Лети уже, неровный.

Зендивен затрепал крылышками, возглавляя шествие. Ардион шел по едва заметной тропинке, которая петляла среди деревьев, не уходя глубоко в лес, и Антия, шагая следом, думала о том, кто тут все-таки бродит. Не появляются же такие вот тропки сами по себе. Лес и болото тем временем пробуждались: среди ветвей цвиркали и перепархивали мелкие птицы, где-то в глубине потрескивали сучья, словно там шел кто-то громадный. Перебравшись через поваленное дерево, поросшее изумрудным мхом и мелкой россыпью алых грибов на тонких длинных ножках, Антия увидела в стороне громадного лося. Тот смотрел на идущих пристально, но без особого любопытства, и внезапно совершенно бесшумно растворился среди деревьев. На его горбатой спине, покрытой угольно-черной шерстью, росла кривенькая березка – среди ее слабых тоненьких веток кружило облако рыжих бабочек.

Принц альвини брезгливо сморщился.

– Фу! – воскликнул он. – Больное животное!

Ардион усмехнулся:

– Ты только ему об этом не говори. А то он быстро покажет тебе, кто тут животное.

Антия решила не уточнять, кто именно явился им в виде лося.

От болота пахло ягодами, горькими травами и сыростью давно заброшенного погребца. Проморосил дождик, постепенно становилось светлее, и птицы пели громче. Под уродливым толстым деревом Антия увидела маленькое зеркало, которое тихо покачивалось на изогнутом стебельке, и воскликнула:

– Мы же можем переместиться прямо к Лантан-ин-Ману!

Ардион постоял, задумчиво глядя на зеркало, и Антия успела обрадоваться – несмотря на то что на болотах еще не случилось ничего неприятного или пугающего, их путь ей все равно не нравился. Потом владыка подошел, подцепил зеркало пальцем, и Антия увидела, как в отражении мелькнули какие-то корни, жидкая грязь и белые кости. Не человеческие. Ей очень хотелось верить, что не человеческие.

– Повреждено, – коротко ответил Ардион. – Попадем как раз к мертвецу, из которого оно проросло.

– Лучше не надо зеркал. – В голосе Зендивена прозвучали тоска и досада. – Они изрядно прогнили, когда пришли гривлы.

Антия вздохнула, и путь продолжился.

– Сколько нам еще идти? – спросила она, когда тропинка вывела их к идеально круглой поляне, на которой не росло ни травинки. Серая, плотно утоптанная почва казалась мертвой. Ардион пристально посмотрел по сторонам, словно искал одному ему известные приметы, и неопределенно пожал плечами.

– Пару часов, думаю. Может, три.

Антия вспомнила, как он взглянул на нее, когда укрывал одеялом, – с тихим сочувствием и любовью. Так смотрят на друзей или родных, так смотрят на тех, кто стал тебе близок. Она сердито отогнала эту мысль – нет, они не близки, они просто пытаются спасти свои миры и изгнать захватчиков, и незачем думать о том, что говорил Зендивен о консумированном браке, это совсем не то, что нужно им обоим. Но Ардион шел впереди, Антия шагала за ним след в след и не могла не смотреть и не думать.

Он был живым. Он слишком долго загонял самого себя в глубину – потому что надо было спасти Ашх-Анорн от иномирных демониц, падавших с неба, потому что надо было верно служить своему отцу и делать все, чтобы быть для него хорошим сыном. Но под той церемониальной броней, в которую его облачили, билось живое сердце, которое умело любить, заботиться и беречь.

Мысленно Антия задала себе крепкую оплеуху. Вот тоже, нашла себе романтического героя! Идеального принца из сказки!

Внутренний голос хмыкнул: «Продолжай отпираться. У тебя это отлично получается. Но тебе нравится прикасаться к нему. Ты ни разу не отстранилась, когда он тебя обнимал, потому что тогда ты чувствовала себя не такой одинокой. Не сиротой в подземелье, не королевой, которая пытается выволочь целый мир на своих плечах, а человеком, которому нужен такой же человек. Неплохой, между прочим».

– Ты что-то молчалива, – заметил Ардион.

Очередное дерево, заросшее красными грибами, лежало поперек тропинки; он протянул руку, помогая Антии перелезть через трухлявую древесину, и она с каким-то сладким страхом подумала, что у него очень сильные пальцы. Сильные и теплые. Живые.

– Боюсь провалиться в бучило, – пробормотала Антия. Зендивен спустился к грибам, присматриваясь, и владыка посоветовал:

– Лучше их не есть. Если, конечно, не хочешь сперва дивных видений, а потом рвоты на три дня.

– Фу! – скривился принц альвини и тотчас же уточнил: – Видения и правда дивные? Насколько дивные?

Антия рассмеялась. Ардион пожал плечами:

– Прелестные альвинки стаями.

Зендивен задумчиво покружил над бревном, словно прикидывал, стоит ли стайка прелестных барышень трехдневных мучений и обезвоживания, и в итоге благоразумно решил не рисковать. Ардион пошел дальше по тропе, и Антия потянулась за ним.

– Пробовал такие грибы? – уточнила она. Ардион посмотрел на нее, словно на дитя, которое задает глупые вопросы, не понимая их глупости.

– Я похож на идиота?

– Иногда, – сказала Антия и тотчас же провалилась по щиколотку. Тропинка, которая несколько мгновений назад казалась такой надежной, вдруг превратилась в кашу, и Антия не могла нащупать твердого дна, как ни старалась. Ардион подхватил ее под руку, вытянул, поставил на сухую землю – Антия вздохнула и ответила:

– Спасибо.

– Будешь говорить глупости – провалишься по пояс, – пообещал Ардион и добавил: – Впрочем, это твое нормальное состояние. Как там твоя родная Тарелка процветает с такой владычицей?

Антия не ответила. В конце концов, сейчас она не была владычицей. Сейчас ей было не по себе, и она пыталась справиться с тем волнением, которое обняло ее и не хотело разжимать рук. И да, на заседаниях Государственного совета было намного проще. Там Антия могла заниматься делом и не думать о чувствах.

Дурацкие чувства. Дурацкое все.

– Ладно, на самом деле я думаю, что ты хорошая владычица, – признался Ардион. Прямо из-под его ног выпорхнула птаха и, сев на ветку, разразилась гневной птичьей руганью, Антия поежилась: у птицы было две головы, из сердито распахнутых клювиков выглядывали раздвоенные синие языки. – Плохая не пошла бы в другой мир, жертвуя собой. Тебя там, наверно, уже похоронили.

– Как и тебя, – заметила Антия. – Но мы вот вернулись.

– Вернулись. – Ардион нагнулся, сорвал робкую ромашку на тонком стебельке и протянул Антии: та приняла цветок, и в груди шевельнулось что-то, похожее на испуг. – Скучаешь по мужу?

«Эдвиг», – подумала Антия. Эдвиг сейчас собирал все, что можно было спасти, и надеялся, что его венценосная супруга все-таки сумеет вернуться. Он был хорошим, очень хорошим, и стыд Антии сделался еще злее и глубже.

Эдвиг, как никто, был достоин любви. А она его не любила и не могла приказать себе полюбить. Кажется, она вообще ничего не могла – просто держала эту ромашку, шла по тропинке следом за Ардионом, и в груди поднималось что-то очень сильное, властное. Что-то, чего она не знала, но ждала давным-давно.

– Я о нем вспоминаю, – уклончиво ответила Антия. – Он хороший человек.

– За что же его Ауйле так наказал, что он на тебе женился? – съязвил Ардион, и Антия не выдержала: остановилась и сказала:

– Я знаю, почему ты меня постоянно поддеваешь.

Зендивен устроился на ближайшей ветке, словно зритель перед спектаклем – только что ладошки не потирал в предвкушении захватывающего зрелища. Ардион обернулся – в его глазах плыли веселые искры, он с трудом сдерживал улыбку.

– Надо же! И почему?

– Потому что я тебе нравлюсь, – выпалила Антия. К щекам прилила кровь, лицу сделалось жарко, и она добавила, стараясь выплеснуть все, что скопилось за эти дни в ее душе и сейчас начало закипать: – И ты все это время усердно сражаешься со своими чувствами. Это как в школе, Ардион. Если мальчишка дергает девочку за косички, то это значит только одно.

Она осеклась, слова оборвались и скомкались, все вдруг закружилось и полетело куда-то в сторону, и на какое-то мгновение Антии показалось, что тучи расступились, выпуская солнце. «Я... нет», – только и смогла подумать она – от Ардиона пахло травой, высушенной солнцем, сосновой смолой, болотными ягодами и дымом далекого костра, и он целовал Антию так, словно мир разрушался за ними, и этот поцелуй был последним, что они могли сделать перед концом света.

Оба их мира падали в пропасть вместе с ладьей Солнечного кормчего, и они могли удержаться от падения только так. Антии хотелось плакать, и смеяться, и кричать.

– Постарайся выжить, – негромко произнес Ардион, отстранившись и подчеркнуто аккуратно поправляя прядку волос на ее виске. – А там... там будет видно.

Постепенно болота остались в стороне. Теперь кругом был сосновый лес, и Ардиону хотелось снова превратиться в сипуху и покружить над ним. Серое гниение еще не достигло этих мест – лес был живым, он дышал и рос, и каждое его движение: потрескивание ветвей, голоса птиц, шаги животных, шелест трав – твердо говорило, что гривлам не победить.

«Хотелось бы верить», – подумал Ардион. Золотисто-бурый слой сосновых иголок мягко пружинил под ногами, и он невольно вспомнил, как в детстве они с Верном убегали сюда и гонялись друг за другом, хохотали, придумывали какие-то смешные игры. Тогда Ардион жестоко высмеял бы того, кто сказал бы, что однажды он своими руками изувечит брата и вышвырнет его за пределы мира. А то и по

физиономии прошелся бы, чтоб навсегда отбить желание говорить гадости.

Они слишком поздно поняли, что их настоящий враг плывет в своей ладье над миром, и его взгляд полон равнодушия. Входя в пирамиду на севере, свой склеп, Ардион наконец-то осознал, что любовь нельзя купить, заслужить, выменять или вытребовать. Она либо есть, либо ее нет – и не стоит разбивать себе лоб, пытаясь ее добиться.

Антия шла за ним, не говоря ни слова. Ее губы по-прежнему пахли зеленым яблоком, и в какой-то момент Ардион даже начал злиться. Милая привлекательная девушка, почему бы ее не поцеловать? Для этого нужно какое-то особое разрешение? И она замерла в его руках, словно пойманная птичка, которая отдалась на милость охотника: делай со мной все что хочешь, только не причиняй боли – и ее сердце колотилось быстро-быстро, а серебряный звон в ушах становился все громче, и от Антии веяло нежностью и печалью.

– Признаться, я боюсь, – сказал он, когда тропинка сделалась шире и до дома Лантан-ин-Мана осталось примерно полчаса пути. Среди сосновых стволов порхали золотистые бабочки, которые приносили волшебнику лесные новости – часть отделилась от стайки и полетела доложить о том, что через лес идут путники. Антия, которая все это время угрюмо сопела за спиной, мрачно осведомилась:

– Чего именно?

– Того, что с тобой что-нибудь случится, – ответил Ардион. Можно было лгать королям и бургомистрам, можно было рискнуть и что-то утаить от всевидящего ока Солнечного кормчего, но он всегда был честным с самим собой. Отправляясь в подземелье и принимая свою судьбу из рук отца, он подумал: вот бы увидеть ее еще раз. Просто посмотреть на ту, которая ударила его ножом, но не желала зла. И все сбылось, пусть и не сразу. – С теми, кто становится мне дорог, всегда что-то происходит.

«А я тебе дорога?» – Она не спросила, подумала – Ардион уловил эту мысль и беззвучно усмехнулся. Магия, которая наполняла его, текла потоками солнечного пламени, но пока он не мог контролировать ее до конца.

– Как, например, с Верном или Микеллой? – медовым голосом уточнила невыносимая девчонка. Ардион решил, что она бесконечно

смущена – боится его, себя, всего вокруг и прячет свой страх за привычной язвительностью. Надо же, а спустаться в другой мир по искаженной лестнице ей было совсем не страшно...

– В некотором смысле, – откликнулся он. – В общем, мне будет очень жаль, если с тобой произойдет что-то плохое. Например, ты попадешь к гривлам в лапы. Или провалишься в болото. Мне будет очень грустно, если ты умрешь раньше меня.

Маленький твердый кулак довольно ощутимо ткнул его под лопатку. Зендивен, который летел над их головами, рассмеялся. Ардион резко развернулся, подхватил Антию и, перебросив ее, словно овечку, устроил у себя на плечах и понес дальше, держа за запястья и лодыжки.

– Пусти! – заверещала она на весь лес, но было видно: за этой растерянностью и возмущением ей смешно и весело. – Пусти, говорю!

– Иначе что? Пожалуешься на меня своему несчастному мужу, помоги ему Ауйле?

Антия шумно засопела.

– Пусти, – прошипела она сквозь зубы и больше ничего не сказала – так они пошли дальше, когда вышли к домику Лантан-ин-Мана, Ардион подумал, что сюда давно не приходили вот такие гости – беспечные, наполненные свободой и забывшие о страшном будущем.

Волшебник жил в небольшом, но очень уютном доме – деревянный, украшенный резным кружевом наличников, он словно вырос из травы на поляне. На высокой крыше, украшенной серебряным флюгером в виде змеи, сидела растрепанная синяя птица; когда Ардион осторожно опустил Антию на дорожку, щедро посыпанную каменной крошкой, птица сорвалась с места и, издав переливистую трель, растворилась среди деревьев. Антия огляделась: поляна, на которой стоял дом, выглядела ухоженной и обжитой. На клумбе поднимались розовые и белые копыя люпинов, среди них покачивались сиреневые колокольца мускари, из колодца доносилась возня и плеск воды, словно там играли рыбы, и Антия слышала

низкое мурлыканье откуда-то из-за дома. Зендивен издал восторженный писк и закружился в воздухе, танцуя от радости.

– Как хорошо! – воскликнул он. – Как же тут хорошо!

– Друг из давних времен, – слышался негромкий голос из-за кустов ежевики, и к дому вышел старичок в темных штанах и белой рубашке с подвернутыми рукавами. Ростом он был примерно по пояс Антии; длинную бороду украшали косы с вплетенными золотыми нитями, ярко-голубые глаза на смуглом лице сверкали весело и бодро. Ардион улыбнулся и поклонился.

– Я рад, что ты называешь меня другом, – сказал он. – Здравствуй, Лантан-ин-Ман.

Волшебник улыбнулся в ответ. Посмотрел на Антию – его взгляд был похож на теплое прикосновение к лицу, и впервые за все эти дни ей наконец-то стало по-настоящему спокойно. Все ее страхи и тревоги улеглись, а воздух вдруг сделался сладким – Антия дышала и не могла насытиться.

– Здравствуй, иномирная девочка, – произнес Лантан-ин-Ман и спросил: – В груди болит?

Антия опешила. Откуда он мог знать про тот крючок, который дергался и звенел все это время?

– Немного, – кивнула она. – Здравствуйте. Я Антия.

– Знаю. Филин рассказывал о тебе. Вода в ручьях говорила, где ты идешь.

В глазах волшебника мелькнули хитрые искры – так дед, который приготовил интересную игрушку, будет смотреть на внуков, пришедших к нему в гости, и он указал на гостеприимно открытую дверь.

– Проходите в дом. Я рад, что вы здесь.

Тучи по-прежнему нависали над лесом, но, войдя в дом, Антия готова была поклясться, что в его окна светит солнце. Чего только не было в жилище волшебника! В углах стояли холсты, свернутые в трубки, – над ними парили зеленые искры. Бесчисленные венички из трав и цветов свешивались с потолка на толстых нитях, на длинном, чисто выскобленном столе красовались пирамидки из сердоликовой и янтарной гальки, под потолком перепархивали золотые бабочки, в шкафчиках вдоль стен расположились бесчисленные пузырьки и склянки с разноцветными жидкостями и порошками, а возле окна

Антя увидела крошечный старинный глобус и удивленно узнала очертания Великого Кита в изображенном на нем материке. Подойдя, она убедилась, что это в самом деле ее родной мир. Вот раскинулась Таллерия, вот Чарн, вот Данвигон на самом краю... Антия крутанула глобус и удивленно ахнула: с востока к Великому Китау напоззали новые земли, и она прочла надписи витиеватым шрифтом: Тахкеван, Вин-Вараван, Хар-Хамин.

Это был глобус двух миров.

– Иногда из прошлого можно достать удивительные вещи. – Лантан-ин-Ман бесшумно приблизился и прикоснулся к глобусу: бело-коричневые очертания земель налились светом, и Антия услышала птичьи крики. В лицо плеснуло соленой морской водой. По океанской глади поплыли флотилии кораблей с незнакомыми флагами, над землей полетели таллерийские дирижабли, нити железных дорог пролегли по Великому Китау и Ашх-Анорну, и гусеницы поездов побежали по обоим мирам. – Иногда прошлое может заглянуть в будущее и дать нам надежду.

– Это то, что случится? – спросила Антия. В горле пересохло; она обернулась на Ардиона и увидела, что он стоит возле стола с яркими камнями, словно не решается пройти к глобусу. Из россыпи мелких искр, парящих над глобусом, вдруг соткалось золотое перо и медленно поплыло над соединенными мирами.

– Да, – уверенно заявил волшебник. – Солнце вновь поднимется над нами, в этом нет никаких сомнений. Смотри!

Золотое перо скользило над Великим Китаом – Антия всмотрелась и увидела, что оно покрыто каплями крови. Ей вдруг сделалось страшно – все спокойное равновесие, которое окутало ее, когда она вошла в дом Лантан-ин-Мана, растаяло.

– Два мира объединятся, но мы погибнем? – спросила она, боясь услышать ответ и зная, что ответит Лантан-ин-Ман. Волшебник неопределенно пожал плечами.

– Да, скорее всего. Впрочем, есть и еще один путь. Я могу укутать вас своими заклинаниями, и вы окажетесь неуязвимы для гривлов. Они забудут, что вы вообще есть на свете. Сможете жить здесь – леса велики, и гривлы сюда не заходят.

– Я иномирянка, – глухо откликнулась Антия. – Ашх-Анорн отторгает меня.

– Больше не будет. Ты станешь его частью, он тебя примет.

Поезд полз по железной дороге. Дирижабль размером с рисинку развернулся, показывая таллерийский флаг на своем серебристом боку. Антия смотрела на соединенные миры и понимала, что готова расплакаться. Темное чувство поднималось из самого ее нутра, не давая дышать.

Солнечное перо, испачканное кровью, плыло над глобусом. В голове зашумело, словно тысячи голосов закричали: «Жить! Жить! Ты сможешь жить!» Антия машинально оперлась о подоконник и вдруг увидела красноволосого гривла, который бросал копьё. Грудь обдало огнем – боль была настолько сильной, что на какое-то мгновение дом старого волшебника размазался пестрыми потеками красок.

– Я здесь не за этим, – негромко, но твердо ответила она, и боль отступила. Надо было вернуться. Увидеть дядю Бриннена и Эдвигу, поднять Верна с изувеченной земли. А даже если они с Ардионом погибнут – ну и что с того? Смерть не имела никакого значения, так сказал тот парень в подземелье, и Антия сейчас была с ним полностью согласна. – Я спустилась в Ашх-Анорн, чтобы спасти свой мир, и... – Она сделала паузу и добавила: – Я не предам.

Лантан-ин-Ман усмехнулся. Он проверял Антию, решал, чего она стоит и можно ли ей доверять – сейчас она видела, что прошла проверку.

– Что же, и жить не хочешь?

– Хочу, – призналась Антия. Ощущение удара в грудь было не призрачным – настоящим, но сейчас оно развеивалось туманом над болотами. Антия снова почувствовала себя живой и сильной, как в тот день, когда вернула себе корону своего отца. – Очень хочу. Но моя жизнь, – она кивнула в сторону Ардиона, – и его жизнь – это совсем немного, чтобы прогнать гривлов. Я Антия Корр вин Фалан, королева Таллерии, и я не предам тех, кто меня ждет. Тех, кто в меня верит.

Волшебник понимающе кивнул, и глобус остановился. Рассыпались дирижабли, убежали поезда, но очертания Великого Кита и Ашх-Анорна остались прежними, и Антия вдруг всей своей взмокшей от страха кожей поняла, что по-настоящему смогла войти в дом Лантан-ин-Мана только сейчас.

Волшебник проверял ее – и она прошла проверку.

Ардион понимающе улыбнулся, и Антия вновь вспомнила, как он поцеловал ее в лесу. Солнечная кровь и королевское серебро объединяют миры...

– У меня сегодня рыбный суп на обед, – сказал волшебник, проходя к белой печи, украшенной красно-синими рисунками: птицы раскрывали крылья, олени выбегали из чащи. Вынув большой чугунок, он перевел взгляд на Зендивена, который с восторгом вглядывался в глубину сердолика, и добавил: – А для вас, ваше высочество, есть лунная пыльца и цветы люпинов. Будете?

Зендивен вспорхнул над столом и церемонно поклонился:

– Благодарю вас, добрый хозяин!

Обед прошел спокойно и быстро. После того как суп был съеден, а посуда вымыта, Лантан-ин-Ман приказал Ардиону снимать рубашку и усаживаться на скамью. Антия тихонько устроилась в углу вместе с Зендивеном, который с довольным видом жевал что-то похожее на желтый хлебец, и, когда Ардион разделся и сел, где было указано, подумала, что раньше у него были татуировки – россыпь точек, от которой теперь и следа не осталось. Просто сильное красивое тело, гладкая чистая кожа, и Антии вдруг страшно захотелось узнать, какова она на ощупь. Прикоснуться кончиками пальцев, пройти по плечу...

Так, достаточно. Она не о том думает.

– Две ладьи погибли, одна повреждена, – негромко сказал Ардион и покосился на Антию: его взгляд был мягким и дружеским, и она невольно улыбнулась. Вспомнилось, как когда-то они сидели в туманном саду, Ардион рисовал заросли жасмина, и она с тоской и надеждой говорила ему о том, что он еще может все исправить. Оставить Ашх-Анорн, уйти в Таллерию вместе с ней и Верном – тогда Антия испытывала настолько глубокое сочувствие, что не могла молчать.

Лантан-ин-Ман извлек из одного из своих ящичков металлический инструмент весьма впечатляющего вида – странную помесь клещей и ножниц – и с усилием погрузил его прямо в спину Ардиона. Антию передернуло, но владыка, кажется, не испытывал ни малейшего неудобства. Волшебник развел ручки инструмента, и в воздухе повеяло жасмином. Тонкий и нежный запах проплыл по дому, и что-то дрогнуло и шевельнулось у Антии в груди, наполняя душу теплом, тоской и светом.

Ашх-Анорн должен жить. Таллерия должна жить.

– Ты знаешь, для того чтобы подняться в небо, не обязательно нужна ладья, – с улыбкой сообщил Лантан-ин-Ман. – Хорошо, если она есть, но можно обойтись и без нее.

Ардион удивленно обернулся к волшебнику. Тот улыбнулся еще шире, и Антия услышала странный звук – он приплыл откуда-то издалека и растаял. Она так и не поняла, что не так было в его идеальной красоте, но он заставил ее вздрогнуть и вцепиться пальцами в края лавки.

– Как это? – спросил Ардион. – Отец всегда... И Оракул тоже сказал, что я должен взять ладью Солнечного кормчего и...

Он в самом деле выглядел изумленным. Лантан-ин-Ман вынул инструмент, покрытый красно-золотыми мазками, из его спины и, вынув из шкафа бумажный пакет, принялся извлекать из него свернутые в клубок сушеные цветы и вкручивать туда, где, по мнению Антии, в спине владыки остались дыры.

– Да, ладья была нужна твоему отцу, – согласился волшебник. – Но ты не он. Да, можно починить сломанную ладью Солнечного кормчего, но ты-то не он. Ты должен подняться в небо на своих крыльях, а не на чужих.

Ардион нахмурился:

– И как это сделать?

– Прислушайся к себе. – В улыбке Лантан-ин-Мана появились нотки печали. – И ты обязательно это поймешь.

Лантан-ин-Ман закончил работу уже вечером. Когда он убрал свои инструменты и травы, то Ардиона наполнило тишиной и свободой – той, которая была с ним в юности, которой он постепенно лишился и не почувствовал утраты.

Он вышел во двор – недавно прошел дождь, и теперь кругом царил такая свежесть, что голова начинала плыть, словно после спиртного. Обратившись в сипуху, Ардион поднялся в небо. Лес лежал под ним темно-зеленой шкурой таинственного животного, лес был полон жизни, птичьих голосов, звериных шагов, и сейчас, в совином

обличье, Ардион ловил каждую нить этой жизни. Он чувствовал движение соков в травах и ягодах, улавливал биение крови в заячьих венах, слышал негромкий треск яиц, из которых вылуплялись птенцы – он был частью мира, и мир принадлежал ему.

Когда Ардион это понял, то вернулся к домику Лантан-ин-Мана – Антия стояла рядом с цветочной клумбой и смотрела, как он летит; ее лицо было наполнено таким детским, чистым восторгом, что Ардион ощутил прикосновение солнца к душе.

Солнце всегда было с ними. Гривлы могли поднять тучи, могли напустить серое гниение на Ашх-Анорн, но солнце все равно продолжало светить.

Они не победят. Они никогда не победят.

Девчонка и вскрикнуть не успела – Ардион подхватил ее лапой за плечо и понес над лесом. Потом Антия, конечно, завизжала от восторга, раскинула руки – ей нравилось лететь, и он чувствовал ее счастье. А лес тем временем погружался в темную синеву вечера, и среди деревьев вспыхивали огоньки: ползли жуки, прокладывая тропы. На все голоса звенели насекомые. Ночные птицы бесшумно вылетали из гнезд – летели охотиться и, чуя запах сипухи, меняли направление. Тьма под корнями деревьев дрожала, разливаясь по травам, но она не была ни жестокой, ни голодной.

Просто часть леса. Часть мира.

– Здорово! – закричала Антия. Она почти сорвала голос – она хохотала и вопила, выплескивая радость полета, и лес радовался вместе с ней. Лес открывал ей объятия, словно потерянному ребенку, который наконец-то вернулся, и теперь она была по-настоящему счастлива.

«Мы скоро умрем, – с невероятной ясностью понял Ардион, но это понимание не принесло ему ни печали, ни боли. – Но это не конец. Совсем не конец».

Их с Верном убежище, домик на сосне, который они построили в детстве, совсем не изменилось – сосна выплыла из тьмы, и Ардион осторожно опустил Антию на порог. Какое-то время она сидела, не шевелясь – пыталась успокоиться и прийти в себя. Ардион сделал круг над лесом, словно желал ему спокойной ночи, приземлился рядом с Антией и, приняв человеческий облик, протянул ей руку.

– Мы любили играть здесь в детстве, – сказал он. – Прилетали сюда, коротали время за историями.

Анття кивнула, и Ардион провел ее в дом. Здесь все осталось таким же, как много лет назад, – казалось, филин и сипуха только что сорвались с порога и улетели к другим делам и затеям. Ардион похлопал в ладоши, и маленькая лампа, которая всегда стояла на аккуратном столе возле одного из круглых окон, зажглась, озаряя дом теплым желтым светом.

Когда-то они с Верном придумали свое общее заклинание на этой лампе. Подхватили лучи ее света, в четыре руки соткали золотое перышко и отправили в окно. Ветер подхватил его, унес, и Верн тогда закричал: «Мы смогли! Мы запустили свое солнце!»

– Наше гнездо. – Ардиону вдруг подумалось, что он еще сможет увидеть брата. Что филин с железным крылом встретит его и протянет руку – тогда они смогут забыть обо всем, что случилось, и простить друг друга. – Так мы его называли. Проходи, садись.

Дом был обставлен так, чтобы в нем можно было провести несколько дней со всеми удобствами. Осторожно, стараясь ничего не сломать, Анття прошла к диванчику, небрежно застеленному клетчатым одеялом, села и сказала:

– Тут очень уютно.

Ардион кивнул. Сколько же лет прошло – одеяло должно было сгнить, по полу и окнам давно полз бы мох, а лампа рассыпалась. Но огонь продолжал гореть, на стенах по-прежнему были его рисунки, и каждая дощечка, каждая ветка, каждая вещь здесь жила и была наполнена любовью и надеждой.

– Мы сюда прилетали, когда шел дождь. – Ардион выдвинул ящик стола и увидел стопку бумаги и свои карандаши. Он вынул листки – удивительно, они даже не пожелтели! – и взялся за нож: на пол упала белая стружка, заострившийся грифель готовился заскользить по бумаге, и Ардион с улыбкой подумал, что сегодня Анття не попытается его зарезать. – Верн всегда садился там, где сейчас сидишь ты. Брал какую-нибудь книгу о приключениях, читал вслух, а я рисовал.

Анття смотрела на него так, словно он никогда не охотился на нее. Ардион опустился на табурет – кажется, все здесь хранило тепло прошлых лет, кажется, он сам, настоящий он, все это время не покидал

этого места. Карандаш двинулся по бумаге: невыносимая иномирная замерла, и он невольно представил, как королева позировала для какого-нибудь официального портрета, которые вешают в учреждениях.

А сейчас королевы не было. Была лишь совсем юная девушка, которая наконец-то ничего не боялась. И он сам тоже был.

– Каково тебе было править? – поинтересовался Ардион. – Тебе ведь было всего шестнадцать, когда ты стала королевой, верно?

Антия кивнула.

– Сложно, – призналась она. – Честно говоря, очень сложно. Знаешь, мой дядя Бриннен всегда говорил, что это важно – слушать тех, кто знает лучше и больше, вот я и слушала.

– У тебя были хорошие советники? Мой брат?

– Да. Прежний король угрожал мне сюрпризами, в какой-то момент чуть не началась война с Чарном. Им не нравилась соплячка на троне, и они решили восстановить в правах прежнего государя. – Антия нахмурилась, сжала руки в замок и разжала.

Ардион улыбнулся:

– Ну ты показала им, чего стоишь. Я не сомневаюсь.

Конечно, она удержала то, что получила. Девушка, которая отправилась в другой мир, не упустила бы того, что принадлежало ей по праву. Ардион внезапно понял, что гордится ею.

– Да. Верн тогда очень помог. Теперь у нас с Чарном худой мир вместо доброй ссоры... правда, сейчас там все лежит в руинах. Нас всех объединила катастрофа.

Она вздохнула – юная королева, которая готова была отдать свою жизнь ради остальных. Когда-нибудь ее обязательно будут называть спасительницей мира... и у нее красивые глаза. Очень красивые, глубокие, бархатные, словно у молодого оленя. Наверное, взгляд Ардиона изменился, потому что Антия пристально посмотрела на него и спросила:

– Что-то не так?

– Все в порядке, просто не хмурься.

Она кивнула, и морщинка на ее переносице расслабилась. Они все еще были живы, они сидели в старом домишке на дереве, убежище двух молодых сов, и Ардион подумал, что впустил Антию в свою душу гораздо глубже, чем собирался.

Про это место никто не знал. А она теперь знала. Ему вдруг представилась россыпь бесчисленных дорог, которые привели их сюда через разные миры – карандаш двигался по бумаге, и нарисованный взгляд становился настоящим. Девушка на листке смотрела на художника и улыбалась.

Возможно, все, что от них останется, – этот домик на дереве и рисунок. За круглым окном сгустилась тьма, и мир словно застыл. Там, за стенами домика, больше ничего не было. Не плыл Великий Кит в другом мире, не бесновались гривлы, осушая людей и перекраивая Ашх-Анорн по своему вкусу, – остался лишь только домик, который два брата когда-то построили для игр, они с Антией и то, что сейчас росло и крепло между ними.

– Мне понравилось летать, – призналась Антия. – Когда Верн меня уносил от пирамиды, я тоже кричала... но тогда мне было так страшно, что я себя не помнила. А сегодня это было удивительно. Настоящее чудо.

Да, Ардион отлично помнил тот день. Срезанная верхушка пирамиды, каменеющие демоницы, которые падали, чтобы пополнить его армию, и филин с железным крылом, который уносил в когтях извивающуюся и орущую девчонку. Он бросился в погоню и удивленно обнаружил, что в груди пробудилась боль. Заныло, задергалось, словно там был крючок, который тянул его за братом и этой девушкой.

Тогда он решил отодвинуть в сторону лишние размышления. У него был долг, который требовалось исполнять, – и он исполнял, и это привело его в пирамиду на севере.

Ардион нанес на бумагу последний штрих – нарисованная Антия смотрела ему в лицо, и ее взгляд проникал туда, куда он сам не отваживался заглядывать. Он протянул рисунок – она взяла его, улыбнулась и с искренним смущением сказала:

– Меня никогда так красиво не рисовали.

– А часто рисовали? – поинтересовался Ардион.

Антия пожала плечами.

– Пару раз в детстве. Я никак не могла усидеть на месте, мне было скучно. И после коронации. – Она поднялась с дивана, аккуратно прикрепила рисунок на один из гвоздиков, которые Ардион когда-то во

множестве вбил в стены как раз для своих работ, и вдруг заметила: – Странно. Это очень странно.

– Что именно? – Ардион тоже встал, взял с одной из полок деревянную птичку: надо же, даже не запылилась.

– Ты больше не пытаешься меня поддеть. Не язвись. – Улыбка Антии сделалась мягче, а глаза темнее.

Ардион усмехнулся и провел кончиком пальца по носу.

– У тебя там снова грязь, – сообщил он. Антия с забавным возмущением потерла нос, нахмурилась и заявила:

– Ну вот, началось. Нет там у меня никакой грязи, я не рою землю носом и...

Он вновь поцеловал ее – привлек к себе резким порывистым движением, приник к чужому теплу и вкусу свежего зеленого яблока на губах. Антия окаменела, пытаясь то ли оттолкнуть его, то ли обнять, а потом вдруг откликнулась на его поцелуй, расслабилась в его руках, сделалась мягкой, словно глина, – бери, делай, что хочешь.

По крыше процокал дождь. У Антии оторвалась пуговица на рубашке, закатилась под диван – он слишком торопился, пытаясь избавиться ее от одежды. В какой-то момент Ардиону показалось, что домик сорвался с дерева и поплыл по штормовому морю. Комната рассыпалась красно-золотой мозаикой – он выхватывал из нее то волосы Антии, разметавшиеся по подушке и отдававшие в рыжину в неверном свете маленькой лампы, то ее пальцы, тонкие и горячие, которые впивались ему в плечо, то сбивчивые неразборчивые слова, которые они шептали друг другу. Его бросило в жар, хотя в комнате было довольно прохладно, – сердце бешено колотилось, и дыхание срывалось, словно он до этого никогда не был с женщиной. Потом Антия обвила его руками за шею, притягивая к себе, словно хотела, чтобы они слились друг с другом навсегда, – и, когда счастливая вечность все-таки подошла к концу, Ардион подумал, что это был акт не любви, но отчаяния и надежды.

И потом, когда она засыпала в его руках, он вдруг понял: там, далеко-далеко, в том недостижимом и грустном месте, куда ушла его юность, то солнечное перо, которое они когда-то выпустили в небо с Верном, все еще живо и продолжает лететь.

И это как раз было тем, что имел в виду Лантан-ин-Ман, когда говорил, что ладья больше не нужна.

VIII

Гривлы

На рассвете снова пошел мелкий дождь.

Сквозь сон Антия слышала, как Ардион поднялся с дивана и вышел из комнаты – вскоре закрипела дверь, и сипуха захлопала крыльями. Потом он вернулся: от него пахло прозрачной водой ручьев и свежей зеленью листвы, которую не исказила порча. Антия шевельнулась под одеялом, приоткрыла глаза и увидела силуэт Ардиона у стены – он снова взял стопку бумаги и принялся рисовать.

– Спи, – негромко сказал он. – Еще очень рано.

И Антия снова скользнула в глубины сна – разомлевшая, счастливая, она самой себе напоминала бумажный фонарик, так ей сейчас было легко. Подхватит ветер, понесет над лесом... Крючок по-прежнему напоминал о себе, ворочаясь в груди Антии, но теперь он не причинял боли.

Да, возможно, Лантан-ин-Ман прав и они оба умрут. Но пока у них был этот дом на дереве, это сладкое торжество, и возможная смерть уже не имела значения. Не пугала. Плывя по темным волнам сна, Антия все еще чувствовала прикосновения, на которые так жадно откликалось тело, отпечатки чужих пальцев светились на ее коже золотыми мазками, и голову наполняло хмелем, и мир был счастливым и безграничным.

Она проснулась на рассвете – небо над лесом засерело, дождь перестал. Одевшись, Антия вышла на порог – причал, с которого когда-то отправлялись в путь сипуха и филин. Ардион сидел на самом краю, свесив ноги, и над его ладонью парило то самое золотое перышко, которое Антия вчера увидела над глобусом Лантан-ин-Мана. Только сейчас на нем не было крови – оно было наполнено медовым сиянием, и на миг ей показалось, что она слышит музыку – торжествующий гимн жизни.

– Что это? – поинтересовалась Антия, усаживаясь рядом с ним. Сосна, к стволу которой прилепился домик, была самой высокой в лесу – отсюда было видно, что он уходит до самого горизонта, наполненный красотой и свободой.

– Мы с Верном сами придумали это заклинание, – ответил Ардион. Дунул – перо сорвалось с его ладони и, подхваченное ветром, мягко поплыло над лесом. Там, где оно скользило, лес будто бы оживал – шелестели ветви, слышались птичьи крики, все вздрагивало и тянулось к золотому огоньку. – Понимаешь, одно дело – пользоваться чужими заклинаниями и совсем другое – создать свое. Мы так тогда обрадовались. – Ардион улыбнулся и добавил: – И я вдруг понял, как мы поднимемся в небо. Лантан-ин-Ман был прав, ладья и в самом деле не понадобится.

Антии стало страшно – так, что ноги онемели, а в животе заворочался ледяной ком. Они поднимутся. Они изгонят гривлов и объединят оба мира – начали уже объединять этой ночью. Великое Небо, почему ей тогда настолько жутко?

– Прямо сейчас? – спросила Антия и не узнала своего голоса. Ардион кивнул и осторожно сжал ее пальцы.

– Почему бы и нет? – ответил он вопросом на вопрос. – Заглянем только к Лантан-ин-Ману, я хотел уточнить кое-что.

Домик на сосне, лес, низкое рассветное небо завертелись, и червоточина в пространстве выбросила их на знакомую поляну. Изрытая земля ударила в подошвы ботинок, и Антия, глядя на сломанный люпин, растерянно подумала: вчера тут такого не было.

Поляна была изувечена. Казалось, здесь прошло огромное войско. Клумба была вытоптана, кусты изломаны, дверь в дом висела на одной петле. И на всем лежал тот отпечаток серой тоски, который Антия впервые ощутила там, где пеплом лежали защитники последнего оплота людей на севере. Тишина была непроницаемо глухой – здесь не было никого и ничего живого.

Здесь были гривлы.

Она зажала рот ладонями, стараясь удержать крик. Ардион двинулся к дому – его шаг утратил всегдашнюю легкую упругость, словно сломался тот стержень, который все это время поддерживал владыку, заставляя идти вперед. Заглянув внутрь, он какое-то время постоял молча, и Антия с ужасом подумала, что сейчас в доме все так же, как в поселке джайпсов.

– Нам с тобой тут послание, – услышала она и, собравшись с духом, подошла к Ардиону и сжала его руку.

В доме все было вверх дном. Гривлы растоптали глобус, разбросали душистые венчики трав, разломали стол и лавки. Камней не было – наверное, их забрали, как диковинку на память. В центре дома висело туманное полотно, на нем двигалась и кривлялась рожа гривла, и Антия узнала их старого знакомого с копьем. Когда они переступили порог, призрачный гривл замер, а затем издевательски поклонился и проговорил:

– Волш-шебник и пискля ждут вас обоих в Тангашенте. Приходите, и мы казним вас вместо них-х. Мы погас-сим поганое солнце. Ес-сли вы не придете, то от Тангашента и Санварары останетс-ся только пепел.

Значит, их все-таки выследили. Значит, гривлы как-то обнаружили это место, взяли Лантан-ин-Мана и Зендивена в заложники и теперь ждали, что владыка Ашх-Анорна придет за ними. Тот Ардион, которого Антия знала два года назад, и пальцем не пошевелил бы. У него была бы другая, более важная цель, и что рядом с ней жизни старого волшебника и принца альвини? Или она его совсем не знала?

– Что мы будем делать? – спросила Антия, уже понимая, что он ответит. Ардион нагнулся, поднял с пола случайно уцелевший сердолик, подбросил на ладони.

– Мы должны их освободить, – произнес он. – Отправимся в Тангашент – что еще нам делать?.. Думаю, гривлы не убьют нас вот так сразу, они устроят показательную казнь. Помнишь, они нам это уже обещали.

Он сунул руку в карман, извлек маленький бархатный мешочек, и Антию вдруг кольнуло в затылок разрядом молнии. Там, в мягкой глубине скрывалась вещь непостижимой мощи. Ардион держал на ладони бомбу, которая могла бы уничтожить половину материка.

– Что это? – спросила Антия.

– Сюрприз для гривлов, – улыбнулся Ардион, и она с облегчением поняла: он совершенно спокоен, он точно знает, что надо делать.

Земля содрогнулась, словно издалека сквозь ее толщу пробивалось громадное чудовище в поисках выхода на поверхность. Антия успела представить тупую безглазую морду в складках кожи, и дом затрясся, словно попал в руки играющего ребенка.

– Снова землетрясение, – с каким-то безразличием сказал Ардион и взял Антию за руку. – Нам пора.

Они вынырнули на том самом холме, на котором раньше стоял храм Святой Джават-хи. Сейчас не было ни холма, ни храма, лишь изрытая растрескавшаяся пустошь. Ардион обернулся к развалинам городка, и его тотчас же схватили за руки, ударили в спину и поставили на колени.

Антия завизжала – сразу трое гривлов бросились на нее, смяли, швырнули на землю. «Терпи, девочка», – только и смог подумать Ардион: его легонько, почти играючи кольнули под ребро, и он услышал издевательский голос:

– Не дергайся, владыка.

Красноволосый гривл держал в руках знакомое копьё с золотыми бляшками. Антия тотчас же замолчала; гривлы вздернули ее, поднимая на ноги, – она смотрела на красноволосого и копьё, и в широко распахнутых глазах плескался ужас.

– Не дергайс-ся. – Гривл оскалился, обнажив бесчисленные зубы-иголки. – Пока ещ-ще рано. Пока ещ-ще не началось.

Ардион не ответил. Осмотрелся – со стороны того, что осталось от города после землетрясения, спешили гривлы и люди, которых подталкивали в спины. На побелевших отчаявшихся лицах он увидел страх, надежду и бесконечную тоску. Надежда рассыпалась в прах – должно быть, никто не думал, что владыка Ашх-Анорна явится спасти старого наставника.

А он явился. Можно было бы создать солнечное перо и подняться в небо прямо сейчас, но Ардион понимал: казнь волшебника и Зендивена будет тем, что он увидит сверху. Гривлы будут умирать – и все равно убьют Лантан-ин-Мана и принца альвини. Разорвут на части последним усилием.

На какой-то момент на пустоши сделалось тихо. Все смотрели на них с Антией, и Ардион думал – был бы он поглупее, ударил бы немедленно. Обратил бы всех этих гривлов в каменные статуи – и в ту же минуту Лантан-ин-Мана и Зендивена растерзали в тюрьме. Сейчас они были живы – скользнув взглядом по течениям магических полей,

он выдернул нити волшебника и принца альвини. Живы, их даже почти не били.

Копье снова кольнуло под ребро, боль поплыла серой паутиной. Гривл снова осклабился – его забавляло все это. Он был уверен, что победил.

– Пош-шли, – распорядился он.

Ардиона поставили на ноги, вновь толкнули в спину – он равнодушно двинулся вперед к городским развалинам. Люди расступались, глядя, как его ведут, словно пойманное животное. Лица дрожали, смешиваясь в грязно-белые мазки на холсте. Кто-то из женщин заплакал, кто-то протянул руку и дотронулся до него, и в ту же минуту в плечо прилетел гнилой помидор и растекся уродливым аксельбантом.

Ничего нового. В толпе всегда будут те, кто захочет угодить хозяевам. Жаль, что они не понимают: ты можешь плясать перед гривлами хоть боком, хоть с подскоком – они все равно сожрут тебя рано или поздно.

Антию вели позади; Ардион обернулся и увидел, что от испуганной девчонки не осталось и следа. За ним шла королева – гордая, сильная, негибкая. Он улыбнулся – все правильно. Она всегда была такой. Люди смотрели на них с искренней болью, и гнили больше никто не кидал.

– Солнце! – услышал Ардион, обернулся и увидел, как в толпе мелькнули знакомые рыжие косы Мики. – Солнце снова поднимется над нами!

Один из гривлов завертелся, пытаясь поймать ее, но Мика растворилась среди людей, и все они, мужчины и женщины, молодые и старые, стали поднимать к небу руки с вытянутыми указательными пальцами – древний знак, которым приветствовали ладью Солнечного кормчего, что поднималась в небо, посрамив тьму.

– Солнце! – летело отовсюду. – Солнце!

– Солнце поднимется над нами!

Гривл ударил в лицо какого-то старика, сбил на истоптанную землю – несчастного тотчас же подхватили, втянули в толпу. Теперь люди стояли плечом к плечу, теперь это было не то покорное стадо, которое пригнали сюда, чтобы они увидели посрамление их владыки.

Теперь они готовы были сражаться и умирать.

– Солнце поднимется над нами!

Красноволосый гривл рассмеялся – зачавкал, защелкал.

– Мерз-ское солнце умрет, – пообещал он, и Ардион подумал, что тот готов броситься в пляс от восторга. – Вы его больше не увидите.

Их привели в городскую тюрьму, которая – вот удивительно! – уцелела после землетрясения, там разделили и увели по камерам. Антию потащили куда-то по лестнице, Ардиона повели в подвал: там его встречал здешний начальник из людей – высоченный и тощий, одетый в парадную форму с бесчисленным количеством орденов, он выглядел ошарашенным, словно и представить не мог, что его тюрьма будет когда-нибудь встречать настолько высокого гостя. Ардион вроде бы вспомнил его: генерал Экели Мариндан. Красноволосый втолкнул Ардиона в камеру, прошел следом и, прижав липкие пальцы к его шее, с какой-то сладострастной тоской проговорил:

– Выс-сушить бы тебя прямо сейчас. Но это не так интерес-сно.

Начальник тюрьмы остался в коридоре – Ардион видел, как он трясется от страха. Гривл снова оскалился, клацнул зубами, и камеру окатило такой волной смрада, что глаза заболели. Когда красноволосый вышел из камеры, а замка еще не закрыли, Ардион произнес негромко, но по-хозяйски:

– Господин начальник, зайдите.

Дверь грохнула так, что отдалось по всей тюрьме. Загремели, закрываясь, замки. Ардион огляделся – да, камера была из приличных, из тех, которые отведены для людей с образованием и чинами: здесь была настоящая койка, а не ворох гнилой соломы на полу. Он вновь проверил течения магических полей: Лантан-ин-Ман жив, Зендивен жив, с Антией тоже все в порядке.

Поморщившись, Ардион дотронулся до ребра, в которое его колот красноволосый. Не надо было расстегивать рубашку, чтобы убедиться: сейчас по коже медленно растекается серая паутина. Ладно, это не то, о чем стоит беспокоиться, – скоро все и так подойдет к концу.

Мариндан пришел через четверть часа – зашел, тревожно озираясь, словно гривлы могли выпрыгнуть на него из-под койки, и поклонился Ардиону в ноги.

– Владыка... простите. Видит Небо, ни в чем не виноват, я человек подневольный, и они...

– Пустяки, – оборвал Ардион его излияния. – Где волшебник и альвини?

– На втором этаже, – с охотой ответил начальник тюрьмы. – Девушка ваша тоже там. Шех-Шин сказал, что их казнят первыми, чтобы вы увидели. Вас – последним. И еще детей там выставили, на тот случай, если вы захотите прорваться. Казнят сразу же, как только вы попытаетесь сбежать.

Да, ничего другого от гривлов он не ожидал.

– Шех-Шин это тот красноволосый? – уточнил Ардион.

Начальник тюрьмы кивнул:

– Да, он у них один из главных по региону. Самый сильный и опытный боец.

– Где сейчас гривлы?

– Особый отряд ваших караулит. Другие пошли людей собирать. Будут смотреть на казнь. Друзей ваших сожгут, вас...

Ардион кивнул:

– Я понял. Хорошо. Можете идти.

Мелькнуло соблазнительное желание смести дверь, которую сейчас так старательно запирали Мариндан, подняться на второй этаж, окаменяя всех, кто встанет у него на пути, освободить несчастную ребятню, Антию, Лантан-ин-Мана и Зендивена и, вырвавшись на свежий воздух, начать наконец дело. Ардион усмехнулся, опустился на койку – надо же, даже застелена чистым одеялом – и решил повременить.

Мариндан рассказывал слишком много и охотно, даже про заградительный отряд из детей рассказал – а по старым временам Ардион помнил, что в присутствии высшего руководства тот предпочитал говорить «никак нет» и «так точно». Он мог выполнять приказы новых хозяев, так что вряд ли ему стоило верить до конца. Ардион мог бы выйти из камеры и попасть в новую ловушку, о которой начальник тюрьмы не стал упоминать, или увидеть, как гривлы снимают с Антии кожу.

Что ж, подождем начала казни. В конце концов, он здесь не зтем, чтобы героически сдохнуть и погубить остальных.

Ардион вытянулся на койке и закрыл глаза. Перед тем как погрузиться в дрему, он окончательно понял, как использует свою бомбу.

Хорошо, что гривлы так торжествовали, поймав их с Антией, что это торжество затуманило их разум и не дало провести обыск.

– С-слабак. Ваш владыка – слабак, чишшки.

Красноволосый стоял возле входа в камеру, и Антия видела, что ему доставляет удовольствие насмехаться над заключенными. Лантан-ин-Ман сидел на груди соломы в углу, голова волшебника была небрежно замотана грязной тряпичей. Зендивен с наполовину оторванным крылом расположился у него на плече – грудь принца альвини украшала глубокая царапина, но, увидев их обоих живыми, Антия обрадовалась так, что едва не бросилась в пляс.

– Ему бы сейчас-с вырваться из клетки, – продолжал издеваться гривл. – Подняться с-сюда, испепеляя моих воинов. С-спасать своего учителя и свою бабу. А он с-спит.

– Пусть спит, – не выдержала Антия. – Я бы тоже вздремнула.

Гривл ощерился – его острые зубы по-настоящему впечатляли. Антия невольно представила, как они сжимаются у нее на горле, и на всякий случай сделала шаг назад. Но красноволосый ничего не сделал – вышел из камеры, и Антия услышала, как в замках заворочались ключи.

– Нас казнят, – всхлипнул Зендивен и провел ладонями по измученному личику. – Нас били! Я пытался сражаться, и вот...

Он повел плечом, демонстрируя Антии пострадавшее крылышко. Лантан-ин-Ман улыбнулся.

– Видела бы ты, какой это был герой! Бросал в гривлов сердолик, одного укусил! Потерпи немного, маленький. Жаль, что я не могу сейчас залатать тебя.

Зендивен вздохнул.

– Что-то случилось с вашей магией? – спросила Антия. Волшебник кивнул и дотронулся до живота.

– Копье Шех-Шина. Он уколол меня, и мои силы будто уснули, – объяснил он. – Думаю, с Ардионом собираются сделать то же самое, если он пойдет на прорыв.

– Он не пойдет, – сказала Антия, усаживаясь на пол. – Это неразумно, и этого от него и ждут.

Лантан-ин-Ман понимающе качнул головой.

– Раз ждут, значит, есть еще какие-то сюрпризы.

Они увидели этот сюрприз, когда через два часа за ними пришли и, выведя из камеры, повели по коридору. Антия увидела перепуганных детей, мальчиков и девочек не старше шести лет, – они стояли дрожащей белой стайкой в коридоре, и серые туши гривлов с ухмылками нависали над ними, сжимая в руках изогнутые ножи. Да, Ардион мог бы вырваться из камеры, мог бы окаменеть и испепелить всех, кого встретит на своем пути, но детей он пощадил бы.

«Живой щит, – подумала Антия. – Им нужно наше отчаяние. Им нужно, чтобы мы тонули в нем и не сопротивлялись».

Их вывели во внутренний двор тюрьмы, запихали в клетку, которая служила для перевозки преступников, и угрюмый кучер хлестнул лохматую лошадку. Зендивен, который занял привычное место в кармане у Антии, поинтересовался:

– У тебя что, пуговица оторвалась?

Антия посмотрела на свою рубашку и кивнула. Да, оторвалась. Вчера вечером они слишком спешили избавиться от одежды. Усилием воли Антия отогнала воспоминания о минувшей ночи, словно все, что происходило сейчас, могло их осквернить. А она не хотела, чтобы серая мерзость прикоснулась к тому солнцу, которое наполнило ее душу.

Незачем.

Клетка выехала из тюремных ворот, и Антия увидела людей. Испуганные, одетые в какие-то обноски, чудом уцелевшие после землетрясения, они смотрели на клетку, и в их глазах была лишь печаль. Никакой надежды – но они все же не отводили взгляда. Клетка грохотала колесами по мостовой, Антия поднялась на ноги и вцепилась в решетку.

Незачем сидеть. Она королева и примет любую судьбу – все, что у нее осталось, это достоинство и собственная честь. И Ардион – а он обязательно придумает, как всех спасти.

В конце концов, у него есть бомба.

Клетка проехала среди развалин и покатила по улице, которую землетрясение все-таки пощадил. Антия усмотрела в этом некоторую

иронию: сейчас они ехали через тот богатый квартал, который напомнил ей родной город и дома, в которых жила таллерийская знать. Люди с чистыми руками и красивыми лицами, которые сейчас толпились на улицах, были одеты в темно-синее, сиреневое и черное. Все они молчали, никто не кричал, что солнце вновь поднимется над ними, но их траур говорил сильнее любых слов. Антия улыбнулась, и юная девушка в иссиня-черном платье подняла руку, затянутую в кружевную перчатку, и робко махнула сидевшим в клетке.

– Им не победить, – негромко, но отчетливо проговорила Антия. – Им никогда не победить.

И тогда люди снова начали поднимать руки с вытянутым указательным пальцем – в полной тишине, не говоря ни слова, и Антия с нескрываемым удовольствием увидела, как от этого жеста кривились гривлы, которые стояли среди толпы. Она улыбнулась и так же вскинула руку, словно хотела дотронуться до солнца – Лантан-ин-Ман и Зендивен последовали ее примеру, и так они и выехали на городскую площадь, запруженную народом.

Люди стояли вперемежку с гривлами. В центре площади Антия увидела деревянный столб – гривлы подносили к нему вязанки хвороста, и по телу прошла ледяная волна. Ноги подкосились, Антия едва смогла удержаться и не упасть. За все эти дни, которые прошли с той минуты, когда Великий Кит пришел в движение, она в каком-то смысле успела привыкнуть к мысли о смерти. Но от того, что гривлы сожгут ее на костре, Антию окатило ужасом.

«Оракул, – беспомощно подумала она. – Оракул же не ошибается, а он ничего такого не говорил. – И внутренний голос тотчас же рассмеялся и добавил: – Вспомни, что пророчил призрак в лесу. Вспомни и не жди ничего хорошего».

Клетка остановилась, и к ней тотчас же придвинулись гривлы – распахнули дверь, запустили лапы внутрь, вытащили всех. Антию толкнули в спину – она растянулась на мостовой, проехала щекой по булыжникам, и один из гривлов ударил ее еще раз. Зендивен всхлипывал в кармане – он выглянул, оценил обстановку и спрятался снова. Антию рывком поставили на ноги, пихнули в сторону столба, и, качнувшись, она подумала, что у нее не хватит сил.

Ей было страшно. Ей было всего восемнадцать, и она не хотела умирать вот так, в огне и дыму.

Но она все-таки смогла выпрямиться и пошла вперед; Лантан-ин-Ман, который сохранял удивительную невозмутимость, двинулся следом, и когда они подошли к столбу, то люди на площади зашумели, оборачиваясь и поднимая руки к небу.

На площадь выплеснулся отряд гривлов, который возглавлял Шех-Шин с неизменным копьём в руке. Он вскинул его в низкое серое небо, потряс им, и гривлы заверещали, защелкали, зашипели – радовались. Следом вели Ардиона – он старался держаться уверенно и твердо, но Антия видела, что ему тоже страшно. Он тщательно скрывал свой страх – его выдавало только бледное лицо и потемневшие глаза.

Раньше она подумала бы, что он в такой ситуации открыл бы провал в пространстве и был таков. Но это было раньше. Антия смотрела на него, не в силах оторвать взгляд; когда одни гривлы выволокли владыку Ашх-Аорна в центр площади, а вторые принялись раздавать удары и оплеухи тем людям, которые закричали о солнце и подняли руки, то Антия услышала, как Ардион негромко произнес:

– Я хочу проститься с ними. Потом начнете.

Шех-Шин глумливо поклонился – Ардион шагнул вперед, и тогда гривл прицокнул языком и кольнул его копьём, на этот раз в спину. Лицо Ардиона едва заметно дрогнуло – Антия не выдержала, бросилась ему на шею и заплакала. Он обнял ее, протянул руку Лантан-ин-Ману и совершенно спокойным, невозмутимым тоном спросил:

– Готовы? Тогда летим.

Антия не сразу поняла, что произошло, – их окутало сверкающим золотым свечением, и что-то мягко ударило в ступни, подталкивая вверх: так акробаты в цирке подкидывают друг друга под купол. «Взрыв. Он бросил свою бомбу», – подумала Антия, цепляясь за руку Ардиона, и увидела, что они уже не стоят рядом с местом казни, а быстро поднимаются в небо.

Зендивен заливался смехом, схватившись за ее плечо. Золотое свечение у них под ногами менялось – невидимые руки ткали из него нити и сплетали в солнечное перо – огромное, не меньше ладьи Кормчего. Перо изогнулось, Ардион прижал руку к острому белому очину, и серая вата туч над ними разошлась, выпуская солнце.

На мгновение Антии показалось, что она ослепла. Кругом не было ничего, кроме бесконечной синевы и солнечного света. Когда отвыкшие от такой яркости глаза снова смогли видеть, она посмотрела вниз, на город – люди падали на колени, поднимая вверх руки с вытянутым указательным пальцем, а гривлы отчаянно металась по площади, пытаясь отыскать спасение. Вот один побежал в сторону того, что до землетрясения было музеем с колоннами, статуями и оборванной тканью рекламной вывески – солнечный луч упал на него, и гривл осыпался грудой серой пыли.

Анття коротко вскрикнула. Гривлов сметало в прах одного за другим. Тучи расходились, и солнечный свет падал на Ашх-Анорн, очищая его от скверны. Солнце исцеляло раненую землю – Анття видела, как серая грязь утекает прочь. Трепетали листья деревьев, оживая и наполняясь соками и зеленью, цветы поднимали изувеченные головы, птицы выпархивали на ветви, заливаясь удивленным пением. Все тянулось к солнцу, жило и дышало, поднималось ему навстречу. Весь мир наполняла торжественная песнь – гимн свободе и счастью.

Солнце шло, и Ашх-Анорн расцветал. Ладья нового Солнечного кормчего поднималась все выше и выше – тучи уходили, разрываясь на клочки, таяли, рассыпаясь последними каплями дождя. Над всем Ашх-Анорном теперь было чистое безоблачное небо – стоя рядом с Ардионом, Анття видела этот мир от края до края, и он был прекрасен.

Она вновь взглянула вниз, на город, и увидела красную голову Шех-Шина. Он стоял на площади, словно разбитая статуя – правой ноги у него больше не было, тело медленно рассыпалось в прах, но руки все еще держали копьё, и Антию обдало ледяной волной.

– Внизу! – закричала она. – Ардион, внизу!

– Держись, – откликнулся владыка. Он успел встать так, чтобы заслонить Антию собой, и резким движением руки выбросил на город сверкающий клубок солнечного света, поражая гривла.

Удар был таким, что у Антии все потемнело перед глазами. Она качнулась, пытаясь удержаться, протянула руку в поисках опоры и оперлась на что-то гладкое, твердое и липкое.

Пришла боль – настолько сильная, что Анття захлебнулась ею. В голове поднялся звон, тело наполнилось огнем. «Не смотри вниз, –

попросил внутренний голос. – Не смотри, пожалуйста». Но она все-таки посмотрела.

Лантан-ин-Ман горестно вскрикнул. Зендивен заверещал, закрывая личико ладонями. Боль была похожа на медленные удары колокола – она разливалась по телу, и мир качался и дрожал. Копье, которое последним усилием все-таки швырнул Шех-Шин, нашло свою цель – Антия и Ардион сейчас были нанизаны на него, как бабочки на булавку. Острие вонзилось в очин, и в темнеющем сознании Антии мелькнула мысль: «Вот теперь у нас есть руль».

Солнечная кровь и королевское серебро струились по древку темными ручейками, капали, собираясь лужами на дне ладьи, и Антии захотелось рассмеяться. Окровавленная рука Ардиона скользнула по ее плечу и упала – жизнь сейчас медленно уходила из них, и это было как во сне: ты хочешь проснуться, но сон продолжается. Почти без сил Антия откинула голову на плечо Ардиона – он издал тяжелый полувсхлип-полувздых, и она поняла, что перо поднимается все выше и выше.

– Держитесь, дети. Я помогу вам. – Голос Лантан-ин-Мана долетел из невообразимого далека, и Антии стало легче дышать. Мушки перед глазами рассеялись, но ей по-прежнему казалось, что все, что она сейчас видит, – это предсмертный бред. Солнечная кровь и королевское серебро текли быстрыми ручейками, мир пах железом и смертью – и мир, огромный и новый, рождался прямо сейчас.

Ашх-Анорн превратился в некое подобие мыльного пузыря – Антия видела стенки в радужных разводах, за которыми был второй такой же пузырь. Всмотревшись, она различила знакомые очертания Великого Кита в бесконечном океане и с облегчением сказала себе: «Я возвращаюсь домой. Еще немного – и все закончится».

Ардион выбросил руку вперед, дотронулся до их крови на древке копья, и Антия вспомнила заклинание, которое он показал ей в подземелье. Послышался легкий хлопок, и запах железа и крови смело ароматом жасмина и скошенной травы.

Два мыльных пузыря, два мира слились в один.

– Смотри... – услышала она хриплый голос Ардиона. – Посмотри, Антия. Кит... плывет.

Она с ужасом взглянула вниз. Великий Кит вынырнул из-под толщи материка, который за тысячелетия вырос на его спине –

вынырнул и рассыпался стайей голубых китов, больших и маленьких, родителей и детенышей. Мир застыл, чтобы никогда больше не вспомнить о разрушениях – киты поплыли по волнам океана, выбрасывая струйки воды. А с востока к материку подплывал Ашх-Анорн в россыпи сверкающих серебряных звезд – когда он замер, то Антия готова была поклясться, что видит людей, испуганных и счастливых, поднимающих руки к небу.

Множество людей и ни одного гривла. Серую мразь смело на изнанку Вселенной.

То, что им с Ардионом для этого понадобилось умереть, сейчас казалось Антии пустяком. Боль заполнила ее до краешка, словно сосуд, но она продолжала смотреть.

Она видела Таллерию – солнечное перо плыло над ней, и развалины затягивало золотым туманом. Когда он развеивался, города поднимались из руин, свежие и обновленные. Она видела разноцветные стайки дирижаблей и нити железных дорог, она видела поля, леса и реки, она видела мир, который теперь мог жить без боли и страха.

Зендивен всхлипнул, и ладья медленно двинулась туда, где угасало сияние над Запольем. Верну больше не надо было удерживать Великого Кита. Мир остановился навсегда, они смогли...

Копье Шех-Шина рассыпалось грудой серой пыли, и ее смело морским ветром. Антия рухнула на дно ладьи – рядом был Ардион, и на мгновение Антии показалось, что от их тел поднимаются тонкие струйки тумана: это вылетали жизни.

Пусть. Она успела узнать, что смерть не имеет значения.

Теперь было можно – она вздохнула и закрыла глаза. Ладья плыла над объединенными мирами, голова Антии лежала на плече Ардиона, и можно было...

Уже угасающий слух поймал тяжелое хлопанье птичьих крыльев.

Когда филин с железным крылом опустился в ладью, Антия окончательно погрузилась во мрак.

IX

Ладья плывет

Сквозь сон Антия слышала, как где-то в саду чирикает пташка. Едва уловимый ветерок приносил из сада запахи цветов и травы, пение птиц, летнюю свежесть. Ах да – сегодня же тот великий день, когда послы и владыки всех держав приносят Таллерии традиционную дань благодарности, в столицу съезжаются люди со всего мира, и Эдвиг тоже приедет, и надо будет окончательно решить, что ее величество Антия Таллерийская собирается делать дальше – принимать его предложение или отказать.

Нет.

Антия опомнилась – нет никакого дня благодарности, он закончился тем, что Великий Кит поплыл через океан. Эдвиг – ее муж, Таллерия и Данвигон объединились под короной их семьи, но обе страны лежат в развалинах, и надо...

Нет.

Нет никаких развалин. Антия видела, как разрушенный мир поднялся из руин. Они с Ардионом плыли на ладье, сотканной из солнечного пера, и земля, похожая на хрупкую сине-зеленую сферу, лежала под ними. Вот только потом они...

Умерли?

Чья-то рука погладила ее по голове. Антия открыла глаза, зная, что увидит Ардиона – но на нее смотрел Эдвиг. Он сидел на краю кровати, и в его глазах не было ничего, кроме бесконечной любви, – так истинно верующие смотрят на иконы. Он выглядел усталым и осунувшимся. Его лицо посерело, все эти дни Эдвиг почти не ел и спал считанные часы, но сейчас за этой усталостью Антия видела счастье – глубокое, неподдельное, нескрываемое.

«Я вернулась», – подумала Антия и поняла, что в ней нет ни радости, ни торжества победы. Она готова была расплакаться – слезы кипели в ней, подступая к глазам, но усилием воли она загнала их в глубину души. Над головой был знакомый потолок ее спальни. Она вернулась домой, в возрожденную Таллерию, и не знала, как будет жить в ней дальше.

Тот, кто плыл в солнечной ладье, склеивая своей кровью два мира, не сможет жить по дворцовым ритуалам. Никогда не сможет. Сейчас Антия понимала это с такой пронизывающей ясностью, что душу наполняло болью.

– Антия? – окликнул ее Эдвиг и сказал кому-то, кто стоял в стороне: – Она очнулась.

– Прекрасно! – Лантан-ин-Ман приблизился к кровати, дотронулся до руки Антии и удовлетворенно кивнул. Над его плечом показался Зендивен, и Антия невольно заметила, что его раненое крыло уже исцелено.

Вот и хорошо. Хоть кому-то должно быть хорошо.

– Как ты себя чувствуешь? – негромко, словно боясь спугнуть что-то очень боязливое и хрупкое, спросил Эдвиг. Антия прикрыла глаза. Ощущение копья, пронзившего ее тело, пришло и откатилось прочь морской волной.

Она смогла выжить.

Она вернулась домой.

– Хорошо, – ответила она. Голос был чужим, хриплым и дрожащим, словно испорченный музыкальный инструмент, но Антия знала, что это пройдет. – Как...

– Ты соединила два мира, – с нескрываемой гордостью произнес Эдвиг. – Наш материк полностью восстановлен. – Он улыбнулся и с восторженными интонациями ребенка, который получил такую игрушку, о которой даже не мечтал, добавил: – Это было чудо какое-то, Антия! Все заволочло туманом, а когда он рассеялся, то от разрушений и следа не осталось. Все было как раньше, до того, как Кит поплыл!

Антия прикрыла глаза. Невыносимо было смотреть на Эдвига, на его любовь и радость.

– Что с Ашх-Анорном? – спросила она.

– Мы знакомимся, – сказал Эдвиг. Теперь от его детской радости не осталось и следа: он говорил, как чиновник, который докладывает вышестоящему начальству. – Закладываем контакты и торговые связи. Я подписал договор от имени объединенных Таллери и Данвигона на поставку угля в Наршахен-Тцху. От них пойдет железо и дерево. Танхуран предлагает соглашение по рыбной ловле в наших водах, мне нравятся их корабли. Думаю о том, чтобы заложить совместные верфи.

Он не терял времени даром. Он работал на благо своей родины, и Антия ощутила благодарность и стыд. У них династический брак, они всегда будут идти рука об руку, они станут примером для остальных, но...

– Где сейчас Верн? – спросила Антия, хотя собиралась задать совсем другой вопрос.

Где сейчас Ардион? Она помнила его прикосновение, перед тем как упасть в темноту, – пальцы, наполненные огнем, скользнули по ее руке и исчезли. Воспоминание наполняло горечью и болью.

– С ним все хорошо, он отдыхает, – сказал Лантан-ин-Ман. – Если бы он не успел подняться в ладью, то мы бы сейчас не разговаривали. Он осушил себя до доньшка, но залатал ваши раны.

– С ним все в порядке? – вздрогнула Антия, хотя хотела спросить совсем не о Верне.

– Да, он обязательно восстановится, – улыбка волшебника была спокойной и мудрой. Он все понимал, никого не судил и ни о чем не жалел. – Скоро снова будет летать, сейчас пока крылья не очень слушаются.

Антии сделалось стыдно. Тоскливо и стыдно.

– А владыка Ардион? – спросила она. Судя по тому, как солнце сверкало в синеве летнего неба, с ним все должно быть хорошо. Губы Эдвиг дрогнули в едва заметной улыбке, словно он понял нечто такое, о чем никогда не будет говорить. И эта тайна в глубине его души сначала станет гореть, причиняя нестерпимую боль, а потом огонь иссякнет, и она начнет гнить, отравляя его.

Эдвиг всегда был мудр. Он прекрасно понимал все, что случилось между Антией и владыкой Ашх-Анорна, – понимал, но знал, что никогда не укорит ее ни словом, ни взглядом.

– Он жив, – откликнулся Лантан-ин-Ман, словно давал Антии понять, что ей больше не следует задавать вопросы об Ардионе в присутствии Эдвиг. – С ним сейчас Микелла.

– Я хочу его увидеть, – твердо сказала Антия. Ей хотелось попрощаться с тем, что случилось в Ашх-Анорне, и она считала, что имеет на это право. Пропрощаться и больше никогда не видеться, не вспоминать, не говорить. Жить дальше в династическом браке, научиться любить Эдвиг, земного мужчину, который достоин ее

преданности как никто. Антии хотелось надеяться, что она все-таки сможет, – и она точно знала, что это не в ее силах.

Лантан-ин-Ман понимающе кивнул.

– Разумеется, – ответил он и ободряюще улыбнулся. – Я провожу вас.

Ардиона разместили в той части дворца, которая когда-то принадлежала отцу Антии. Эдвиг сказал, что королеву лучше отвезти туда в каталке, она еще очень слаба, чтобы идти самостоятельно, но Антия твердо заявила, что отправится туда на собственных ногах. Чем быстрее и больше она будет двигаться, тем лучше, – Эдвигу оставалось только кивнуть. Сменив сорочку, в которой она лежала в постели, на домашнее темно-синее платье, Антия вышла из своей спальни – Эдвиг заботливо держал ее под руку, и от того сердечного тепла, которое сейчас его наполняло, ей делалось не по себе.

Она спасительница обоих миров. Таллерия готовилась окружить свою королеву почти религиозным почитанием – Антия видела этот дымящийся восторг в глазах слуг и придворных, которых встречала на пути: они кланялись ей в ноги, кто-то падал на колени, едва не теряя сознания в экстазе, и она чувствовала, что все эти люди хотят дотронуться до нее, словно до чудотворной иконы.

В прошлый раз, когда она вернулась из Ашх-Анорна, было почти так же. Но тогда она была чудом, а теперь стала спасительницей. Мелькнуло чье-то знакомое лицо, и Антия остановилась.

– Дядя Бриннен? – жалобно спросила она, протянула руку к старому вояке. Он подошел, и в его глазах Антия увидела слезы. Дядя Бриннен смотрел на нее с тем теплом, с каким родитель смотрит на выросшего ребенка, но за радостью и гордостью светилось поистине религиозное почитание.

– Девочка моя, – выдохнул он и осторожно, словно боясь обжечься, прикоснулся к ее пальцам. Антия стиснула его руку, пытаясь опереться на свое прошлое, на себя в этом прошлом, – какое-то время они стояли рядом, держась за руки, а потом она сказала:

– Я не знаю, что с этим делать, дядя Бриннен. Я не знаю, как мне быть дальше.

– Ты знаешь, – откликнулся он и дружески сжал ее пальцы. – Ты все знаешь, Антия, ты всегда это знала. Просто иди дальше своим путем.

Он всхлипнул, провел ладонью по щеке, стирая слезы, и Антии показалось, что это было прощание навсегда. Эдвиг повел ее дальше, и в ней вновь ожил стыд.

Как она сможет жить с ним теперь? Как она сможет смотреть в глаза тому человеку, который больше всех остальных был достоин любви, которой она не могла ему дать? Уважение, дружбу, заботу – да. Но не любовь.

Теперь только это имело значение.

– Почему здесь так жарко? – спросила Антия, когда они вошли в тот зал, в котором отец собирал свою коллекцию картин о мировых войнах. Полотна по-прежнему висели на темно-синих стенах: нарисованные пушки палили по кораблям, солдаты бежали, беззвучно раскрывая рты, горделивые победители входили в чужие столицы во всем блеске своей славы, и Антия вдруг почувствовала запах гари.

– Это от него! – пропищал Зендивен. – Он изменился, Антия. Ему надо в небо.

Антия зажала рот ладонью.

Первым, кого она увидела, войдя в бывшие отцовские покои, была Микелла. Она сидела в маленьком кресле рядом с кроватью и старательно размешивала какое-то темно-красное варево в высоком хрустальном бокале. Верн сидел на подоконнике, беспечно болтая ногами, и Антии показалось, что он в любой момент готов обратиться филином и взлететь. Он выглядел бледным и вымотанным, но очень довольным, – она представила, как все это время он удерживал Кита, не позволяя ему поплыть через океан, и сердце дрогнуло.

– Привет, – негромко сказала Антия и махнула, приказывая закрыть дверь. Ноги ныли – она была уверена, что упадет на пушистый белый ковер, и в то же время точно знала, что сможет пройти еще много тысяч миль. Верн легко спрыгнул с подоконника, Микелла поднялась, поставила бокал на прикроватный столик, и вдвоем они помогли Антии сесть – только тогда она смогла посмотреть на человека, который лежал на кровати, до пояса прикрытый одеялом.

От раны не осталось и следа. Помедлив, Антия дотронулась до живота Ардиона – теплая чистая кожа, словно копые гривла никогда не пробивало навывлет. Ардион дремал: вокруг его головы кружил рой бесчисленных рыжих искр, будто невидимые руки возложили корону. Под глазами залегли тени, лицо осунулось и заострилось, и Антия

невольно вспомнила, как увидела Ардиона мертвым на постаменте в пирамиде.

– Ты нас спас, – сказала она, обернувшись на Верна. Он кивнул и улыбнулся.

– Это было... – Верн рассмеялся, и Микелла улыбнулась. – Даже слов не подберу. Жутко. Это была смертная жуть – а потом за ней пришло счастье.

– Мы все здесь, – добавила Микелла, и в ее глазах плавали веселые золотые блески. – Вся наша семья.

Антия перевела взгляд на Ардиона. Владыка спал – на его коже снова проступали изящные переплетения татуировки, но теперь вместо чернил их наполняли ручейки пламени. Верн понял, куда смотрит Антия, и объяснил:

– Он меняется. Становится новым Солнечным кормчим.

Антия кивнула. Ничего другого она и не представляла. Тот, кто соединил оба мира своей кровью, поплывет по небу – мир Великого Кита и Ашх-Анорн уцелели, но Антия знала: однажды обязательно появятся новые демоны, которых надо будет сокрушить.

И вот Ардион поднимется в небо на ладье, сотканной из солнечного пера, а она останется внизу, на земле, – править соединенным королевством Таллерии и Данвигона, принимать почести, заключать соглашения и зачинать детей, чтобы укрепить династию. Ужас, пронзивший Антию, был сильнее копья.

Ей было стыдно. Ей было больно. Кажется, впервые за много лет она по-настоящему не знала, как быть и что делать дальше.

– Он... – начала было Антия и осеклась. Невидимая печать легла на ее губы, словно кто-то приказал: молчи. Молчи и смирись. Выброси из души все, что тебя наполняет, – просто живи дальше, повинуюсь своему долгу королевы и жены.

«Я не могу, – подумала Антия. – Я не могу, я ничего не знаю, я не могу отпустить ни его, ни себя».

Микелла вздохнула и погладила ее по плечу – от этого сочувствия стало еще горше. Верн словно прочел все сбивчивые мысли, которые кружились у Антии в голове: он присел перед ней на корточки и медленно и отчетливо проговорил:

– Ты знаешь, что надо делать. И ты это сделаешь.

Когда сознание вернулось, Ардион сразу же понял, что брат рядом, – и от этого чьи-то невидимые руки, которые все это время стискивали его душу, разжались, давая свободу.

Он не сразу открыл глаза – прислушался и уловил негромкий щебет птиц за открытым окном, шелест зеленой листвы, свежий морозный запах, который всегда окутывал Микеллу. Тонкая рука дотронулась до его щеки, и голос сестры мягко окликнул:

– Проснулся?

Это в самом деле была Микелла – светлая, яркая, наполненная умиротворением и тишиной. Она несколько не изменилась за все это время, и Ардион понял, что его сестра была счастлива – и что она все давным-давно простила и забыла.

От этого стало легче. Он кивнул и отозвался:

– Да. Это правда ты?

Микелла рассмеялась – она всегда была солнечной и смешливой, за это ее любили. И за легкий нрав, и за доброту, и...

– Прости меня, – сказал Ардион. – Прости, я поступил с тобой отвратительно.

Голубые девичьи глаза слегка потемнели, словно облако закрыло солнце – и уплыло дальше. Микелла вновь смотрела на него с теплом и любовью.

– Я давно тебя простила. Я очень рада, что ты жив, что ты здесь.

Ардион стиснул ее руку. Из глубины души к глазам поднималось что-то тяжелое, давящее – то, что скопилось слишком давно, и теперь пришла пора его выплеснуть. Микелла склонилась, прикоснулась губами ко лбу брата и тотчас же распорядилась:

– Так, а теперь выпей-ка вот это! Ну-ка, быстро!

В хрустальном бокале был тот травяной отвар с размятыми ягодами, который Лантан-ин-Ман всегда давал маленьким филину и сипухе, когда они заболели. От жидкости пахло чистотой детства – когда Ардион послушно сделал глоток, голову наполнил звон, а ноющая тяжесть растворилась без следа. Он вернул бокал Микелле и дотронулся до живота – там, куда вошло копьё гривла. Ничего. Чистая кожа, плотные мышцы, но под ними бродил огонь – свивался

танцующими лепестками, поднимался, собираясь выплеснуться, и смирялся, опуская вскинутые руки.

– Я новый Солнечный кормчий, – сказал Ардион. Микелла кивнула, и он услышал голос брата:

– Да, видел бы ты вас! Мне пришлось потрудиться.

Верн неслышно вошел в спальню – внес еще одну лампу, поставил на прикроватном столике и устало опустился в небольшое кресло. Ардион смотрел на него, вспоминая, как тот сказал, когда Солнечный кормчий стравил их в последний раз: «Я не буду убивать брата, чтобы потешить бога».

Теперь не было ни отца, ни прошлого. Теперь был новый объединенный мир, который они с Антией замешали и слепили на собственной крови, – была жизнь и дороги, по которым надо идти дальше.

– Ты устал, – сказал Ардион, не сводя взгляда с Верна. Все это время он удерживал Великого Кита, и даже думать не хотелось, каких сил ему это стоило. Брат выглядел осунувшимся, но счастливым – он завершил огромный труд и ему наконец-то стало легко.

– Есть немного, – улыбнулся Верн, и Ардион протянул ему руку – брат осторожно сжал его ладонь, и Микелла рассмеялась тем счастливым смехом, который всегда наполнял ее весной.

– Прости меня, – искренне произнес Ардион. – Прости меня, и давай пойдем вместе.

В улыбке Верна появилась печаль – та, которая выскальзывает из души при прощании.

– Ты новый Солнечный кормчий, – повторил он то, что Ардион сказал несколько мгновений назад. – Ты уходишь. Уже почти ушел.

Огонь, наполнявший тело, снова вскинулся – в глаза плеснуло расплавленным золотом, голову наполнило перезвоном бесчисленных колокольчиков. Новая ладья ждала в саду – он слышал ее тихий зов: «Давай поднимемся в небо, поплывем над землями и морями, увидим все, что будем любить и защищать».

– Я давно тебя простил, – негромко произнес Верн. – Ты это прекрасно знаешь.

Они рассмеялись, и Ардион вспомнил двух сов, которые вылетали из своего убежища – домика на дереве, где теперь есть портрет Антии. Интересно, увидит ли он этот домик, когда ладья отправится в путь?

Увидит. Обязательно. Ничто не может скрыться от взгляда Солнечного кормчего.

– Я не хочу быть таким, как отец, – признался Ардион, и Верн решительно заявил:

– Ты будешь намного лучше. Добрее и справедливее.

Микелла ничего не сказала – только кивнула, и в груди Ардиона неожиданно шевельнулся тот крючок, который соединял его с Антией.

– Она жива? – спросил он, и не надо было уточнять, о ком идет речь. На какое-то мгновение ему стало не по себе от того, что Верн мог ответить «Нет» – но брат улыбнулся и кивнул.

– Жива. Но она тоже теперь меняется. И я не знаю, как она будет жить, оставшись внизу.

Антия провела ночь в одиночестве. Отправила прочь служанок и лейб-медика с его склянками лекарств, открыла окно и, сев на подоконник, стала смотреть в темноту дворцового парка – ее разгоняло мягкое сияние новой ладьи Ардиона, и Антии думалось, что там, на дне, все еще остались пятна их крови.

Мир слишком изменился. Она победила, она вернулась и теперь точно знала, что не сможет в нем жить. Не сумеет заковать себя в церемониальный доспех дворцовых правил. Не сможет смотреть в глаза Эдвигу. Не вынесет всю тяжесть того поклонения, которая однажды обрушится на нее, словно цунами, и наступит день, когда Антия просто рухнет, не выдержав.

Она спасла оба мира, но ей не было места ни в одном из них. Не принцесса, которая сбежала от дворцового переворота и прошла через подземелья к Великому Киту, не королева, которая отправилась в другой мир, чтобы спасти свой народ, – Антия не знала, кем стала теперь, но ей было тяжело. Слишком тяжело.

Когда часы в спальне пробили полночь, она окончательно поняла, что так давило на ее плечи – груз будущей потери. Невыносимая ноша грядущей разлуки.

Острый нос ладьи нового Солнечного кормчего горделиво изгибался – она едва заметно дрожала, будто хотела отправиться в

путь. Ей не нравилось стоять на траве, не за этим она была создана: завтра утром Ардион выйдет в сад и, ежась от утренней свежести, поднимется на борт и попрощается с землей.

Завтра утром они расстанутся навсегда. У Антии будут лишь воспоминания, пригоршня сердоликов из домика Лантан-ин-Мана – она будет перебирать их темными зимними вечерами, вслушиваясь в вой ветра за окном и тоскуя о том, чего никогда не случится.

Ей хотелось заплакать, но она не могла.

Ранним утром в дверь постучала Микелла – когда Антия разрешила войти, она заглянула в спальню и сообщила:

– С ним все хорошо.

Антия кивнула.

– Он собирается улетать, – продолжала Микелла, не сводя с Антии сочувствующего взгляда. Она вновь кивнула, и бывшая маленькая белая мышь, которая спаслась из коллекции чудес и диковинок Безликого султана, добавила: – Он хотел бы попрощаться. Верн уже в саду. И твой муж тоже.

Должно быть, Эдвиг отправился туда, чтобы окончательно убедиться: тот, кто мог разрушить их жизни, уже никогда этого не сделает. Солнечному божеству, которым стал владыка Ашх-Анорна, не место среди людей, и люди, даже такие, как таллерийская королева, ему не ровня. Всхлипнув, Антия позвонила в колокольчик, вызывая слуг.

Надо было собраться.

Утро выдалось румяным и свежим. На траве лежала холодная роса – сойдя с дорожки, Антия сразу же промочила ноги. Возле лабьи собрались чуть ли не все обитатели дворца – в толпе Антия увидела и дядю Бриннена, и Лантан-ин-Мана, и Эдвига. Чуть в стороне Зендивен летал над пионами – судя по его разрумянившемуся личику, принц альвини счел таллерийские цветы изысканным лакомством. Антия удивилась, увидев, что компанию ему составляет такое же крылатое существо, только чуть поменьше: залиvisto смеется и кокетливо взмахивает ручкой, когда принц протягивает лепесток, угощая.

Что ж, пророчество Оракула сбудется – Зендивен возродит свой народ в чести и славе.

Эдвиг держался спокойно и уверенно – сейчас Антия видела истинного короля, который пришел отдать почести своему спасителю.

Опираясь на верную трость, он о чем-то негромко говорил с Ардионом, и на Антию вновь нахлынули жалость и стыд. Новый Солнечный кормчий мягко улыбался – сейчас он был облачен примерно в такие же серебряные доспехи, которые когда-то носил его отец, только плащ был не цвета артериальной крови, а белым.

«Вот и все, – обреченно подумала Антия. – Сейчас он поднимется в небо, и все закончится».

Дядя Бриннен поймал ее взгляд и кивнул, словно хотел сказать: «Ты знаешь, что нужно сделать, так сделай это правильно». Верн, который стоял рядом с ним, улыбнулся и дотронулся кончиком пальца до виска – своим жестом будто бы одобряя то, что Антии следовало сделать.

«Подойди к нему, – негромко приказал внутренний голос. – Подойди, вам надо проститься».

Антия подхватила пышные юбки одного из своих бальных платьев – нежно-сиреневого, с воздушным кружевом по вырезу, – люди расступились, пропуская ее и кланяясь в ноги. Приблизившись к Эдвигу, она взяла его за руку и негромко проговорила:

– Мне нужно сказать тебе кое-что.

Губы Ардиона дрогнули в едва уловимой улыбке – он обменялся рукопожатием с Эдвигом, кивнул всем остальным и быстрым упругим шагом двинулся к ладье: по бортам прошел нетерпеливый трепет, ладье хотелось подняться в небо. Эдвиг посмотрел Антии в глаза так, будто уже знал, о чем она будет говорить, и это вдруг придало ей сил.

– Ты хороший король, – сказала она, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Но от этого почему-то становилось легче. – Правь Таллерией и Данвигоном так, как правил все эти дни. Ты справишься.

Эдвиг нахмурился. Пальцы сжались и разжались на набалдашнике трости, глаза потемнели.

– Ты со мной прощаешься, – произнес он с далекой, едва уловимой дрожью в голосе, и тот груз, который все это время лежал на плечах Антии, вдруг растворился без следа. Она приняла решение, которое было не просто правильным – единственно возможным.

Тот, кто плыл на солнечном пере через два мира, должен остаться в небе. Только там его место, счастье и свобода.

– Да, – прошептала Антия и все-таки не удержалась: слезинка пробежала по щеке. – Я не могу остаться и не хочу тебя обманывать.

Ты хороший человек, Эдвиг, ты лучший из тех, кого я знала. – Она смахнула слезу и добавила: – Помнишь, как сказано в Писании: кроткие наследуют землю. Ты будешь замечательным королем, а я... Прости меня, пожалуйста, прости, но я правда не смогу. Такой, как ты, не должен жить без любви.

Солнце неторопливо поднималось из-за горизонта. Над соединенным миром вставал ясный безоблачный день. Антия услышала птичье пение, шелест листвы, далекие голоса людей, которые приветствовали новое утро. Эдвиг осторожно обнял ее, коснулся губами щеки и сказал:

– Тогда лети. Лети и будь счастлива.

Антия отступила от него – скользнула взглядом по собравшимся, прощаясь. Дядя Бриннен, Верн и Микелла, Лантан-ин-Ман и Зендивен, Эдвиг – они еще увидятся, сядут за большим накрытым столом, заговорят обо всем, что случилось в мире. Они обязательно встретятся, но теперь ей пора было в путь.

Она торопливо подошла к ладье – Ардион протянул руку, помогая подняться, и, встав рядом с ним, Антия наконец-то ощутила настоящее спокойствие, то самое, которое приходит после шторма, исцеляя все раны. Она наконец-то была на своем месте, она нашла его и не собиралась терять.

– Куда мы? – спросила Антия, обернувшись на нового Солнечного кормчего. Улыбка Ардиона была свежей и искренней. Он дотронулся до очина, перо дрогнуло и медленно стало подниматься в небо. Мелькнули лица людей, качнулись руки, поднятые в прощании, и парк вдруг сделался совсем маленьким, а мир – огромным. Мир просыпался навстречу солнцу и приветствовал новый день.

– Через всю землю от края до края, – ответил Ардион. – Увидим пути птичьих стай и дороги китов. Направим облака по склонам гор. Поразим демонов и сбросим на землю, если они вдруг появятся. У нас сегодня много интересных дел.

Столица внизу была крошечной – россыпью детских игрушек. По летней земле, озаренной утренним солнцем, шли люди и бежали поезда. Стайки дирижаблей качались над городами, и корабли выходили в море. Два мира, соединенные в один солнечной кровью и королевским серебром, жили вместе и радовались жизни.

– Я рад, что ты со мной, – негромко произнес Ардион, и Антия откликнулась:

– Я тоже рада.

Под ними скользнули растрепанные кудри облаков. Пролетели птицы. Внизу, в океане, неторопливо двигалась семья китов, приветствуя корабли.

Солнечный кормчий плыл по небу. Лик его был ясен.